

*Российская академия наук
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова*

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2020 Том 64 № 5 Май

Основан в июле 1957 г.

Выходит 12 раз в год
ISSN 0131-2227

*Журнал издается под руководством
Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН*

Главный редактор

А.В. РЯБОВ

Редакционная коллегия:

В.С. Автономов (НИУ ВШЭ, ИМЭМО, Москва), В. Андрефф (Ун-т Парижа, Сорбонна-1, Франция), В.Г. Барановский (ИМЭМО, Москва), А.Г. Большаков (Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, Казань), Ю.А. Борко (Институт Европы, Москва), Л. Бреннан (Тринити Колледж, Ирландия), Ф.Г. Войтоловский (ИМЭМО, Москва), А.А. Дынкин (ИМЭМО, Москва), В.С. Загашвили (ИМЭМО, Москва), Н.И. Иванова (ИМЭМО, Москва), С.М. Кадочников (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург), Р.И. Капелюшников (ИМЭМО, НИУ ВШЭ, Москва), Э.В. Кириченко (ИМЭМО, Москва), Н.А. Косолапов (ИМЭМО, Москва), Ю.А. Красин (Институт социологии, Москва), В.Л. Ларин (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Владивосток), Ли Юнцюань (Университет Китайской академии общественных наук, Пекин), К. Лиухто (Ун-т Турку, Финляндия), Г. Манготт (Инсбрукский ун-т им. Леопольда и Франца, Австрия), В.С. Мартыанов (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург), А. Мальхотра (Институт энергии и ресурсов, Индия), Е.В. Морозова (Кубанский государственный ун-т, Краснодар), В.П. Оболенский (Институт экономики, ИМЭМО, Москва), Г.М. Олевский (Латвийский государственный ун-т, Латвия), К. Росс (Университет Данди, Великобритания), А. Ротфельд (Варшавский ун-т, Польша), А.В. Рябов (“МЭ и МО”, Москва), Н. Симотомаи (Ун-т Хосей, Япония), А. Стент (Джорджтаунский ун-т, США), А.В. Торкунов (МГИМО(У), Москва), Л.А. Фадеева (Пермский государственный ун-т, Пермь), П. Фердинанд (Уорикский ун-т, Великобритания), Фэн Шаолэй (Восточно-Китайский педагогический университет, Шанхай), К.К. Худoley (Санкт-Петербургский государственный ун-т, Санкт-Петербург), Ю.Г. Чернышов (Алтайский государственный ун-т, Барнаул), С.В. Чугров (МГИМО(У), Москва)

Заведующая редакцией Е.Е. РУБЦОВА

*Адрес редакции: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23
Тел.: 8-499-128-08-83*

Электронная почта: metojournal@mail.ru, metojournal@imemo.ru

Москва

© Российская академия наук, 2020
© Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова РАН, 2020
© Составление. Редколлегия журнала
“Мировая экономика и международные отношения”, 2020

*Russian Academy of Sciences
Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations*

**WORLD ECONOMY
AND INTERNATIONAL RELATIONS**
(Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya)

2020 Vol. 64 No. 5 May

Published since July 1957

Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN 0131-2227

*The Journal is published under supervision of the Department of Global Problems
and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. RYABOV

Editorial Board:

AVTONOMOV V. (IMEMO, Higher School of Economics, Moscow), ANDREFF W. (University Paris I Pantheon Sorbonne, France), BARANOVSKY V. (IMEMO, Moscow), BOL'SHAKOV A. (Kazan' (Privolzhskii) Federal University, Kazan), BORKO Y. (Institute of Europe, Moscow), BRENNAN L. (Trinity College, Ireland), VOITOLOVSKY F. (IMEMO, Moscow), DYNKIN A. (IMEMO, Moscow), ZAGASHVILI V. (IMEMO, Moscow), IVANOVA N. (IMEMO, Moscow), KADOCHNIKOV S. (Higher School of Economics, Saint-Petersburg), KAPELYUSHNIKOV R. (IMEMO, Higher School of Economics, Moscow), KIRICHENKO E. (IMEMO, Moscow), KOSOLAPOV N. (IMEMO, Moscow), KRASIN Y. (Institute of Sociology, Moscow), LARIN V. (Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok), LI YONGQUAN (University of Chinese Academy of Social Sciences, Beijing), LIUHTO K. (University of Turku, Finland), MANGOTT G. (University of Innsbruck, Austria), MART'ANOV V. (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS, Ekaterinburg), MALHOTRA A. (The Energy and Resources Institute, India), MOROZOVA E. (Kuban' State University, Krasnodar), OBOLENSKIY V. (Institute of Economics, IMEMO, Moscow), OLEVSKY G. (Latvian State University, Latvia), ROSS C. (University of Dundee, UK), ROTFELD A. (University of Warsaw, Poland), RYABOV A. (MEMO Journal, Moscow), SHIMOTOMAI N. (Hosei University, Japan), STENT A. (Georgetown University, USA), TORKUNOV A. (MGIMO-U, Moscow), FADEEVA L. (Perm' State National Research University, Perm), FERDINAND P. (University of Warwick, UK), FENG SHAOLEI (East China Normal University, Shanghai), KHUDOLEY K. (Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg), CHERNYSHOV Y. (Altai State University, Barnaul), CHUGROV S. (MGIMO-U, Moscow)

Office Manager E. RUBTSOVA

*Address: 23 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation
Tel.: +7-499-128-08-83*

e-mail: memojournal@imemo.ru, memojournal@mail.ru

Moscow

СОДЕРЖАНИЕ

2020, Том 64, Номер 5

Китай: внутренняя и внешняя политика

- Болевые точки Пекина
В. Михеев, С. Луконин 5

Этнополитические процессы и нация в меняющемся мире

- Новые ракурсы политики идентичности: трудная память в музеях истории XX века
И. Семенов 16

Интеграционные исследования в ИМЭМО

- Международная роль евро и европейская интеграция
А. Поливач 33

Европа: новый реалии

- По итогам европейских выборов 2019 года. Националисты-популисты: социально-экономический аспект
М. Клинова 42
- Двухуровневая игра процесса обеспечения ответственности за нарушение права ЕС
А. Сорбалэ 52
- Дискурсивная сила КНР против нормативной силы ЕС: казус Италии
Е. Алексеенкова 62

Теория политики

- Корни и тренды японских теорий международных отношений
С. Чугров 73

Экономика, экономическая теория

- Законтрактованность региональных газовых рынков как фактор формирования цен на природный газ
С. Комлев, Д. Чапайкин 84
- Трансформация стратегий европейских автомобильных ТНК на российском рынке
Ю. Баронина 93

Арктика: новый регион мировой политики

- Экономическая политика Норвегии в Арктике
А. Кравчук 101

Современные проблемы развития

- Особенности индийской модели развития: опыт и перспективы
Д. Абрамов 109
- Индия: от “реформы М. Сингха” к экономической политике Н. Моди
Я. Садовникова 118

Научная жизнь

- Социокультурные исследования международной миграции и демографии 124

Вокруг книг

- “Четвертая власть” и общественное политическое сознание в век высоких технологий
Т. Ровинская 130
- Энциклопедия валютно-финансовой интеграции в Европейском союзе
Л. Худякова 135
-
-

CONTENTS

2020, Vol. 64, No. 5

China: Domestic and Foreign Policies

- Beijing's Pain Points
V. Mikheev, S. Lukonin 5
-

Ethnopolitical Processes and the Nations in the Changing World

- New Dimensions of Identity Politics: Contested Memories in History Museums of the 20th Century
I. Semenenko 16
-

Integrated Studies at IMEMO

- International Role of Euro and European Integration
A. Polivach 33
-

Europe: New Realities

- Following The 2019 European Election Results. National Populists: Socio-Economic Aspect
M. Klinova 42
- Two-Level Game of the Process of Compliance with the European Union Law
A. Sorbale 52
- PRC Discursive Force Against the Normative Force of the EU: The Case of Italy
E. Alekseenkova 62
-

Theory of Politics

- Sources and Trends of Japanese International Relations Theories
S. Chugrov 73
-

Economy, Economic Theory

- Contracted Gas Volume as Factor of Price Formation on Natural Gas Markets
S. Komlev, D. Chapaikin 84
- Transformation of European Automobile TNCs' Strategies on the Russian Market
Y. Baronina 93
-

Arctic: New Region of World Policy

- Norway's Economic Policy in the Arctic
A. Kravchuk 101
-

Contemporary Problems of Development

- Features of the Indian Development Model: Experience and Prospects
D. Abramov 109
- India: from "M. Singh's Reform" to Economic Policy of N. Modi
Y. Sadovnikova 118
-

Academic Event

- Socio-Cultural Researches of International Migration and Demography 124
-

Around Books

- "Forth Estate" and Public Political Conscience in the Age of High Technologies
T. Rovinskaya 130
- Encyclopedia of Monetary Integration in the European Union
L. Khudyakova 135
-
-

**КИТАЙ:
ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ ПЕКИНА

© 2020 г. В. Михеев, С. Луконин

*МИХЕЕВ Василий Васильевич, академик РАН,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (mikheev@imeto.ru).*

*ЛУКОНИН Сергей Александрович, кандидат экономических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (sergeylukonin@mail.ru).*

Статья поступила в редакцию 10.02.2020.

В конце 2019 – начале 2020 г. “болевы точки”, вызывающие обеспокоенность китайских властей, остались прежними. Однако в начале 2020 г. произошли изменения в иерархии их значимости – к ним прибавился коронавирус. Реализация первого этапа торговой “сделки” частично смягчила отношения между КНР и США, однако не сняла фундаментальные противоречия, связанные с нарастанием глобального соперничества двух стран. В китайской внутривластной сфере продолжается тенденция на усиление контроля, направленного на обеспечение социальной стабильности. Вспышка коронавируса рассматривается китайскими властями как серьезная угроза национальной, в том числе социальной и экономической, безопасности. Экономическим приоритетом КНР становится не рост “любой ценой”, а качество такого роста. В российско-китайских отношениях продолжается сближение, основанное также на оспаривании американского гегемонизма.

Ключевые слова: мировая экономика, Китай, США, “торговая война”, “торговая сделка”, Гонконг, российско-китайские отношения.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-5-15

**ОБЩАЯ ОЦЕНКА
ТЕКУЩЕЙ СИТУАЦИИ В КИТАЕ**

На протяжении последнего года круг наиболее острых проблем, стоявших перед китайским руководством, оставался неизменным: торговые “трения” с США, внутривластная стабильность, экономический рост, международное позиционирование Китая и отношения с ведущими странами, включая Россию. Однако структура приоритетности этих тем менялась. В начале 2020 г. произошло крупное изменение в иерархии значимости “болевы точек” Пекина, связанное с эпидемией коронавируса в Китае, рассматриваемой китайскими властями как в аспекте безопасности, так и в плане негативного влияния на китайскую экономику. Однако авторы этой работы решили не концентрироваться на хронологии и нюансах “войны с вирусом”, исходя из собственного прогноза, что к моменту выхода статьи в свет китайские власти сумеют купировать проблему.

Безусловно, **отношения с США**, которые рассматриваются в широком контексте, включая не только экономическую составляющую, но и глобальное военно-политическое соперничество, остаются в центре внимания внутренней и внешней политики Пекина. Вместе с тем после успешного проведения празднований 70-летия КНР в октябре 2019 г. китайское руководство, решив идеологические задачи демонстрации “мощи и непоколебимости” КНР, почувствовало большую

“свободу рук” в прагматичном поиске торговых компромиссов с США.

После того как в декабре 2019 г. стороны пошли на взаимные тарифные уступки, обозначились перспективы завершения так называемого первого этапа двусторонней торговой сделки и подписания соответствующего соглашения. Последнее было подписано 15 января 2020 г. и получило умеренно (*в том смысле, что не все вопросы решены и диалог будет продолжен*) позитивную оценку в среде международных экспертов. В комментариях по этому поводу отмечается, что соглашение, хотя и не решает всех проблем, позволяет расширить экспорт американских товаров на китайский рынок, улучшает ситуацию в вопросах защиты интеллектуальной собственности и в целом положительно повлияет на мировую торговлю и динамику фондовых рынков. Гонконгская пресса прямо называет соглашение “лучшим из того, что Китай и США сделали в последнее время” [1]. Вторая фаза торговой сделки, по словам Д. Трампа, может быть завершена уже после президентских выборов в США в конце 2020 г.

Некоторое снижение торговой напряженности с дополнительной яркостью высветило нарастание китайско-американского противостояния по другим темам. К ним относятся: военное строительство в КНР (*вводится в строй второй авианосец – первый, построенный самостоятельно*); ситуация по правам человека в Синьцзян-Уйгурском автоном-

ном районе (*Конгресс США принимает законопроект с осуждением политики Пекина в Синьцзяне*); борьба, как представляется, имеющая долгосрочное стратегическое значение, за контроль над мировым 5G-пространством.

США вводят запрет на использование китайских современных телекоммуникационных технологий на своей территории, а также оказывают давление на европейских партнеров с целью недопущения их применения в Европе. В ответ на это Китай в политико-идеологическом ключе внедряет понятие цифровой гегемонии и призывает к глобальному коллективному противодействию в интересах мировой экономики и мирового сообщества в целом. Пекин объявляет о планах финансирования разработок следующего поколения телекоммуникационных технологий (6G) [2] и, ставя вопрос о “цифровом гегемонизме” в широком международном контексте, рассчитывает на поддержку как развивающихся стран, так и находящихся в плохих отношениях с США.

В свете озвученных в начале 2020 г. планов США разместить в 2020–2022 гг. в Индо-Тихоокеанском регионе специальные военные части для противодействия китайским киберугрозам, новым направлением китайско-американского военного соперничества в ближайшие два-три года может стать сфера кибероружия.

На фоне некоторого смягчения **торговых** отношений между Китаем и США в начале 2020 г. новую остроту приобретает проблема **Гонконга**. Фокус обсуждений постепенно смещается с темы протестов, которые хотя и ослабли, в том числе из-за коронавируса, но сохраняют потенциал к возобновлению. Нюанс в дискуссии по этому вопросу – влияние протестов на экономику. Если на протяжении большей части 2019 г. гонконгская биржа оставалась вне зоны негатива политической нестабильности, то ближе к 2020 г. в гонконгской прессе стало звучать больше тревоги. Местные экономисты заговорили о наступающем замедлении роста экономики Гонконга и возможных опасных последствиях для таких областей, как финансы, туризм и др.

По теме Гонконга китайское руководство продолжает сталкиваться с дилеммой: идти на силовую акцию или использовать мирные механизмы. В первой половине 2020 г. “несиловой подход” становится все же устойчиво преобладающим. С подачи Пекина гонконгские власти пытаются повернуть ситуацию к диалогу с оппозицией. Пекин идет на кадровые перестановки, меняя своего постоянного представителя в Гонконге, на которого возлагается ответственность за то, что он вовремя не понял угрозы протестного движения; начинает финансирование наиболее социально чувстви-

тельных строительных проектов в Гонконге (*одна из главных социально-экономических причин протестов – отсутствие доступного жилья*).

Интересно, что в китайских аналитических кругах распространяется новая идея, связывающая развитие внутривнутриполитических процессов в Пекине и Гонконге и отчасти объясняющая столь длительные протестные выступления, а также смену акцентов в лозунгах протестантов – с “самоопределения гонконгцев” на “развитие демократии”. По неофициальному мнению ряда китайских экспертов, в политических “верхах” Пекина существуют недовольные укреплением, в их трактовке, авторитаризма китайской власти, и что именно эти “влиятельные люди”, чьи фамилии не называются, поддерживают протестное движение за укрепление демократии в Гонконге, связывая это с проблемами укрепления демократии в самом Китае.

Результаты выборов главы администрации **Тайваня** в январе 2020 г., закончившиеся победой нынешнего “президента” Цай Инвэнь, выступающей против сближения с материковым Китаем, хотя и сложились не в пользу интересов Пекина, в целом восприняты руководством страны в традиционно спокойном ключе. Главной реакцией на ситуацию стало подчеркнуто настойчивое обращение Китая к мировому сообществу следовать принципам “Одного Китая”. В обращении к Тайбэю вновь подчеркнута пекинская позиция о необходимости соблюдения Декларации 1992 г., согласно которой Пекин и Тайбэй признают принцип “Одного Китая”, однако каждая из сторон может толковать его по-своему.

Внутриполитическая ситуация несмотря на вспышку коронавируса в первой половине 2020 г., как и на протяжении всего 2019 г., остается стабильной. После празднований 70-летия КНР в октябре, подготовке к которому была посвящена партийно-агитационная работа с начала 2019 г., в пропагандистской работе КПК проявляются нюансы: в рамках долгосрочной кампании, нацеленной на усиление роли партийного руководства и лично Си Цзиньпина в развитии общества, с новой силой уделяется внимание “необходимости повышения” роли парторганизаций в обеспечении “эффективной работы” госпредприятий.

Такого рода мобилизационные моменты, как представляется, являются все же в первую очередь естественной реакцией КПК (*которая не может не реагировать на трудности*) на проблемы, связанные с работой госсектора, в том числе и с торможением программ его приватизации, чем какими бы то ни было признаками отступления от принципов и логики рынка. Рыночные реформы на основе частной собственности и политики открытости

миру сохраняют свои приоритеты в китайской экономической стратегии.

Параллельно этому в интеллектуальных кругах Пекина продолжает распространяться убежденность в том, что у Си уже есть планы остаться на посту Генерального секретаря ЦК КПК на третий срок на 20-м съезде КПК, который должен пройти в 2022 г. Устав партии этого напрямую не запрещает, а сложившийся при Дэн Сяопине консенсус относительно необходимости ограничивать нахождение на высшем партийном посту двумя сроками может быть скорректирован отсылкой к особенностям “новой эпохи”, в которую вступил Китай и которая требует учета собственной специфики.

В партийных кругах появляются люди, желающие обратить на себя внимание Си проявлением “личной преданности”, – в этом контексте можно трактовать новый, хотя пока не официальный “статус” Си как “народного вождя”. До этого статус “великого вождя” имел только Мао Цзэдун.

В конце 2019 – первой половине 2020 г. в число приоритетов руководства Китая попадает **экономический рост страны**. Международные эксперты, включая экспертов из Всемирного банка, ожидали, что темпы прироста ВВП Китая по итогам 2019 г. окажутся на уровне 6.1%, а в 2020 г. снизятся до 5.9%. Китайские экономисты рассматривают итоги 2019 г. в положительном ключе, отмечая, что, несмотря на замедление темпов прироста ВВП в третьем квартале до 6.0%, в целом за год этот показатель составил 6.1% и оказался в “плановой вилке” 6.0–6.5% прироста ВВП в год. Главными причинами замедления называются негативные последствия внешних факторов, прежде всего торговых “трений” с США, а также так и не решенные проблемы с неэффективной работой и медленной приватизацией госсектора китайской экономики.

На фоне того, что замедление темпов прироста ВВП становится очевидным фактом, в Китае вновь начинают развиваться дискуссии об “оптимальных темпах” экономического развития. Одна часть китайских экономистов продолжает утверждать, что страна должна удерживать экономический рост на 6%-й отметке “любой ценой” – в противном случае она не сможет решать важнейшие социальные и технологические проблемы. Ради этого, по их мнению, Пекин должен идти на новые финансовые вливания в экономику.

Противники такого подхода говорят о “естественном замедлении” роста экономики по мере значительного увеличения ее масштабов: сегодня 1% ВВП в 15 трлн долл. “весит” в 15 раз больше, чем тогда, когда ВВП составлял лишь 1 трлн долл. Представители этого направления экономической мысли начинают глубже разрабатывать идеи о так

называемой новой нормальности, согласно которым важно ориентироваться не столько на темпы как таковые, сколько на качественные показатели экономического развития.

Китайское руководство пока не до конца определилось с экономической дилеммой: продолжать инвестициями “разогревать” экономику ради темпов или все же сознательно идти на их замедление ради показателей “качества”. Похоже, что власти КНР ищут варианты повышения эффективности роста без новых сверхинвестиций, используя в числе прочего как “умеренную” денежную политику, так и внеэкономические методы – упоминавшееся выше усиление роли парткомов на госпредприятиях.

Фактор коронавируса может замедлить темпы роста китайского ВВП в 2020 г. до 5.7%. Существуют и более жесткие прогнозы – в 5% прироста. Однако, как представляется, негативное влияние данного фактора ограничится первым кварталом – потом начнется отыгрывающее ускорение. Пекин может скорректировать умеренную инвестиционную политику в сторону дополнительной накачки экономики деньгами. Здесь важно учитывать и то обстоятельство, что в условиях экономического негатива из-за коронавируса, как и в других критических ситуациях, потери одних (*транспортный и туристический бизнес, приостановка работы производственных цепочек и т.п.*) компенсируются сверхдоходами других (*производство марлевых повязок, медикаментов и т.п.*).

Во внешнеполитической деятельности итоги 2019 г. не однородны. С одной стороны, это сдвиги в реанимировании региональной интеграции. В декабре 2019 г. в КНР состоялся саммит Китая, Японии и Южной Кореи, на котором было принято решение обеспечить своевременное подписание со странами АСЕАН соглашения о Всестороннем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП) в 2020 г., а также подтолкнуть приторможенные из-за политических трений между странами трехсторонние переговоры о взаимодействии в СВА, включая соглашение о зоне свободной торговли между Китаем, Японией и Южной Кореей. Однако фундаментальные вопросы, связанные с историческими обидами и территориальными спорами, по-прежнему не были решены – их как бы в очередной раз “подморозили”, следуя сложившейся логике “волнообразности” в отношениях трех стран. Осталась не решенной и северокорейская ядерная проблема, негативно влияющая на общий политический климат в СВА.

Китайская пропаганда придала большое значение прошедшей в декабре в Мадриде Азиатско-европейской конференции министров иностранных дел с участием КНР, которую китайские СМИ оха-

рактизовали как новую историческую отправную точку в развитии двусторонних связей, имея в виду расширение взаимного инвестиционного, технологического и политического (по конфликтным мировым и региональным проблемам) сотрудничества.

С другой стороны, продолжает набирать обороты недовольство ЕС активной инвестиционной политикой Пекина в Восточной Европе в рамках инициативы “Пояса и Пути” и выхода на европейский рынок китайских телекоммуникационных технологий 5G. Отражением этого можно считать тот факт, что на декабрьском саммите НАТО Китай впервые за годы развития китайско-европейских отношений был назван “вызовом организации”. По мнению некоторых американских экспертов, сегодня КНР становится более опасной для альянса, чем Россия. В странах-членах распространяется мнение, согласно которому после окончания холодной войны НАТО потеряла политическую ориентацию. Таким образом, использование Китая в качестве новой цели может стать общим делом для стран альянса.

Китай сумел к началу 2020 г. несколько смягчить противостояние с Индией, вызванное политикой индийских властей по отношению к штату Кашмир и последовавшим за этим обострением индо-пакистанских отношений. Однако, несмотря на приглушение конфликта, напряженность продолжает доминировать в отношениях между Пекином и Нью-Дели. Китай традиционно рассматривает Пакистан как своего главного партнера в вопросах обеспечения безопасности в Южной Азии, делая на него ставку в плане противодействия американской концепции Индо-Тихоокеанского региона, согласно которой США, Япония, Австралия и Индия совместно “сдерживают” распространение влияния Китая. В этом контексте Пекин продолжает расширять военное и инвестиционное сотрудничество с Исламабадом, тем самым вызывая встречное недовольство Индии.

В то же время обе стороны – Китай и Индия – стараются играть на российском факторе. В декабре 2019 г. в акватории Индийского океана практически одновременно прошли военно-морские учения со схожими целями поддержания региональной безопасности в двух параллельных форматах: индо-российские и китайско-пакистанские. Для “балансирования” отношений с Россией Китай позже принял участие в трехсторонних российско-ирано-китайских военно-морских учениях.

В Юго-Восточной Азии дополнительным поводом для усиления напряженности в отношениях между КНР и Вьетнамом, а также рядом

других государств АСЕАН, имеющих территориальные споры с Китаем, стало, по выражению китайских СМИ, его вступление в “эпоху двух авианосцев”.

ГОНКОНГ НА ГРАНИ РЕЦЕССИИ

Из-за протестов в 2019–2020 гг. экономика Гонконга находится на грани рецессии. Основная причина – сокращение количества туристических и других визитов в этот специальный административный район Китая из-за продолжающихся беспорядков (*эпидемия пневмонии внесет дополнительный негативный вклад в замедление экономического развития Гонконга*). Например, общее количество прибытий визитеров в Гонконг в январе–июле 2019 г. сократилось на 4.8% по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. Количество посещений из материкового Китая сократилось на 5.5% [3].

Туризм традиционно считается одной из основных отраслей гонконгской экономики наряду с финансами, торговлей, логистикой, продюсерскими и другими видами профессиональных услуг. В 2017 г. Гонконг посетили 60 млн человек, что добавило более 11 млрд долл. (3.6%) в гонконгский ВВП [4].

Свыше 80% всех посещений за последние пять лет были совершены с территории материкового Китая. В январе–июле 2019 г. количество посещений из материкового Китая составило 32 млн – примерно в 4 раза больше, чем из других стран. При этом в 2018 г. каждый прибывший из материкового Китая на два дня тратил в среднем 896 долл., а на один день – 307 долл. Посетители из других стран в среднем тратили меньше – 672 и 102.3 долл. соответственно [5]. Следует отметить, что траты посетителей из других стран оказывают больший положительный эффект на экономику Гонконга, так как эти траты осуществляются в сфере услуг, которые дают наибольший вклад в ВВП Гонконга (*проживание, питание, посещение достопримечательностей, развлечения*). Материковые же китайцы, как правило, тратят деньги на товары, которые произведены в самом Китае и продаются в Гонконге по более низкой цене. Сокращение туристического потока сыграло серьезную негативную роль в замедлении темпов экономического развития Гонконга.

На этом фоне гонконгские власти 15 августа 2019 г. объявили о программе стимулирующих экономику мер объемом 2.44 млрд долл., которая включает в себя налоговые вычеты, субсидии, сокращение отдельных видов платежей в бюджет и др. [6]

ПРАВОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ США

В конце 2019 г. США предприняли ряд шагов по правовому давлению на Пекин по гонконгской тематике. Законы США *S.1838* “О правах человека и демократии в Гонконге” от 27 ноября 2019 г. (*уже введен в действие*) [7] и *H.R.4270* “О введении ограничений на экспорт в Гонконг слезоточивого газа и технологий сдерживания толпы” (*по состоянию на 10 февраля 2020 г. находится на рассмотрении в Верхней палате Конгресса*) [8] следует рассматривать с точки зрения глобального политико-экономического соперничества США и КНР. В целом эти законы направлены прежде всего на повышение результативности американской тарифной и санкционной политики в отношении Китая.

Например, Закон *S.1838* дает возможность правительству США далее не рассматривать Гонконг как отдельную и в высокой степени независимую от КНР территорию и, следовательно, распространять на американо-гонконгские торгово-экономические отношения повышенные тарифы и ограничения. Закон *H.R.4270* носит более прикладной характер. Так, после введения его в действие будет запрещен экспорт из США в Гонконг отдельных товаров и услуг оборонного назначения, а также боеприпасов для гонконгской полиции.

Для китайских юридических и физических лиц серьезную опасность представляет Закон *S.1838*, так как им предусмотрена ответственность за нарушения прав человека в Гонконге и основных принципов его сосуществования с материковым Китаем вплоть до блокирования собственности нарушителей на подконтрольных США территориях.

В целом вероятность введения санкций со стороны США в рамках этого закона в отношении китайских юридических и физических лиц достаточно высока. К наиболее вероятной группе риска относятся китайские высокотехнологичные компании (*в особенности разрабатывающие и производящие оборудование и программное обеспечение для систем распознавания личности по видеоизображению, социального рейтинга и т.д.*), а также некоторые физические лица (*например, эксперты, привлеченные для расследования злоупотреблений гонконгской полицией при подавлении массовых беспорядков*).

Для российских юридических и физических лиц Закон *S.1838* представляет меньшую опасность (*из-за относительно незначительного масштаба российского экономического сотрудничества*) — риск попадания под его действие актуален в случаях прямого и (или) косвенного участия в мероприятиях, проводимых гонконгской полицией в отношении участников массовых беспорядков (*в том числе поставки специального оборудования*), ис-

пользования юрисдикции Гонконга для обхода американских повышенных тарифов и ограничений, американских и международных санкций в отношении, например, Китая, Северной Кореи, Ирана и др.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ
ЗАКОНА США *S.1838*

Законом *S.1838* “О правах человека и демократии в Гонконге” от 27 ноября 2019 г. были внесены поправки в Закон *S.1731* “О политике США в отношении Гонконга” от 5 октября 1992 г., в соответствии с которым США начиная с 30 июня 1997 г. (*возвращение Гонконга в состав КНР*) и, как минимум, до 2047 г. (*окончание переходного периода интеграции с гарантированной широкой автономией*) должны были рассматривать Гонконг в качестве территории с высокой степенью автономии от КНР по всем вопросам, кроме обороны и международных отношений [9].

Например, американской статистикой основные показатели американо-гонконгского торгово-экономического сотрудничества учитываются отдельно от КНР, на товары и услуги, произведенные в Гонконге, не распространяют свое действие американские повышенные тарифы и ограничения, введенные в рамках “торговой войны” с Китаем. В отношении Гонконга действуют менее жесткие ограничения экспорта американских чувствительных технологий — на Гонконг распространяется действие так называемого режима наибольшего благоприятствования ВТО и т.п.

В соответствии с Законом *S.1731* американское правительство могло пересмотреть главные условия сотрудничества с Гонконгом на основании докладов госсекретаря о положении дел в интересующих США сферах, периодичность которых составляла один-два года и была ограничена 2000-м годом.

Новый Закон *S.1838* направлен на расширение возможностей применения американских торгово-экономических ограничений в отношении Гонконга. Теперь госсекретарь обязан делать доклад в Конгрессе о ситуации в интересующих США сферах в Гонконге каждый год в течение семи лет, начиная с 2020 г. Под интересующими сферами понимается сохранение в Гонконге основных принципов и положений Закона *S.1731*, а также Совместной декларации Правительства Объединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Правительства Китайской Народной Республики от 19 декабря 1984 г., то есть: соблюдение прав человека, сохранение рыночной экономики, демократии и т.п., как уже было сказано выше, минимум до 2047 г. [10]

В частности, Соединенные Штаты будут интегрировать прежде всего сферы торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества с точки зрения возможности обхода повышенных тарифов и санкций в отношении КНР и других стран, на которые распространяются американские и (или) международные санкции, с помощью гонконгской юрисдикции (*например, реэкспорт товаров и услуг, перевалка товаров с получением гонконгских сертификатов происхождения, использование Гонконга как транзитного пункта при торгово-экономическом сотрудничестве с Северной Кореей, Ираном и т.д.*).

Закон *S.1838* также устанавливает ответственность за нарушение соответствующих положений и ограничительных режимов, например, блокирование на территориях, подконтрольных США, активов юридических и (или) физических лиц-нарушителей, блокирование соответствующих финансовых операций, отказ в предоставлении американской визы, штрафы и т.д.

Вероятное расширение на Гонконг американских повышенных тарифов и санкций может нанести Китаю достаточно серьезный экономический ущерб. Несмотря на постепенное снижение значимости Гонконга для китайской экономики, его роль все еще важна. Вместе с тем такой ущерб не приведет к широкомасштабному экономическому кризису в КНР. В последнее время наблюдается снижение как внешнеполитической, так и экономической значимости Гонконга для Пекина. С момента вхождения Гонконга в состав КНР он был необходим как связующее звено между мировой и китайской экономической и юридической системами. Однако с присоединением Китая к ВТО в 2001 г. значимость этого фактора снизилась — Пекин уже самостоятельно постепенно синхронизирует национальное регулирование с международными практиками.

В материковом Китае были сформированы специальные экономические зоны, практически аналогичные Гонконгу, а в некоторых случаях и с превосходящими функциональными возможностями. Кроме того, в связи с ростом материковой экономики сравнительный вес экономики Гонконга уменьшился.

В то же время данные Министерства коммерции КНР показывают, что значимость Гонконга для материкового Китая по-прежнему очень велика. В 2018 г. более 58% (70.5 млрд долл.) всех китайских иностранных инвестиций в нефинансовый сектор были осуществлены в Гонконг (*фактически большая часть из них — это китайские иностранные инвестиции, осуществленные в другие страны через Гонконг*). При этом их прирост по сравнению с 2017 г. составил более 25% [11]. По состоянию на конец 2018 г. объем накопленных инвестиций из

Гонконга на материке составил 1.1 трлн долл. — это 54% всех накопленных инвестиций в материковом Китае [11]. Общий объем торгового оборота между материком и Гонконгом по итогам 2018 г. составил 310.56 млрд долл., из них: объем материкового экспорта достиг 302.7 млрд долл. (+ 8.2% по сравнению с 2017 г.); объем материкового импорта — 8.9 млрд долл. (+ 16% по сравнению с 2017 г.) [12]. В целом по итогам 2018 г. Гонконг занял 6-е место по объему торговли с материковым Китаем и стал четвертым крупнейшим экспортным направлением для материка. Таким образом, фактически Гонконг до сих пор во многом сохраняет за собой статус “ворот в Китай”.

Иностранные и китайские компании (*в том числе китайские государственные корпорации*) активно используют Гонконг как юрисдикцию, удобную для осуществления инвестиций в/из материкового Китая, а также для торговли с другими странами. Такое положение дел сохраняется благодаря следующим факторам.

Во-первых, в Гонконге отсутствует жесткое регулирование экспорта капитала и сосредоточены компетенции для обслуживания инвестиционных и торговых сделок. В Гонконге размещаются штаб-квартиры трех китайских государственных корпораций: *China Merchants, China Resources* и *China Travel Services*; 50 китайских государственных корпораций владеют минимум одним дочерним предприятием, акции которого размещены на Гонконгской фондовой бирже.

Во-вторых, до начала действия Закона *S.1831* была высока вероятность еще большего повышения экономической значимости Гонконга для Пекина как юрисдикции, позволяющей вести торговую и инвестиционную деятельность в обход повышенных таможенных тарифов, торговых и инвестиционных запретов и ограничений.

В-третьих, Гонконг стоит в авангарде интернационализации юаня и является главным мировым центром операций с офшорным юанем. По данным Управления денежного обращения Гонконга, совокупный объем офшорных юаней, размещенных на депозитах и в депозитных сертификатах по состоянию на конец июня 2018 г., составлял более 90 млрд долл. — это крупнейший объем за пределами Китая [13].

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ НА 2020 г.

С 10 по 12 декабря 2019 г. в Пекине прошло Центральное совещание по экономической работе, в ходе которого были выдвинуты четкие требования по отношению к экономическому развитию Китая в 2020 г. Основной лейтмотив — стабильность, качество роста и попытка решить

традиционные задачи: снизить или, по крайней мере, не увеличивать долговую нагрузку на предприятия, контролировать долговую нагрузку на физических лиц, попытаться стимулировать экономический рост с помощью налоговой политики и не вливать чрезмерных сумм в экономику напрямую и т.д. На совещании были утверждены следующие общие направления работы, которым нужно следовать.

Во-первых, придерживаться новой концепции развития (*двузначных темпов прироста ВВП уже не будет, да и не надо — главное качество*). Во-вторых, предотвращать существенные риски (*прежде всего в финансовом секторе*), оказывать адресную помощь нуждающимся, а также заниматься повышением качества экологической обстановки. В-третьих, улучшать жилищные условия граждан, особенно тех, которые испытывают финансовые трудности. В-четвертых, продолжать проводить активную фискальную политику и стабильную монетарную политику. В-пятых, прикладывать усилия для продвижения “высококачественного развития”. В-шестых, углублять реформирование экономической системы.

В частности, необходимо совершенствовать и укреплять меры по стабилизации трудоустройства (*ответ на незначительный рост безработицы в последних кварталах 2019 г.*), финансовой системы (*борьба с долговой нагрузкой*), внешней торговли (*“трения” с США и поиск новых рынков сбыта*), иностранного капитала (*поддержка привлечения иностранных инвестиций в условиях сокращения темпов прироста ВВП и роста стоимости первичных факторов производства*), инвестиций (*стимулирование привлечения, в том числе частных, инвестиций в основные фонды*) и ожиданий (*обеспечение прозрачной и предсказуемой среды ведения деятельности*). Согласно планам китайских властей, в 2020 г. монетарная политика должна быть “здоровой и стабильной”, а также умеренно гибкой: надо сохранять достаточную ликвидность, поддерживать прирост общего объема выданных кредитов за счет сокращения их стоимости; “углублять и расширять” так называемую реформу предложения и спроса и опять же лучше решать проблемы финансирования для частных, средних и малых предприятий.

Активная фискальная политика будет нацелена на повышение эффективности экономики: следует обеспечить поддержку среднего уровня заработной платы и гарантировать неизменность основных материальных условий для граждан, а также продвигать стабильный рост потребления, раскрывать потенциал спроса на внутреннем рынке. Например, по данным китайского интернет-портала по трудоустройству *Zhaopin*,

средняя зарплата в крупных городах Китая по итогам четвертого квартала 2019 г. выросла на 9.1% по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. и составила примерно 8850 юаней в месяц (*около 78 тыс. руб.*) [14].

В области повышения эффективности государственной экономики в 2020 г. необходимо продолжать реализацию трехлетнего плана реформирования государственных предприятий (*повышение эффективности и приватизация*). Одновременно нужно улучшать среду для развития частного сектора экономики, то есть поддерживать “здоровую законодательную среду” в целях развития частного сектора экономики, совершенствовать механизмы управления средними и малыми предприятиями. Под этим тезисом понимается, скорее всего, стимулирующая налоговая политика. Например, за 2018 г. и за первые три квартала 2019 г. общий объем сокращения налоговых платежей составил почти 250 млрд долл. Государственное налоговое управление уже отчиталось о позитивном эффекте снижения налоговой нагрузки на бизнес. По данным ведомства, вклад снижения налогов добавил к темпам прироста ВВП за первые три квартала 2019 г. около 0.8 п.п. Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян при этом пояснил, что снижение налогов не будет означать падения налоговых поступлений в бюджет, поскольку с повышением предпринимательской активности число налогоплательщиков увеличится, а это компенсирует снижение налоговых ставок. Заявление Ли подтверждается статистическими данными: темпы прироста количества организаций-налогоплательщиков в 2019 г. вдвое превысили соответствующие показатели 2018 г.

Китайские власти считают, что в области недвижимости в 2020 г. требуется усиливать работу по обеспечению жильем представителей неимущих слоев населения, улучшать городской облик, реконструировать ветхое жилье и развивать рынок арендного жилья.

ТЕМПЫ РОСТА ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ?

Еще до проведения Центрального совещания по экономической работе в китайских экономических кругах вновь обострилась (идушая на протяжении нескольких последних лет) дискуссия о необходимом уровне темпов прироста ВВП. Ранее необходимость обеспечения среднегодовых темпов прироста ВВП более 7% обосновывалась планами, обнародованными еще при Ху Цзиньтао в 2012 г., по удвоению ВВП к 2020 г. Теперь для достижения этой цели достаточно и среднегодовых темпов прироста ВВП — около 6%. В целом, по словам заместителя директора Исследовательского центра по вопросам развития Госсовета КНР Ван Ими-

на, 6% прироста ВВП в 2020 г. — это не какая-то особенная граница, основной вопрос не в цифре, ключевыми являются качество и эффективность экономического роста. По словам главы Государственного статистического управления КНР Нин Цзичжэ, Китай не имеет намерения преследовать конкретные темпы роста ВВП, но стремится к разумному, качественному и эффективному экономическому росту.

В докладе, опубликованном в декабре 2019 г. Китайским народным университетом совместно с компанией *Chengxin Credit Ratings Group*, также утверждается, что Пекину не нужно поддерживать 6%-е темпы прироста ВВП в 2020 г. — для поддержания экономической стабильности и занятости достаточно и 5.5–6.0%.

Большая часть китайских экспертов прогнозируют, что достижение среднегодовых темпов прироста китайского ВВП в 2020 г. на уровне 5.8–6.0% вполне реально за счет 3%-го бюджетного дефицита, реализации проектов инфраструктурного строительства за счет выпуска упоминавшихся выше облигаций специального назначения на сумму около 430 млрд долл., а также гибкой денежно-кредитной политики, направленной на снижение стоимости кредитов.

К основным проблемам, которые могут помешать Китаю в достижении ориентировочных темпов прироста ВВП в 2020 г., китайские эксперты относят прежде всего торговые “трения” с США, которые могут возобновиться с новой силой, а также последствия пандемии коронавируса, причем не в самом Китае, а за его пределами. При этом они отмечают, что в принципе и 5%-е среднегодовые темпы прироста китайского ВВП приемлемы и не требуют серьезных вливаний в экономику со стороны государства.

АМЕРИКАНО-КИТАЙСКАЯ ТОРГОВАЯ СДЕЛКА: ПЕРВЫЙ ЭТАП

15 января 2020 г. в Вашингтоне было подписано соглашение между США и КНР, которое формально завершает первый этап урегулирования торгово-экономических противоречий между двумя странами. Согласно условиям первого этапа, Китай обязуется закупить в течение двух лет товары, произведенные в Соединенных Штатах, на сумму не менее 200 млрд долл., из них:

- промышленных товаров — на 75 млрд долл.;
- энергоносителей — на 50 млрд долл.;
- сельскохозяйственных товаров — на 40 млрд долл.;
- услуг — на 35–40 млрд долл.

Согласно заявлению американского торгового представителя Роберта Лайтхайзера, точные данные по количественному и денежному объему закупок опубликованы не будут во избежание рыночных манипуляций.

Кроме того, предполагается двусторонний постепенный возврат отдельных импортных пошлин, которые были повышены в рамках торговых “трений”, к уровню, действующему на конец 2017 г., продолжение переговоров по заключению постоянного торгового соглашения с контрольными встречами каждые полгода, продолжение процесса упрощения доступа американских компаний на китайский рынок и усиления защиты интеллектуальной собственности в Китае. Дополнительно последний обязуется прекратить практику предоставления субсидий в той или иной форме государственным компаниям и разрешить доступ американским компаниям в отдельные сегменты китайского финансового рынка (*банковская деятельность, выпуск и обслуживание банковских карт и другие финансовые услуги*).

Важно отметить, что завершение первого этапа урегулирования торгово-экономических противоречий не означает окончание американо-китайской “торговой войны”. Во-первых, США оставляют за собой право выйти из сделки (*в течение 90 дней снова ввести повышенные импортные тарифы на китайскую продукцию*) в случае невыполнения или недостаточно быстрого выполнения Китаем достигнутых договоренностей. Например, они не ввели повышенные импортные пошлины на китайскую продукцию, что планировалось в декабре 2019 г., однако уже действующие — на сумму примерно 370 млрд долл. — пока оставили в силе. Во-вторых, соглашение по вопросам, решение которых требует проведения или завершения уже начатых структурных реформ в самом Китае, отложено на второй этап. В-третьих, количество этапов в рамках переговорного процесса по заключению окончательного торгово-экономического соглашения может увеличиться.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В российско-китайских отношениях к началу 2020 г. закрепились следующие тенденции, которые, по всей видимости, будут определять направление двусторонних связей в краткосрочной перспективе.

С одной стороны, Пекин и Москва, имея в виду использовать взаимную поддержку для укрепления собственных позиций в отношениях с США, будут в политико-пропагандистском плане всячески демонстрировать укрепление стратегического партнерства. Особенно это касается таких отраслей, как энергетика, военные технологии

(прежде всего в области создания систем раннего оповещения о ракетном нападении), телекоммуникационные технологии 5G, обеспечение “суверенности” российского сегмента Интернета (закупка китайского оборудования) и т.п. В Китае с большим воодушевлением встретили открытие российско-китайского газопровода. Высоко оценили тот факт, что объем взаимной торговли в 2019 г. вырос до 110 млрд долл.

2020 и 2021 гг. объявлены годами двустороннего инновационного сотрудничества. В рамках Российской академии наук на базе ИМЭМО создана соответствующая комиссия по координации этой работы. Стороны будут развивать внешнеполитическое взаимодействие на основе принципов “борьбы с гегемонизмом”, в том числе “цифровым”, а также невмешательства Вашингтона во внутренние дела других государств. Китай станет постепенно демонстрировать готовность вместе с РФ выступать против практики “односторонних подходов” — против “монополии США на международные решения”, унилатерализма и т.п.

В то же время Россия и КНР будут стараться всячески снижать уровень существующих разногласий и противоречий. Позиция Пекина на ближайшее время, как отмечают некоторые китайские политологи, — “акцентировать сотрудничество и приглушать расхождения” ради оказания совместного противодействия США. При этом в китайских аналитических и политических кругах присутствует видение нарастания если не противоречий, то “расхождений” с Россией по разным направлениям.

В экономической сфере китайские фирмы уже сейчас работают и продолжают работать с российскими партнерами с оглядкой на возможные санкции со стороны США, поскольку они сотрудничают с компаниями РФ, которые находятся под американскими санкциями. В сфере финансов Китай будет стремиться к укреплению роли юаня, рассматривая рубль как “подчиненную валюту”. В стратегическом сотрудничестве он не пойдет на создание военного союза с Россией — видя в этом риски брать на себя дополнительные проблемы, вытекающие из характера российско-американских разногласий.

Еще одной “точкой несогласия” представляется позиция Пекина по международному сотрудничеству в сфере ракетно-ядерных вооружений. Как и в предыдущие десятилетия, Китай отказывается от участия в многосторонних переговорах по ракетно-ядерной тематике, включая проблему ракет средней и меньшей дальности, а также от обсуждаемого в аналитических кругах возможного и представляющегося перспективным партнерства по новым видам кибероружия и использования искусственного интеллекта в военных целях.

Новый важный момент в мировом раскладе сил с российско-китайским участием обозначился на упоминавшемся выше декабрьском саммите НАТО. Как уже отмечалось, Китай рассматривался — в силу того, что он набирает международный вес и влияние, — и в качестве партнера, и в качестве стратегического вызова. РФ и ее “агрессивная”, по определению НАТО, внешняя политика наряду с терроризмом были объявлены главной угрозой альянсу. В Пекине это расценили как вероятную западную тактику “разведения по разным углам”: угол для России — “угроза”, угол для Китая — “партнер, но и вызов”, чтобы противопоставить такого рода расклад китайско-российскому стратегическому партнерству, активно поддерживаемому сегодня КНР. В ответ Китай, по мнению ряда экспертов, должен стараться в свою очередь “разводить отношения с Россией и Западом”, используя РФ в целях укрепления своих позиций против Запада, но и продолжая искать варианты улучшения отношений с последним.

В кратко- и среднесрочной перспективе расклад сил в треугольнике КНР–Запад–Россия можно рассматривать как конструкцию “малую устойчивую” и “подверженную колебаниям”. Это будет зависеть не от динамики китайско-российских отношений, а от того, как будет развиваться экономическое, инновационное и военно-политическое соперничество и одновременно взаимодействие в отношениях Китая и США, Китая и Евросоюза, в меньшей степени — Китая и Японии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Unpacking the ‘phase one’ deal for the US-China trade war*. Available at: <https://www.scmp.com/video/scmp-originals/3046359/unpacking-phase-one-us-china-trade-war> (accessed 16.01.2020).
2. В Китае заявили о начале разработки сети 6G. *Технологии и медиа*, 07.11.2019. [China Announced the Start of Development of the 6G Network. *Technology and Media*, 07.11.2019. (In Russ.)] Available at: https://www.rbc.ru/technology_and_media/07/11/2019/5dc4670d9a794761ec3a89d4 (accessed 16.01.2020).
3. *A Drop in Tourism Is Threatening Hong Kong’s Economy*. *PIIE*. Available at: <https://www.piie.com/blogs/china-economic-watch/drop-tourism-threatening-hong-kongs-economy> (accessed 01.10.2019).

4. Hong Kong Tourism Plunges 40%, Most Since SARS Crisis. *Bloomberg News*, 09.09.2019. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-09-09/hong-kong-mall-owners-fall-as-tourism-arrivals-plunge-40> (accessed 01.10.2019).
5. *FS Announces Measures to Support Enterprises and Residents*. Available at: <https://www.info.gov.hk/gia/general/201908/15/P2019081500648.htm> (accessed 01.10.2019).
6. Hong Kong's Economic Outlook Remains Positive Despite Challenges. *The National Law Review*, 25.02.2020 Available at: <https://www.natlawreview.com/article/hong-kong-s-economic-outlook-remains-positive-despite-challenges> (accessed 10.02.2020).
7. *S. 1838 – Hong Kong Human Rights and Democracy Act of 2019*. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1838/text> (accessed 10.02.2020).
8. *H.R. 4270 – Placing Restrictions on Teargas Exports and Crowd Control Technology to Hong Kong Act*. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/4270> (accessed 10.02.2020).
9. *S. 1838 – Hong Kong Human Rights and Democracy Act of 2019*. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1838/text> (accessed 10.02.2020).
10. *S. 1731 – United States-Hong Kong Policy Act of 1992*. Available at: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/senate-bill/1731> (accessed 10.02.2020).
11. *2018年1-12月内地与香港经贸交流情况* [Economic and Trade Exchanges between Mainland China and Hong Kong in January-December 2018 (In Chin.)] Available at: <http://www.mofcom.gov.cn/article/tongjiziliao/sjtj/ndyuxgjm/201903/20190302844193.shtml> (accessed 25.12.2019).
12. *Why China Still Needs Hong Kong*. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1838/text> (accessed 01.02.2020).
13. *HONG KONG. The Global Offshore Renminbi Business Hub*. Available at: https://www.hkma.gov.hk/media/eng/doc/key-functions/monetary-stability/rmb-business-in-hong-kong/hkma-rmb-booklet_accessible.pdf (accessed 25.01.2020).
14. China's Salaries Jumped 14.5% in Week after Lunar New Year Holiday. *Yicai Global*, 10.02.2020. Available at: <https://yicai.com/news/china-salaries-jumped-145-in-week-after-lunar-new-year-holiday> (accessed 10.02.2020).

BEIJING'S PAIN POINTS

(World Economy and International Relations, 2020, vol. 64, no. 5, pp. 5-15)

Received 10.02.2020.

Vasily V. MIKHEEV (mikheev@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Sergei A. LUKONIN (sergeylukonin@mail.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The circle of the most acute problems facing the Chinese leadership remains unchanged: relations with the United States, domestic political stability, economic growth, etc. However, by the beginning of 2020, the priority structure of these topics had changed. Prospects for completing the so-called "first stage" of the bilateral trade deal between China and the United States and signing the corresponding agreement were outlined. Trade deal was done on January 15, 2020. The decrease in trade tensions highlighted the growing Sino-American confrontation on other topics: military construction in China, the human rights situation in the Xinjiang Uyghur Autonomous region, and the struggle for control of the world's 5G space, which appears to be of long-term strategic importance. Against the background of some easing of trade relations between the P.R.C. and the U.S. by the beginning of 2020, the topic of Hong Kong is gaining new urgency. In Hong Kong, the Chinese leadership continues to face a dilemma: go for a military action or use peaceful mechanisms. By the beginning of 2020, it seems that the "non-forceful approach" is still steadily prevailing. At the end of 2019, the United States took a number of steps to put legal pressure on Beijing on the Hong Kong issue. The U.S. laws S. 1838 "On Human Rights and Democracy in Hong Kong" and H.R. 4270 "On Restrictions on the Export of Tear Gas and Crowd Control Technologies to Hong Kong" should be considered from the viewpoint of the global political and economic rivalry between the United States and China. In general, these laws are primarily aimed at improving the effectiveness of the U.S. tariff and sanctions policy against China. The topic of economic growth becomes a priority for the Chinese leadership. GDP growth in 2019 slowed slightly to 6.1%, but was in the "planned fork" of 6.0–6.5%. In this context, discussions about "optimal rates" of economic growth are beginning to intensify again in the P.R.C. One part of economists continues to argue that China should keep economic growth at the 6% mark "at all costs". Opponents of this approach speak of the so-called "new normality", in the sense that it is important to focus not so much on the pace as on the quality of economic development indicators. From December 10 to 12, 2019, the Central Meeting on Economic Work was held in Beijing, during which clear requirements were put forward in relation to the economic development of China in 2020. The main leitmotif is stability and quality of growth. By the beginning of 2020, Russian-Chinese relations have established trends that are likely to determine the direction of bilateral relations in the short term. Beijing and Moscow will demonstrate the strengthening of their strategic partnership in every possible way. On the other hand, Russia and China will try to

muffle existing differences and contradictions. In strategic cooperation, Beijing does not agree to establish a military alliance with Moscow and refuses to participate in multilateral negotiations on nuclear missile issues, including the issue of medium- and shorter-range missiles.

Keywords: world economy, China, USA, “trade war”, “trade deal”, Hong Kong, Russian-Chinese relations.

About authors:

Vasily V. MIKHEEV, Doctor of Economics, Full Member Academician of RAS, Member of the Directorate, Head of Research, Center for Asia Pacific Studies.

Sergei A. LUKONIN, Candidate of Economics, Head of Sector of Economy and Politics of China.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-5-15

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И НАЦИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

НОВЫЕ РАКУРСЫ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ: ТРУДНАЯ ПАМЯТЬ В МУЗЕЯХ ИСТОРИИ XX ВЕКА¹

© 2020 г. И. Семененко

СЕМЕНЕНКО Ирина Станиславовна, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 23 (semenenko@imemo.ru).

Статья поступила в редакцию 07.02.2020.

Выделяя политику памяти как ключевое направление проводимой сегодня национальным государством политики идентичности, автор рассматривает в качестве инструмента такой политики новые экспозиции европейских музеев истории XX в. Сравнительный анализ повестки дня политики памяти в ряде стран с имперской историей, с постколониальным наследием и с фашистским прошлым выявляет схожие тенденции в представлении недавней истории в современных музейных пространствах. Это широкое обращение к нарративной истории и личной памяти, к повседневности как хранилищу национальной памяти и зеркалу национальной идентичности, а также выдвигание на первый план задачи отразить реалии растущего культурного разнообразия. Это и доминирование в экспозициях визуальных средств над материальными объектами, ориентация на эмоциональный диалог с индивидуальным посетителем и вовлечение во взаимодействие различных сообществ в качестве носителей коллективной памяти. На музейных площадках активно идут процессы переосмысления трудного прошлого и возможностей его репрезентации. Исследование выявляет и заметные отличия в опыте европейских стран в том, что касается приоритетов и накала публичной дискуссии, круга вовлеченных участников и готовности конструктивно интегрировать трудную память в политику идентичности, ориентировать ее на социальную консолидацию и общественное развитие. Различия в подходах к организации экспозиций отражают долговременные тенденции в динамике политической культуры национальных и территориальных сообществ и политической идентичности граждан. Исследование опирается на получившие признание в научной литературе подходы “новой музеологии” и “критического осмысления исторического и культурного наследия”, на авторскую трактовку политики идентичности и методологию оценки ее ограничений и возможностей. Эмпирические данные были собраны в ходе изучения автором новых выставочных пространств крупнейших музеев истории XX в. стран Западной Европы и России и дополнены анализом информации, доступной на их сайтах.

Ключевые слова: политика идентичности, политика памяти, исторический нарратив, политический дискурс, группы интересов, сообщества, трудное прошлое, трудная память, музей социальной (современной) истории, империя, постколониализм, национальное государство, национальная идентичность, культурное наследие, “новая музеология”.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-16-32

В последние несколько лет идентичность как вопрос политической повестки дня неизменно присутствует в публичном пространстве. Это пример стремительного укоренения в политическом дискурсе понятия, ранее привычного для сугубо научной дискуссии². Последствия такого понятийного заимствования для понимания того, что такое идентичность в ее политическом измерении и как происходит ее утверждение в общественном сознании, очевидны: формирование идентичности стало ключевой проблемой практической политики государства. При этом частая и настой-

чивая, к месту и не к месту апелляция к идентичности публичных политиков сопровождается размыванием содержательного наполнения самого концепта. Это и понятно: смысловая неопределенность дает, по существу, неограниченные возможности политического использования естественного стремления индивида ощущать себя частью сообщества. Очевидно и то, что картина мира современного человека в условиях новых угроз социальной (в широком смысле) безопасности подвержена разным влияниям и уязвима для манипулирования. Сказывается и противоречивое воздействие на политическое сознание и поведение информационных потоков и новейших технологий, когда фрагментарная информация и упрощенные визуальные образы вытесняют размышления о содержании социальных процессов и мотивациях их участников, подменяя смыслы впечатлениями и эмоциями.

¹ Статья продолжает серию публикаций, посвященных сравнительному анализу направлений и механизмов политики идентичности в странах и регионах мира. См.: [1], а также [2].

² Тематика идентичности на глазах становится частью интеллектуального мейнстрима: это состояние четко зафиксировал выход в 2018 г. небольшой книги Фрэнсиса Фукуямы, посвященной политике идентичности [3].

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Содержательная трактовка политики идентичности и возможностей ее применения в управленческих практиках оказывается далеко не однозначной. Вопрос о том, что такая политика действительно проводится в любом государстве, независимо от характера политического режима и культурных традиций, в целом не вызывает сегодня споров ни у исследователей, ни среди действующих политиков. При том, что она нечасто так именуется и редко трактуется как целенаправленная политическая деятельность или как самостоятельное направление политического курса, нацеленного на формирование национальной и политической идентичности.

Мейнстримом стала и массивная критика такой политики, причем под разными углами зрения — как ввиду опасностей индоктринации массовых групп со стороны политических элит, так и из-за реальных угроз навязывания выгодных одним группам приоритетов за счет других путем отставивания “права на идентичность”. В этом случае речь идет о доминировании интересов групп меньшинств в ущерб большинству в том, что касается выбора культурных ориентиров публичной политики и утверждения ее ценностных основ (в обобщенном виде эти аргументы изложены, например, в упомянутой книге Ф. Фукуямы [3]). В социальной реальности XXI в. «политическая культура сдалась под напором культурной политики, а эстетический опыт должен работать на продвижение “социального понимания”» [4, р. 608]. Тем более остро в прикладном, политико-управленческом контексте стоит вопрос о наполнении конкретным содержанием самого понятия “культурной политики”, или политики в сфере культуры. Такая политика не сводится к утвердившемуся в публичном пространстве пониманию — государственной поддержке инициатив в сфере традиционной, массовой или “высокой” культуры (то есть адресованному учреждениям культуры госзаказу или содействию работающим в сфере культуры НКО) и правовой охране памятников. *Мотивационной основой культурной политики становится формирование идентичности.*

Выделение субъектов и концептуализация направлений и механизмов политики идентичности остаются насущной задачей политической науки. *Решение этой задачи принципиально важно для понимания перспектив эволюции политического режима, динамики политической культуры того или иного национального (или территориального, локального) сообщества и политической идентичности его граждан. Особенно — для прогнозирования сдвигов в массовом сознании и политическом поведении и перспектив политико-институциональных изменений.* Приоритет-

ной аналитической задачей становится оценка соотношенности общественного запроса и реальной повестки дня политики идентичности. Характер целеполагания, а именно ориентация на социальную консолидацию и снижение уровня неравенства в доступе к ресурсам развития человека, определяет ее долговременную эффективность. Поэтому политика идентичности может стать действенным инструментом политики развития или же, напротив, тормозом для развития, работающим на негативную мобилизацию одних групп и сообществ против других под флагом “борьбы за идентичность”. В условиях господства визуальной культуры такая борьба переносится в поле ее (идентичности) публичной репрезентации.

В последние годы термин “политика идентичности” утвердился в российском поле политической науки. Появилось немало публикаций отечественных авторов и ученых из ближнего зарубежья, посвященных теоретико-методологическим аспектам и конкретным практикам политики идентичности [5, 6, 7, 8, 9, 10, 11]. Хотелось бы отметить продвижение в изучении общероссийских [12, 13, 14] и российских региональных реалий [15, 16, 17], а также зарубежного [16], в том числе постсоветского [18, 2, 19], опыта ее реализации.

Можно констатировать, что идет процесс осмысления и уточнения подходов к политике идентичности как самостоятельной составляющей политического курса. В то же время она рассматривается как целеориентированная и ценностно ориентированная управленческая стратегия. В ряду направлений политики идентичности можно особо выделить политику в сфере образования и пересекающиеся с ней сферы языковой политики, символической политики и политики памяти. Отдельного внимания заслуживает оценка влияния произведений художественной культуры (особенно таких массовых жанров, как кино) и роли традиционных СМИ и новых медиа, а также механизмов их интеграции в политику идентичности. В контексте разработки терминологического аппарата утверждается разделение первого, широкого направления (*identity politics*) и второго, конкретно-управленческого аспекта (*identity policy/policies*, см. [20, 11]), интегрированного в формат политического курса. Память о недавнем прошлом используется разными субъектами политического процесса как доступный ресурс мобилизации сил вокруг актуальных управленческих приоритетов, поэтому переосмысливается трактовка “исторической политики”, ее соотношения с политикой памяти (см., например, [21]).

Наиболее явственно актуальную для государства повестку дня политики памяти отражают музейные пространства, представляющие соци-

альную и политическую историю того общества, к которому они обращены. Автор уже не первый десяток лет посещает музеи социальной истории в разных уголках мира и России. Даже там, где нет исторического музея как такового, в краеведческих или специализированных музеях в том или ином формате присутствует тема недавнего прошлого. В последние 15–20 лет растет общественный запрос на осмысление трудных страниц истории ушедшего столетия. В том числе на осмысление влияния на национальную идентичность “культурной травмы”, которую известный польский социолог Петр Штомка определяет как “негативные, дисфункциональные (для общественного развития. — И.С.) последствия, возможные в результате важного социального изменения” [22, с. 6]. Такое влияние особенно заметно в тех государствах, где в XX в. произошла смена политического режима. Почти повсеместно в Европе активно идет научная и экспертная работа на этом направлении. Хотя далеко не везде просматривается однопорядковый политический запрос, но четко прослеживается стремление политических элит использовать общественный интерес к недавнему прошлому в качестве властного ресурса [23, 24].

Экспозиции государственных музеев, посвященные разным аспектам осмысления социального опыта XX в., вписываются, явно или неявно, в контекст проводимой государством политики идентичности. Имея в виду музейную проекцию такой политики, в данной статье представлены результаты сравнительного анализа экспозиций новейших музеев социальной и политической истории XX в., показательных для национальных политических культур современной Европы. Большинство из них автор посещал лично в течение последних нескольких лет, в ряде случаев авторский анализ был дополнен оценками экспертов, полученными в рамках научных контактов в самих музейных пространствах и на международных конференциях. Были также изучены сайты всех упоминаемых в тексте структур, в их число, помимо музеев, были включены центры архивной документации и некоторые временные выставки, значимые для осмысления социальной истории прошлого столетия. Автор исходил из необходимости анализа не только представленной в экспозиции трактовки исторических событий (*что* показывается в музее, с помощью *какой* тональности текстов и *каких* артефактов), но и средств их показа (*как* это делается, есть ли у посетителя возможность самому выбирать интересующий его материал) и круга участников (представлены ли разные точки зрения, есть ли место для альтернативных трактовок и дискуссионных тем). Складывающаяся в таких пространствах культура памяти реформирует информацию о социальных процессах прошлого

в актуальные для сегодняшнего дня смыслы, а нарративы, толкующие реалии недавнего прошлого, — в дискурсы, утверждающие эти *реалии* как современную *реальность*. Это особенно актуально для поколений, которые не имеют опыта непосредственного соприкосновения с трудным прошлым.

Отбор конкретных примеров производился по критериям новизны экспозиций и их политической значимости, присутствию данных музейных институций в публичной дискуссии. Важным критерием отбора было соотнесение с подходами “новой музеологии” [25]. Эти подходы стали утверждаться в музейной работе с конца 80-х годов прошлого века, когда традиционные функции музея по собиранию, систематизации, изучению и показу материальных свидетельств о прошлом стали оцениваться как недостаточные для удовлетворения потребностей в просвещении и социальной коммуникации в условиях растущих информационных потоков и прогрессирующей коммерциализации культурного опыта.

Строй новых экспозиций призван пригласить человека к диалогу, к осмыслению своего места в истории, к поискам ответа на вопрос, что память о прошлом значит для него лично, как она интегрируется в его личный опыт. Практики “новой музеологии” предлагают посетителю активно взаимодействовать с информацией, соответственно, расширяется круг вовлеченных в “производство памяти” участников. И если вчера ключевой стороной диалога был куратор экспозиции, то сегодня предполагается, что это “такие же, как я” граждане, которые готовы к взаимодействию в музейной среде друг с другом и со специалистами (естественно, в рамках кураторской трактовки тематики и в соответствии с реализуемым в государственном музее политическим заказом). В то же время этот опыт отражает понимание социальной и политической роли музея “не только как места просвещения и развлечения, но и как пространства артикуляции сложных политических, идеологических и эстетических взаимосвязей” [26], воспитания “сложного человека” [27]. То есть как пространства реализации политики идентичности, в которую вовлечены институты государства, негосударственные структуры, местные сообщества, эксперты-профессионалы и неравнодушные к культурному опыту прошлого граждане.

МУЗЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ КАК ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТИ

Действительно, культура воспоминания становится сегодня неотъемлемой частью личного социального опыта, и это во многом связано с размыванием привычных ориентиров идентичности [9, сс. 77-87, 126-142]. По выражению авторитетного французского историка Пьера Нора, автора

концепции “мест памяти” (*lieux de memoire* [28]), “мы живем в эпоху всемирного торжества памяти” [29]. Исследования по политике памяти идут лавинообразным потоком. Отсчет можно вести со времени публикации ставших классическими трудов самого Нора [30, 31, 29] и немецкого культуролога Алейды Ассман [32, 33], а также работ французского философа и социолога Мориса Хальбвакса, оказавшихся референтной точкой для изучения политики памяти через столетия после гибели их автора [34, 35].

В центре внимания – осмысление коллективной исторической памяти как социального феномена и выявление механизмов ее формирования. Неслучайно, имея в виду опыт “новой музеологии”, приоритетным направлением сегодня стал анализ *проекций исторической памяти в политический процесс*. Это направление оформилось в особую область социокультурных и политических исследований и за рубежом (обзор исследований по тематике см. [36])³, и в российском исследовательском поле [23, 37, 38]. Но и “войны памяти” стали реальностью современного нестабильного миропорядка. И это последнее обстоятельство заставляет задуматься об ответственности тех, кто непосредственно вовлечен в данный процесс, и о потребности обеспечить конструктивное взаимодействие заинтересованных участников вокруг формирования исторических нарративов. Новые подходы к музейной этике и предполагают наделение музея “моральной субъектностью” (*moral agency*) как участника созидания более справедливого общества”; его социальная ответственность распространяется далеко за пределы музейного пространства [39, p. 86].

Тем более важно посмотреть сквозь призму политического анализа на те конкретные практики, механизмы и инструменты политики идентичности в странах и регионах мира, которые реализует музей и аффилированные с ним структуры. И оценить стоящие за такой политикой интересы ее субъектов и их идейные ориентиры, корреляцию политического и общественного запроса по “проработке” прошлого. Автору уже доводилось писать об отражении современных реалий политики памяти в школьных учебниках истории и учебных программах, о трудностях в создании общеевропейского исторического нарратива для учащейся молодежи [1]. В образовательную политику как ключевую сферу политики идентичности непосредственно вовлечены молодое поколение, учительское сообщество, ученые-историки, занятые просветительской работой деятели культуры

³ См., например: публикации журнала *Memory Studies*, издается с 2007 г.: “Память и политика идентичности” выделены здесь в отдельное тематическое направление (см.: *Journal Description: Memory Studies*. Available at: <https://journals.sagepub.com/description/mss>).

и их профессиональные ассоциации, представители негосударственных гражданских и религиозных организаций. Опосредованно – через опыт получения образования, семью и средства массовой информации – все граждане. А картину мира человека, поколения, общества отражают разные формы фиксации памяти в публичных пространствах.

Представление памяти в таких пространствах – это важнейший инструмент формирования образа своего сообщества и своего понимания “других”. И здесь огромные возможности дает именно музейный нарратив. В этот процесс в той или иной мере вовлечен любой музей в своем неотъемлемом качестве института социальной коммуникации. Но непосредственно решают задачи формирования таких представлений музеи социальной и политической истории близкого нынешним поколениям времени. Сегодня такие музеи превращаются в “жизненно важный социальный институт, ответственный за трансформацию живой памяти в создаваемые и поддерживаемые на институциональном уровне практики коммеморации, которые воплощают групповые идентичности и поддерживают сообщества памяти” [40, pp. 1-2].

Облекая память о недавнем прошлом в наглядные и узнаваемые образы, пространство государственного музея отражает представления о прошлом, продвигаемые институтами государства в контексте реализации национальной политики идентичности. Такое пространство *в идеале* ориентировано на поиски политического консенсуса граждан через исторический нарратив, приемлемый для разных социальных групп и способный работать на общественную консолидацию и социальную стабильность. С ним могут конкурировать другие, частные музейные пространства. Они берут ответственность за отдельные темы, могут предлагать углубленное видение событий и личных историй, альтернативные темы и подходы. Большой потенциал имеют здесь местные сообщества. Новая музейная политика обращена непосредственно к ним и находит отклик в нынешнем расцвете многочисленных инициатив локального уровня по сохранению и возрождению памяти о прошлом. Локальные музейные и выставочные пространства становятся маркерами идентичности сообщества, зримым образом его социальной значимости для себя и для других.

В конкуренции нарративов, отказе от “единственно правильной” картины прошлого утверждается плюрализм мнений и политических установок, закладываются основания для диалога между разными группами интересов. Если для авторитарных режимов такая конкуренция неприемлема априори, то в демократических странах она, казалось бы, должна быть неотъемлемой характеристикой публичной политики.

Между тем общей рамкой музейных пространств в современных демократиях остается политическая корректность: авторитетный российский социолог Л.Г. Ионин определяет ее как “идеологию современной массовой демократии, служащую, с одной стороны, обоснованию внутренней и внешней политики западных государств и союзов, а с другой – подавлению инакомыслия и обеспечению идейного и ценностного консенсуса” [41, с. 8]. Утверждая примат интересов меньшинств над интересами большинства в контексте политики идентичности, такое видение способствует замалчиванию других реальных общественных проблем и противоречий и может блокировать поиски консенсусного видения прошлого и общих ориентиров будущего. Но это “восстание меньшинств” [42] чревато новыми размежеваниями, появлением новых меньшинств и углублением противостояний с большинством.

Стоит иметь в виду и иное обстоятельство, затрудняющее конструктивное представление памяти о прошлом, особенно о недавнем прошлом: в музейных пространствах политкорректные нарративы зачастую выводят на первый план вопросы и проблемы, которые отражают приоритеты актуального политического дискурса и картину мира современного человека, но отнюдь не человека той эпохи, о которой они призваны рассказывать. В результате в забвении оказываются целые пласты исторической памяти, в то время как другие, зачастую не столь значимые, могут подаваться как приоритетные и в сугубо идеологизированной эмоциональной трактовке. “Политика забвения” оказывается неотъемлемой частью политики памяти.

Другая характерная для сегодняшнего конфликтного мира крайность – конфронтационная трактовка недавних исторических событий, также рассчитанная на острый эмоциональный отклик. Она ориентирована на решение текущих внутриполитических задач государственного строительства и утверждение национальной идентичности на основе отторжения недавнего социального и политического опыта. Неслучайно в последние десятилетия в большинстве стран бывшего советского блока появились музеи тоталитаризма, оккупации или геноцида со схожим политическим посланием о культурной травме и травматическом прошлом. Термин “историческая политика” не имеет здесь утвердившегося в ходе дискуссии в Германии в 80-е годы негативного звучания. Более того, он стал “знаменем агрессивно-инструментального подхода к прошлому” и “идеологическим стандартом политики памяти”; в музейных и других публичных пространствах «по всей Восточной Европе осуществлен “экспорт вины”, что разительно противоречит прежней европейской культуре па-

мяти, постепенно приучавшей людей думать о собственной ответственности» [43].

Кто не бывал в музеях современной истории, пусть даже только в школьные годы? Но только нынешнее поколение – свидетель и участник повсеместного пересмотра подходов к публичному представлению памяти о недавнем прошлом. Переосмысление наследия и разработка адекватных современному сознанию форм его репрезентации (*critical heritage studies*) выделились в особое направление социогуманитарного знания (см. [44, 45]). Преемственность и разрывы исторической памяти стали той дилеммой, вокруг которой выстраивается образ будущего как ориентира развития национально-государственного сообщества. Действительно, в странах западного цивилизационного ареала такие музеи и другие институты, имеющие дело с сохранением социального наследия, сталкиваются сегодня с серьезными вызовами. Они должны “переосмыслить проблематичные аспекты своих прежних дифференцирующих подходов, особенно в том, что касается оценки наследия колониализма, и находить новые пути и возможности работы с современными реалиями растущего многообразия, включая последствия миграции” [46, р. 4].

Музеи социальной истории по-разному решают задачу пересмотра подходов и ориентиров своей деятельности. Иногда экспозиции опережают публичные дискуссии и ставят новые вопросы, но чаще – продвигают от имени государства определенный запрос на трактовку прошлого, который ориентирован на решение текущих политических задач. Так, масштабных экспозиций, посвященных системному осмыслению колониального опыта, в странах – наследницах империй не так много, но очень явственно просматриваются попытки переосмысления наследия и бывших метрополий, и бывших колоний, и всего незападного мира – в тематике и в тональности. Утверждается понимание того, что осмысление этого наследия важно “в контексте его проекции в социальную реальность современных постколониальных обществ” [47, р. 12]. На первый план повсеместно выходят проблемы ответственности за использование рабского труда, за сам факт рабства и его долгожительства, за хищническое перекачивание ресурсов из колоний в метрополию. Особенно остро этот вопрос стоит в публичной дискуссии во Франции, где активно развиваются постколониальные исследования.

В Музее Бранли (Музей имени Ж. Ширака⁴ на набережной Бранли в Париже) к середине 2000-х годов был радикально обновлен подход к показу материальной культуры неевропейских цивили-

⁴ *Musee du quai Branly – Jacques Chirac*. Available at: <http://www.quaibrantly.fr/fr/> (accessed 18.01.2020). Автор посетил музей летом 2008 г.

лизаций. Музей так же, как его австрийский и бельгийский визави, не именуется “этнографическим”, это понятие из давно устаревшего лексикона. Не-европейские цивилизации представлены здесь как отдельные культурные пространства. При этом принципы экспонирования уже при открытии вызвали и продолжают вызывать неоднозначные и зачастую остро критические оценки. Критики указывают на постколониальное видение культурного наследия бывших колоний, на профанацию идеи межкультурного диалога и имплицитное противопоставление отсутствующей в экспозиции “коренной” французской и иных, “экзотических” культур [48]. Но потоку посетителей полемика не препятствует, скорее напротив: ежегодно Музей Бранли посещают более миллиона человек.

В Музее Африки⁵ (бывшем Королевском музее Центральной Африки, ранее – Музее Бельгийского Конго), открывшем двери после пятилетнего перерыва зимой 2018 г. в пригороде Брюсселя, упор сделан на критику колониального прошлого страны. Новая экспозиция готовилась при активном участии африканской диаспоры. Проблемам бельгийских граждан – выходцев из Африки посвящен отдельный зал. Рассказывается и о сегодняшнем дне бывших бельгийских колоний, и о вызовах, которые стоят перед Африкой. В новой экспозиции венского Музея мира⁶, представляющего собранное в основном в период империи Габсбургов богатое неевропейское культурное наследие, большое внимание уделено австрийским этнографам и коллекционерам, показаны их вклад и их собрания. В последних залах отдельное пространство отдано историями бывших иммигрантов – сегодняшних австрийских граждан.

Очевидно, что политическая задача работы с нынешней социальной реальностью в музейных пространствах носит в значительной мере проективный характер. Активно идущая сегодня их реорганизация призвана учитывать меняющиеся приоритеты национального государства. Музейные экспозиции вписываются в институциональный дизайн современных демократий, при этом имплицитно ставится вопрос о том, как неконфликтно соединить разные идентичности и разные ценности, как заставить их работать на общее будущее. Это отвечает повестке дня политики идентичности в демократическом обществе. Как справедливо отмечают казахстанские исследователи, рассматривая трансформацию политики идентичности в этой стране, “основной принцип последовательной демократической политики идентичности – предот-

вращение рисков радикализации идентификационных процессов” в обществе [19, р. 110].

При любом типе политического режима власть стремится поддерживать социальную стабильность через формирование консенсусного видения собственного прошлого, особенно недавнего прошлого, апеллируя к преемственности и традиции. Именно на идее преемственности многовекового культурного и политического опыта выстроены исторические экспозиции в Китае. Так, нарратив, представленный в новой, открытой весной 2018 г. экспозиции объединенного городского Музея истории Шанхая и истории революции⁷, строится вокруг героической борьбы китайского народа за самоопределение и национальную идентичность. В центре – противостояние иноземным завоевателям, но отнюдь не иноземным влияниям: взаимодействия переплавляются в образы важных для развития государства и общества двигателей инноваций (интересная деталь: рассказ о героической революционной борьбе соседствует с портретами первых капиталистов – радетелей национальной экономики. Такое “мирное сосуществование” вообще характерно для публичных пространств сегодняшнего Китая). Символично, что под решение задач историко-патриотического воспитания отведено здание бывшего Скакового клуба – импозантной постройки 20-х годов прошлого века, олицетворения периода западного присутствия в Шанхае; прилегающая к нынешнему музею территория бывшего ипподрома еще в 50-х годах была переоборудована под городскую площадь с парком.

Этот новейший музей социальной и политической истории, последний по времени открытия на сегодняшний день в Китае, дает “полноценное представление о современных подходах к сохранению культурного наследия и интерпретации колониальной истории” в этой стране [49, р. 1]. Современный период показан здесь через яркий видеоряд – своего рода ежегодник достижений общегородского масштаба: начиная с образования КНР (1949 г.) каждый год отмечен открытием моста, появлением высочайшего небоскреба, гигантского по масштабам международного Экспоцентра и другими знаковыми городскими проектами. В целом китайский исторический нарратив, согласно оценке авторитетного российского ученого-китаеведа А.В. Ломанова, “создается сверху и контролируется правящей элитой” [50]. Места для альтернативных трактовок просто нет, государственный нарратив синтезирует все “полезные для китайского общества” подходы.

⁵ *AfricaMuseum*. Available at: <https://www.africamuseum.be/fr> (accessed 15.01.2020).

⁶ *Weltmuseum Wien*. Available at: <https://www.weltmuseum-wien.at/> (accessed 17.01.2020). Автор посетил музей весной 2018 г.

⁷ 上海市历史博物馆 上海革命历史博物馆 (Shanghai History Museum/Shanghai Revolution Museum). Available at: <http://www.shh-shrhmuseum.org.cn/historymuseum/historymuseum/zl/index.html/> (accessed 16.01.2020, на китайском языке, сайта на английском нет). Автор побывал в этом музее осенью 2019 г.

XX ВЕК В МУЗЕЕ XXI ВЕКА: КАК В ЕВРОПЕ ПОКАЗЫВАЮТ ТРУДНОЕ НАСЛЕДИЕ И НЕУДОБНУЮ ПРАВДУ

В европейских странах современный музей социальной истории настоятельно предлагает посетителю искать созвучия с его личным социальным (в широком смысле, включая культурный и политический аспекты) опытом или познакомиться с опытом “других” и таким путем осмыслить и утвердить собственную идентичность. Вопрос об исторической объективности предлагаемых репрезентаций в форме исторических реконструкций и нарративов остается открытым. Впрочем, в публичном пространстве (за рамками экспертной дискуссии) он зачастую и вовсе не обсуждается. Опыт соприкосновения индивида с коллективной памятью оказывается сегодня хорошо продаваемым на рынке услуг и на медийном рынке товаром [51, pp. 83-84]. Согласно экспертным оценкам, он дает новый импульс развитию массовой культуры [52]. Тематические парки и фестивали, исторические реконструкции черпают из этого источника, предлагая эмоциональный опыт переживания прошлого как “своей” памяти.

Но политические цели, экспертное видение и общественный запрос на представление трудного прошлого зачастую существенно расходятся. На отборе материала и формах его подачи сказываются идейно-политические убеждения тех, кто готовит экспозиции. Опыт общения с представителями профессионального музейного сообщества свидетельствует о том, что к реализации подходов “новой музеологии” тяготеют приверженцы левой идейно-политической ориентации. Очевидно и то, что безбрежные возможности социальных коммуникаций и самовыражения в виртуальном пространстве делают производство “универсальных смыслов или хотя бы консенсусного понимания идентичности и истории” нерешаемой, по сути, задачей [53, p. 5]. Между тем преэминентность — это первостепенный приоритет для политики памяти как скрепы национальной государственности. Если скрепы слабые, их целенаправленно конструируют и укрепляют, не всегда, правда, с искомым позитивным результатом...

Осевым временем отсчета исторической преэминентности остается для Европы Вторая мировая война. Особое место в тех странах, где фашизм был частью собственной политической истории, занимает вопрос об ответственности за преступления режима. Два государства с фашистским прошлым — Германия и Италия — по-разному выстраивают этот нарратив в музейном пространстве. Здесь можно наблюдать почти полярные противоположности. В Германии в центре политики памяти — вина нации за жертвы Второй мировой, особенно за Холокост.

Музеефицированы находящиеся на территории страны бывшие лагеря смерти. Холокосту посвящены многочисленные большие и малые музейные пространства: так, автору довелось видеть в городском музее Бамберга выставку, представляющую художественную реконструкцию утраченных в годы фашизма синагог. Даже присутствие художественных произведений фашистского периода в национальных музеях строго дозировано, а некоторые места памяти, такие как знаменитый стадион для проведения съездов НСДАП в Нюрнберге, возведенный по проекту любимого архитектора Гитлера А. Шпеера, музеефицированы как фантомы страшной эпохи. Примыкающий к стадиону музейный Центр документации территории съездов НСДАП⁸ занимает бывший недостроенный зал партийных конгрессов, полностью переоборудованный в начале 2000-х годов на основе авангардного архитектурного решения. В рамках постоянной экспозиции под названием “Ослепление и насилие”, разработанной под руководством ведущих историков страны, предложено критическое осмысление причин долголетия фашистской диктатуры и ее последствий. На базе Центра организовано множество просветительских программ, особенно для молодежи. В Мюнхене в год 70-летия окончания Второй мировой войны открыт новый Центр документации по истории национал-социализма⁹, ориентирующий на осмысление преступлений нацизма и их долговременных последствий для общества и государства. Особое внимание уделено рассмотрению трудного прошлого Мюнхена как “колыбели” нацизма: здесь была основана НСДАП и находилась ее штаб-квартира. Символично, что на этом месте и возведен новый Центр. Поэтому особенно актуально звучит основной вопрос, вокруг которого организована постоянная экспозиция: “Как это касается лично меня (как жителя города, гражданина Германии) и почему эти проблемы по-прежнему значимы для меня сегодня?”

В целом можно говорить о том, что в Германии “политическую модель интерпретации прошлого окончательно сменила морально-этическая модель” [54, с. 87]. Но абсолютизация морализирующей тональности тоже несет серьезные политические издержки, она чревата *ритуализацией и окостенением памяти*. Литература о политике памяти в Германии продолжает прирастать [21], а споры о немецкой культурной памяти вышли за пределы академических дискуссий. Сегодня в них вовлечены представители поколений, уже непо-

⁸ *Dokumentationszentrum Reichsparteitagsgelände*. Available at: <https://museums.nuernberg.de/documentation-center/> (accessed 17.01.2020). Автор посетил комплекс летом 2016 г. В начале 2021 г. предполагается начать работы по обновлению и расширению экспозиции, открытой в 2001 г.

⁹ *NS-Dokumentationszentrum München*. Available at: <https://www.ns-dokuzentrum-muenchen.de/zentrum/ueber-uns/> (accessed 18.01.2020).

средственно не соприкасавшихся с реалиями фашистского периода немецкой истории.

В Италии, напротив, интерес к осмыслению наследия фашистского режима остается в основном уделом историков и культурологов. В публичном пространстве в последние годы появились новые интерпретации, представляющие страницы истории фашистского двадцатилетия. В 2018 г. вышел фильм о дуче “Я вернулся”, пафос картины — в том, что для многих он и не уходил... После капитальной реставрации открыла двери Вилла Торлония¹⁰ в Риме, где до 1943 г. жил Муссолини с семьей. В новом музейном пространстве размещены художественные экспозиции, восстановлены архитектурные интерьеры. В двух комнатах развернута небольшая фотовыставка, посвященная бытовым аспектам жизни итальянского диктатора, при этом его роль как лидера фашистской партии и главы государства никак не рассматривается и не комментируется. Представляемый в государственном музее неполитический “мягкий и удобный” нарратив о трудном прошлом сознательно обходит стороной существующие в итальянском обществе идейно-политические разделения и может в будущем способствовать созданию “апологетической версии наследия диктатуры” [55, pp. 171-172]. Неизменное присутствие профашистских сил в политическом ландшафте страны свидетельствует о том, что такие опасения не беспочвенны.

После долгих и ожесточенных споров по настоянию городского совета во главе с мэром — представителем левоцентристской Демократической партии в 2016 г. было принято решение об организации музея истории фашистского 20-летия в символическом месте — огромном здании бывшей штаб-квартиры фашистской партии в городке Предаппио в области Эмилия-Романья, где будущий диктатор родился и где он похоронен в фамильном склепе. Борьба вокруг выбора места и содержания экспозиции не утихла: есть неудовлетворенная общественная потребность в знаниях об этом периоде, но нет консенсусного нарратива в отношении трудного прошлого. Новый мэр, кандидат от правопопулистской Лиги, в январе 2020 г. затормозил уже начатые работы, аргументируя такой поворот “сложностью проблемы” представления истории этого периода при отсутствии общественного консенсуса. Проект предполагается теперь переориентировать на историю города и региона; решение вызвало новую волну ожесточенной полемики¹¹. На первый план вышли идейно-политические противостояния, традиционно разделявшие итальянское общество [56].

¹⁰ *I Musei di Villa Torlonia*. Available at: http://www.museivillatorlonia.it/it/il_museo/editoriale (accessed 17.01.2020). Автор посетил экспозицию в 2012 г.

¹¹ Predappio cancella il museo sul fascismo: “Sara un centro dedicato alla storia locale”. *La Stampa*, 16.01.2020.

В стране, которая “до сих пор боится собственного прошлого” [57], остро стоит вопрос о роли исторического просвещения и задачах публичной истории (*public history*) — неакадемических нарративов, адресованных широким слоям населения [58]¹².

Неготовность выстроить музейный нарратив, предлагающий осмыслить историю первой половины XX в. без замалчивания болезненных для массового сознания вопросов, отражает состояние общественной дискуссии об отношении к фашистскому наследию и к реальности массового “прияття” фашизма в предвоенные годы. В массовом сознании безоговорочного отторжения этого опыта нет: характерно, что в сувенирных магазинах продукция, воспроизводящая облик Муссолини, — отнюдь не редкость, а в родных местах дуче она продается повсеместно и пользуется спросом. Несколько раз в год в памятные даты сюда прибывают организованные группы его почитателей. Осмыслить, наконец, наследие фашизма и не допустить ползучей ностальгии тех, кто недоволен сегодняшним положением дел в стране, — главный аргумент сторонников реализации научно обоснованного музейного проекта и создания постоянной экспозиции, посвященной государству и обществу тоталитарной эпохи.

В Италии реальностью официального нарратива является трактовка истории периода Второй мировой войны в первую очередь как истории Движения Сопротивления. Известно, что решающий вклад в антифашистскую борьбу в годы войны и в коммеморацию Сопротивления в послевоенные годы внесли левые силы. Движению Сопротивления посвящены места памяти, открыт целый ряд музеев и городских центров документации (в Болонье, Пьяченце и других городах Центральной Италии, где были сильны антифашистские настроения и развернулось партизанское движение). В представлении героических страниц истории сегодня используется подход максимального приближения к людям и местам событий, создаются сетевые ресурсы и аудиовизуальные архивы, представляющие устную историю антифашистской борьбы, продвигаются просветительские проекты, фотовыставки. Но общенационального музея истории Сопротивления в Италии нет.

Музей нового поколения, посвященный социальной истории XX в., открылся осенью 2018 г.

¹² Российский историк Л.П. Репина справедливо обращает внимание на необходимость обсуждения задач и общественной роли современной исторической науки и публичной истории: “На первый план в современном интеллектуальном пространстве выходит проблема взаимодействия, диалога исторической науки и общества”, “важная роль в этой необходимой для сообщества историков коммуникативной стратегии должна принадлежать публичной истории”, которая включает “комплекс средств для представления научного исторического знания широкой публике и для формирования знания о прошлом в обыденной жизни” [59, с. 62].

в Венеции в материковом районе Местре. Здесь национальная история показана как “история всех и каждого, история того, что делает нас итальянцами”¹³. В основе экспозиции — узнаваемая повседневность, политическая история подается как контекст, в котором полстолетия доминировали массовая политика, массовые партии и харизматичные политические лидеры. Конфликты нарративов о недавнем прошлом поданы как еще одна сторона повседневной жизни: известные политики прошлого оживают в созданных актерами образах и апеллируют к политическим реалиям XX в. в слегка ироничном, постмодернистском ключе. В мультимедийной экспозиции широко используются новейшие технологии, представлены большие визуальные интерактивные ряды документов и интерпретирующих их текстов и видеofilмов. Радикальным решением является полное или почти полное вытеснение предметных рядов в привычных витринах разными формами визуальной репрезентации исторического нарратива. Экспозиция рассчитана на то, чтобы меняться с появлением новых тем и новых вопросов, требующих общественного обсуждения.

Контрастом к реалиям Германии выглядит ситуация с репрезентацией памяти о трудном прошлом в сегодняшней Испании. Здесь нет Музея национальной истории, а дискуссия о самой возможности его создания если и разгорается, как накануне выборов 2016 г. с подачи тогдашнего главы правительства и лидера Народной партии М. Рахоя¹⁴, то быстро гаснет: к решению вопроса не готово ни государство, ни общество с глубоко разделенной памятью. В столице и некоторых других городах аспекты трудной истории присутствуют в экспозициях городских и многочисленных военных музеев¹⁵, но системного нарратива о франкистском прошлом или об имперском наследии нет. Музейные пространства, где присутствует такая тематика, в основном организованы очень традиционно и ограничиваются вкраплениями новых технологий: так выглядит, например, столичный Музей Америки¹⁶, где собрана богатая коллекция колониального наследия из

Нового Света. Неудивительно, что эти хранилища памяти лежат в стороне от проторенных туристических троп... При том, что Испания реализует и самые передовые практики в музейной сфере. Одно из последних свидетельств — новый Национальный археологический музей¹⁷ в Мадриде с представляющей культурное наследие страны концептуально выстроенной экспозицией, оснащенной по последнему слову техники.

В автономных сообществах, напротив, повышенное внимание уделяется задачам формирования собственной национальной идентичности. Так, открытый в середине 90-х годов Музей истории Каталонии¹⁸ представляет идеологизированный нарратив о борьбе каталонского общества с косным влиянием Мадрида, о передовой каталонской экономике и национальном бизнесе. Этот музей — образец системного представления исторического нарратива, в котором политика и экономика тесно переплетены с повседневностью. Большое внимание уделено истории каталонского национализма, гражданской войне 1936—1939 гг. и росту антифранкистских настроений и протестов в 70-е годы прошлого века. Очевидны переключки этих страниц недавнего прошлого и нынешней борьбы за автономию. Раздел, посвященный современности, организован вокруг вопроса “кто мы?”, в центре — язык и идентичность, миграция и растущее культурное разнообразие. Эта проблема, особенно важная для принимающих потоки мигрантов из бывших колоний постколониальных обществ, повсеместно стала центральной для новейших экспозиций социальной истории.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НА ОБЛОМКАХ ИМПЕРИЙ

В XX век вошло несколько империй, и все они исчезли в короткие по историческим меркам сроки. Форма национального государства стала рассматриваться как универсальный образец современного политического бытия [60]. Но сегодня и эта модель оказывается не столь безусловной, а сам ее западноевропейский образец не рассматривается как универсальный. Растет несоответствие между возможностями данной модели государственности, “не обеспечивающей в должной мере суверенитет и целостность (консолидацию) политического сообщества”, и потребностями развития таких сообществ в глобальном мире [61, сс. 128-129]. Интеграционные проекты в разных регионах мира столкнулись с серьезными вызовами их полити-

¹³ *Il Museo del '900*. Available at: <https://www.m9museum.it/il-museo/> (accessed 05.01.2020).

¹⁴ Rajoy creará el Museo Nacional de la Historia de España. *La Vanguardia*, 16.12.2015. Available at: <https://www.lavanguardia.com/politica/elecciones/20151216/30847371855/museo-nacional-de-la-historia-de-espana-catalunya-rajoy.html> (accessed 17.01.2020).

¹⁵ Так, в Военно-историческом музее города Ла-Коруния, в родном регионе Франко Галисии еще в 2014 г. стоял редкий для нынешней Испании бюст каудильо; в экспозиции упор был сделан на военных кампаниях в испанском Марокко, где Франко служил в 1910-е годы, в то время как гражданская война не освещалась. См.: *Museo Histórico Militar de A Coruña*. Available at: <https://patrimoniocultural.defensa.gob.es/es/centros/museo-a-coruna/portada> (accessed 24.01.2020). Автор посетил музей весной 2014 г.

¹⁶ *Museo de América*. Available at: <http://www.culturaydeporte.gob.es/museodeamerica/el-museo.html> (accessed 23.01.2020).

¹⁷ *MAN — Museo Arqueológico Nacional*. Available at: <http://www.man.es/man/home.html> (accessed 23.01.2020).

¹⁸ *Museu d'Historia de Catalunya*. Available at: <http://www.mhcat.cat/> (accessed 23.01.2020). Автор посетил музей в январе 2019 г.

ческой динамике. Национализм, сепаратизм, популизм стали своего рода “идеологиями действия”, идеологиями без стратегических идей.

Тем более актуальная задача — посмотреть на трудную историю империй и на споры вокруг имперского наследия. Какой отпечаток оставили бывшие империи на идентичности нынешних ее граждан, как имперское наследие сказалось на картине мира людей с разным социальным опытом и разными культурными ориентирами, жителей бывшей метрополии и бывших колоний, граждан “старой” и “новой” Европы, живущих сегодня бок о бок в одном государстве? Как ее наследие воспринимается сегодня в бывших колониях и на периферии бывших империй, в каких формах эти представления присутствуют в музейных пространствах? Как горячая тема иммиграции может быть отражена в публичном пространстве, учитывая острые политические дискуссии и разногласия в принимающих обществах? Сегодня в выросших на волнах иммиграции государствах созданы музеи иммиграции (или посвященные мигрантам экспозиции в составе национальных исторических музеев), в них неизменно присутствуют личные нарративы.

Тем интереснее малозаметное присутствие в этом ряду Великобритании. В Лондоне есть небольшой негосударственный Музей истории иммиграции¹⁹, который работает на общественных началах, приглашая людей к разговору об их личных историях и опыте. Есть намерение создать постоянную интерактивную площадку, но пока у музея нет постоянной прописки. Недолго, всего несколько лет, проработал и негосударственный Музей Британской империи и Содружества²⁰. Он был открыт в 2002 г. в Бристоле, портовом городе, куда прибывали корабли со всех концов “империи незаходящего солнца”. Экспозиция пыталась “примирить чувство гордости за империю и честное признание ее жестокости”, и в таком противоречивом качестве музей стал “пространством столкновения идентичностей”, “отражением неоднозначности и противоречий британской национальной идентичности” [62]. Вехой в его деятельности стала посвященная истории рабства выставка, приуроченная к 200-летию запрета работорговли (2007 г.): Бристоль был главным портом прибытия рабов из колоний. Во многом благодаря таким проектам современные проблемы подневольного труда и торговли людьми в последнее десятилетие стали неотъемлемой частью стратегий корпоративной социальной ответственности бри-

танских компаний: с 2015 г. компаниям, подпадающим под законодательно регламентированные критерии ведения бизнеса (определенный уровень прибыли, деятельность на территории Соединенного королевства и др.), предписано публиковать ежегодные отчеты по данной теме и предлагаются ориентиры по подготовке такого документа²¹.

Фонды бристольского музея находились в управлении некоммерческой структуры; в 2013 г. после скандала вокруг продажи ряда экспонатов, переданных на временное хранение, и под давлением хронического недофинансирования музей был ликвидирован. Попытки воссоздать его в столице успехом не увенчались, и сегодня об отношении к имперскому наследию можно судить по фрагментам экспозиций Имперского военного музея в Лондоне²², Национального морского музея²³ и других специализированных музейных площадок, но общей картины нет. Британские музейные специалисты в личных беседах говорили об отсутствии в обществе системной рефлексии вокруг этих страниц прошлого и о невысоком интересе конкретно к бристольской инициативе. Отчасти тему колониального прошлого покрывают коллекции самого посещаемого в стране Британского музея²⁴, представляющие культурное наследие бывшей империи. Он ассимилировал наследие империи, политический подтекст здесь приглушен и политкорректно не выводится на первый план. На этой площадке приоритетное внимание уделяется сегодня отражению культурного разнообразия современного британского общества.

Между тем, согласно данным опросов, значительная часть граждан страны ностальгирует по империи — каждый третий британец хотел бы, чтобы она существовала и сегодня, и 60% опрошенных “скорее гордятся” ею, в том числе почти половина (48%) молодежи в возрасте 18–24 лет²⁵. Осмысление долговременных социальных последствий трудной памяти остается в основном уделом академической науки. Ностальгией по империи во многом объясняются нынешние реалии Брексита [63], так что отсутствие внятного постимперского музейного нарратива не должно удивлять.

²¹ *Publish an annual slavery statement. Guidance*. Available at: <https://www.gov.uk/guidance/publish-an-annual-modern-slavery-statement> (accessed 01.02.2020).

²² *Imperial War Museum*. Available at: <https://www.iwm.org.uk/visits/iwm-london>; <https://www.iwm.org.uk/collections> (accessed 16.01.2020). Автор посетил музей и выставку, посвященную культурным утратам в ходе военных конфликтов, осенью 2019 г.

²³ *National Maritime Museum*. Available at: <https://www.rmg.co.uk/national-maritime-museum> (accessed 16.01.2020).

²⁴ *The British Museum*. Available at: <https://www.britishmuseum.org/> (accessed 23.01.2020). Автор посетил музей осенью 2019 г.

²⁵ *The British Empire is something to be proud of*. Available at: <https://yougov.co.uk/news/2014/07/26/britain-proud-its-empire/> (accessed 03.01.2019).

¹⁹ *Migration Museum Project*. Available at: <https://www.migrationmuseum.org/> (accessed 16.01.2020).

²⁰ *British Empire and Commonwealth Museum*. О коллекциях музея см.: <https://www.bristolmuseums.org.uk/tag/becc/> (accessed 18.01.2020). Сайт музея прекратил работу (еще в конце 2019 г. находился по адресу: <http://www.empiremuseum.co.uk/>).

В центре современных музейных экспозиций, переосмысливающих место имперского наследия в истории ушедшего века, оказывается национальная идентичность. Ставится вопрос о сочетании ее новых и традиционных ипостасей. Пример недавнего обращения в музейном пространстве к проблематике национальной идентичности представляет Австрия. К 100-летию Первой республики осенью 2018 г. во дворце Габсбургов на столичной Хельденплац открылся Дом австрийской истории²⁶. Сама площадка имеет символический характер: с балкона этого здания Гитлер выступил перед жителями Вены 15 марта 1938 г. с речью о вхождении Австрии в состав Третьего рейха. Сегодня вход на балкон закрыт, он выглядит нарочито заброшенным. Посетителям музея предлагается проголосовать за принципиальное решение: открыть этот памятник аншлюса для посещения или оставить все как есть. Тут же на табло отражаются итоги голосования — за год работы музея подавляющее большинство высказалось за открытие балкона как музейного объекта. В примыкающем новом музейном пространстве размещена временная выставка найденных при раскопках полуистлевших предметов из разгромленной фашистами еврейской школы в Вене.

В нынешней большой музейной экспозиции переосмысливается утвердившийся в сознании австрийцев образ страны как “первой жертвы” нацизма, поднимается вопрос о массовой поддержке режима Третьего рейха, говорится об использовании подневольного труда угнанных граждан побежденных стран. Тематическая организация пространства призвана стимулировать дискуссию о путях становления австрийской демократии и австрийской идентичности в прошлом, XX в., и предложить видение перспектив развития австрийского общества.

Содержательной стороне австрийской идентичности посвящен отдельный раздел, и это не случайно. Национальная идентичность австрийцев выстраивалась на обломках империи, на переосмыслении опыта Первой республики и “красной Вены” (1919–1934), когда у руля столичной мэрии стояли социал-демократы (в то время как на федеральном уровне они были в оппозиции), последующего наследия фашизма и послевоенного возрождения под флагом политического нейтралитета. Резкие выражения политической истории страны лишь недавно стали обретать формы наглядной репрезентации в публичном пространстве. И только к середине 90-х годов Австрию признали нацией 80% ее граждан, в 1964 г. таких, согласно данным опросов, было меньше половины, в 1973 г. — 62% (см. [64, р. 93]). При этом сегодня австрийцы — первые среди тех европейцев, которые гордятся своей страной (но не

ее политическими институтами, а в первую очередь достижениями культуры и красотой природы). В то же время в обществе формируется запрос на позитивное осмысление ориентированного на социальные реформы политико-управленческого опыта 20-х годов минувшего века: знаковая выставка “Красная Вена”, проходившая в городском музее во второй половине 2019 г. и вызвавшая большой отклик, открывалась разъяснением концепции экспозиции: “Представить актуальный политический потенциал динамичных лет социального эксперимента в столичной городской политике”²⁷.

Вопрос об уроках трудной истории и формировании позитивной, ориентированной на развитие идентичности на основе переосмысления трудного прошлого, становится магистральным направлением *ответственной политики идентичности*. О потребности в переведении “конфликта идентичностей” в “диалог идентичностей” как о “ценностной и политико-управленческой проблеме” автору уже не раз доводилось писать (см., например, [9, с. 110]). При этом приглашение к “диалогу между людьми, по-разному воспринимающими... общее прошлое”, должно опираться, как показывают результаты сравнительного исследования национальных моделей работы с трудным историческим наследием в контексте осмысления перспектив для России, на “конкретные формы и институты, которые могли бы решить задачи преодоления” трудного прошлого [65]. В этом ряду российским музеям как “актерам публичной истории и культурной памяти” принадлежит ключевая роль [66, с. 18]; в условиях, когда ориентация на эмоциональное восприятие прошлого становится важнейшим фактором, определяющим формы репрезентации исторической памяти, изучение ее эмоциональной составляющей важно, как отмечают российские исследователи, для понимания ограничений и перспектив реализации “политики эмоций” и “политики аффекта” в музейных пространствах [66, сс. 7–37]. Это интегральная часть политики идентичности, поле для взаимодействия разных ее субъектов.

В российском музейном пространстве в последние годы появились отличающиеся особым эмоциональным настроением выставочные опыты работы с прошлым. В экспозиции Музея русского зарубежья²⁸ в Москве использовано аналогичное новейшим европейским опытам сочетание материальных свидетельств и мультимедийных технологий. В отличие от описанных выше, это в том числе музей памяти, большинство экспонатов которого

²⁶ *Haus der Geschichte Österreich*. Available at: <https://www.onb.ac.at/museen/haus-der-geschichte-oesterreich> (accessed 17.01.2020). Автор посетил экспозицию осенью 2019 г.

²⁷ *Das Rote Wien 1919–1934*. Available at: <https://www.wienmuseum.at/de/ausstellungen/aktuell/ansicht/das-rote-wien-1919-1934> (accessed 17.01.2020). Автор посетил выставку осенью 2019 г.

²⁸ *Музей русского зарубежья. Постоянная экспозиция Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына*. Available at: <http://www.domrz.ru/exposition/> (accessed 17.01.2020). Автор посетил экспозицию весной 2019 г.

передано представителями послереволюционной волны русской эмиграции и их потомками. За пронзительным рассказом об исходе Белой армии и растекании русских людей по миру вырисовывается картина русского рассеяния и медленного размывания идентичности. Краткие очерки религиозной и культурной жизни русского зарубежья представляют историю самоотверженного русского духа, “нас в послании”. Послевоенная история эмиграции показана исключительно мультимедийными средствами. В Доме русского зарубежья, при котором работает музей, созданы постоянно пополняющееся архивное собрание и библиотека мемуаров русского зарубежья. Это тоже реалии “новой музеологии”, в рамках которых могут идти поиски путей преодоления разделений, сложившихся в сегодняшней России вокруг трактовок недавней политической истории. В целом же история русского исхода и рассеяния лишь отчасти, через достижения культуры и религиозные искания интегрируется сегодня в общий нарратив о русской и российской идентичности.

Столичный Музей современной истории России²⁹ представляет картину уходящей повседневности, знакомую старшим поколениям россиян в контексте рассказа о вехах истории XX в. и достижениях общества и государства, которыми они были отмечены. Молодежи предлагаются интерактивные уроки и погружение в незнакомые по личному опыту социальные реалии.

В Музее Победы на Поклонной горе³⁰ представлены вехи истории Великой Отечественной войны. Экспозицию открывает сегодня Зал исторической правды, где мемориальные предметы и документы свидетельствуют о цене Победы. В ряду приоритетов на сайте музея обозначены “противодействие фальсификациям истории и разработка методов формирования национально-государственной идентичности”³⁰.

Новая постоянная экспозиция “ГУЛАГ в судьбах людей и истории страны” в столичном Музее истории ГУЛАГа³¹ предлагает документированный рассказ о действовавшей в СССР репрессивной системе, о ее институтах, о трагедии сограждан, попавших под каток системы. Экспозиция выстраивается на представлении и противопоставлении

²⁹ *Музей современной истории России*. Available at: <https://www.sovrhhistory.ru/> (accessed 24.01.2020).

³⁰ *Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Музей Победы)*. Available at: <https://victorymuseum.ru/about/> (accessed 29.01.2020). Есть острая потребность в создании общедоступного сводного информационного ресурса о музеях истории Великой Отечественной войны.

³¹ *Музей истории ГУЛАГа*. Available at: <https://gmig.ru/> (accessed 24.01.2020). Автор посетил музей в начале 2020 г. Здесь работают Центр документации и лекторий. Просветительская программа запущена в регионах России, в Ассоциации музеев Памяти состоят на начало 2020 г. 35 музеев.

“большой” истории и личных историй, на эмоциональном сопереживании сломанным судьбам и несломленным людям. Истории узников озвучены узнаваемыми голосами артистов и дополнены документами и мемориальными предметами, в отдельном зале звучат пронзительные воспоминания детей репрессированных родителей. Известные на сегодняшний день места массовых расстрелов и захоронений представлены длинным рядом фотографий, не все они стали местами памяти... Непрерывно читаемый в последних залах список имен реабилитированных жертв репрессий – это живая Память.

Разные пространства памяти существуют в современной России обособленно друг от друга, представляя разные, не взаимодействующие друг с другом (иногда – перекликающиеся) нарративы. Между тем музейные пространства могут стать пионерными площадками для виртуального и реального диалога нарративов о трудном прошлом, для поиска путей отражения преемственности исторической памяти. Сама потребность в диалоге, готовность к диалогу – это неотъемлемая составляющая позитивной, ориентированной на развитие идентичности.

Возможности продвижения по этому пути видятся сегодня в том числе в реализации местных, локального масштаба, инициатив, близких тем, к кому они в первую очередь обращены. Музейные и другие проекты такого рода рождаются чаще всего как творческие начинания неравнодушных людей, которые ищут и находят поддержку бизнеса и власти. И, что немаловажно для социального климата, они способствуют развитию местных, городских и негородских сообществ на основе укрепления доверия и коротких связей между людьми и между институтами. Примеров позитивного опыта здесь немало – от обустройства городского пространства в центре подмосковной Коломны до открытия Народного музея исчезнувших деревень в селе Сеп в Удмуртии. Такие новые опыты представления “своей” истории заслуживают отдельного исследования.

Радикальный мультимедийный подход в той или иной степени интегрируется сегодня во все новейшие экспозиции музеев социальной истории, в основном в сочетании с артефактами, с широким использованием приемов устной истории и представлением избранных эпизодов истории политической. В центре внимания – в первую очередь узнаваемая повседневность. Этот ракурс призван объединять индивидуальные воспоминания в общее русло коллективной памяти, ненавязчиво продвигать идею преемственности исторического пути общества и государства. Место больших идеологизированных нарративов все чаще занимает множество малых нарративов, они выстраиваются на принципах политкорректной мозаичности. Сама идея преемственности диктует необходимость переосмысления опыта недавнего прошло-

го, его позитивных и негативных сторон и возвращает к дискуссии о *новых формах бытования идей и идеологий* в информационном обществе.

Серьезным вызовом для политики памяти остается *преодоление поколенческих разрывов*: для вступившего в активную общественную жизнь на рубеже 2000-х годов поколения и, тем более, для миллениалов трудное наследие XX в. находится за пределами личного опыта. Изменилось отношение к политическому участию, пересматриваются приоритеты общественной активности, культурные нормы и нормы социального общежития. Восприятие политического наследия XX в. требует глубокой рефлексии, между тем как погружение в виртуальную реальность и игровые формы коммуникации оказываются серьезными препятствиями на этом пути. Социальная история как система научно обоснованных представлений о прошлом вытесняется памятью как его (прошлого) эмоциональным переживанием. Поиски новых форм репрезентации памяти и новых подходов к реализации политики идентичности призваны в том числе способствовать преодолению существенных разрывов в понимании влияния трудного прошлого на мировосприятие и идентичность человека XXI в.

Политика идентичности может работать на консолидацию, а может — на углубление размежеваний в современных разделенных обществах. Попытка вовлечь новые поколения в разговор о прошлом страны и мира обращается к переосмыслению прошлого, в котором есть место “своей”, личной истории. Современный музей претендует на то, чтобы стать пространством активной вовлеченности и связанности “малых” историй и “больших” нарративов, пространством социального диалога. В этом смысле *музей социальной истории оказывается сегодня важной площадкой формирования политической идентичности*, и “актуальное прошлое” может стать как никогда значимым средством утверждения позитивной, ориентированной на развитие гражданской идентичности. Но такой результат отнюдь не предreshен, он во многом зависит от того, насколько сформирован общественный запрос на позитивное переосмысление трудного наследия и какими мотивациями руководствуются те, кто предлагает ответы на такой запрос. Как никогда актуален поэтому вопрос о нравственной ответственности за репрезентацию памяти.

Сводный список сайтов музеев, выставок и центров документации (на государственном языке страны, где работает музей):

- Государственный центральный музей современной истории России, Москва (<https://www.sovrhistory.ru/>)
- Музей истории ГУЛАГа, Москва (<https://gmig.ru/>)

- Музей русского зарубежья, постоянная экспозиция Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына, Москва (<http://www.domrz.ru/exposition/>)

- Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Музей Победы), Москва (<https://victorymuseum.ru/about/>)

- AfricaMuseum, Tervuren, Belgique (<https://www.africamuseum.be/fr>)

- British Empire and Commonwealth Museum, Bristol (упразднен; о коллекциях музея см.: <https://www.bristolmuseums.org.uk/tag/becc/>)

- Das Rote Wien 1919–1934. Wien Museum, Wien (<https://www.wienmuseum.at/de/ausstellungen/aktuell/ansicht/das-rote-wien-1919-1934>)

- Dokumentationszentrum Reichsparteitagsgelände, Nürnberg (<https://museums.nuernberg.de/documentation-center/>)

- Haus der Geschichte Österreich, Wien (<https://www.onb.ac.at/museen/haus-der-geschichte-oesterreich>)

- I Musei di Villa Torlonia, Roma (http://www.museivillatorlonia.it/it/il_museo/editoriale)

- Il Museo del ‘900, Venezia (<https://www.m9museum.it/il-museo/>)

- Imperial War Museum, London (<https://www.iwm.org.uk/visits/iwm-london>)

- MAN – Museo Arqueológico Nacional, Madrid (<http://www.man.es/man/home.html>)

- Migration Museum Project, London (<https://www.migrationmuseum.org/>)

- Museo de América, Madrid (<http://www.culturaydeporte.gob.es/museodeamerica/el-museo.html>)

- Musée du quai Branly – Jacques Chirac, Paris (<http://www.quaibrantly.fr/fr/>)

- Museo Histórico Militar de A Coruña (<https://patrimoniocultural.defensa.gob.es/es/centros/museo-a-coruna/portada>)

- National Maritime Museum, Greenwich/London (<https://www.rmg.co.uk/national-maritime-museum>)

- NS-Dokumentationszentrum München (<https://www.ns-dokuzentrum-muenchen.de/zentrum/ueberuns/>)

- 上海市历史博物馆 上海革命历史博物馆 (Shanghai History Museum/Shanghai Revolution Museum) (<http://www.shh-shrhmuseum.org.cn/history-museum/historymuseum/zl/index.html/>)

- The British Museum, London (<https://www.britishmuseum.org/>)

- Weltmuseum, Wien (<https://www.weltmuseum-wien.at/>)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Семененко И. Прошлое на переднем крае политики идентичности. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, т. 62, № 11, сс. 65-76. [Semenenko I. Proshloe na perednem krae politiki identichnosti [History on the Frontline of Identity Politics]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 62, no. 11, pp. 65-76.] DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76
2. Семененко И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. Между государством и нацией: дилеммы идентичности на постсоветском пространстве. *Полис. Политические исследования*, 2017, № 5, сс. 54-78. [Semenenko I.S., Lapkin V.V., Bardin A.L., Pantin V.I. Mezhdugosudarstvom i natsiei: dilemmy identichnosti na postsovetskom prostranstve [Between the State and the Nation: Dilemmas of Identity Politics in Post-Soviet Societies]. *Polis. Political Studies*, 2017, no. 5, pp. 54-78.] DOI: 10.17976/jpps/2017.05.05
3. Fukuyama F. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. New York, Farrar, Straus and Giroux, 2018. 240 p.
4. Steyn J. The Museums' Future. *Futures*, 2006, vol. 38, pp. 606-618.
5. Миненков Г.Я. Политика идентичности: взгляд современной социальной теории. *Политическая наука*, 2005, № 3, сс. 21-38. [Minenkov G. Ya. Politika identichnosti: vzglyad sovremennoi sotsial'noi teorii [Identity Politics: the view of contemporary social theory]. *Political Science*, 2005, no. 3, pp. 21-38.]
6. Семененко И.С., ред. *Политическая идентичность и политика идентичности в 2-х тт. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий*. Москва, РОССПЭН, 2011. 208 с. [Semenenko I.S., ed. *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti v 2 tt. T. 1: Identichnost' kak kategoriya politicheskoi nauki: slovar' terminov i ponyatii* [Political Identity and Identity Politics. Vol. 1: Identity as a Category of Political Science: a Glossary of Terms and Concepts]. Moscow, ROSSPEN, 2011. 208 p.]
7. Панов П.В., Сулимов К.А., Фадеева Л.А., ред. *Борьба за идентичность и новые институты коммуникации*. Москва, РОССПЭН, 2012. 263 p. [Panov P.V., Sulimov K.A., Fadeeva L.A., eds. *Bor'ba za identichnost' i novye instituty kommunikatsii* [The Struggle for Identity and New Institutions of Communication]. Moscow, ROSSPEN, 2012. 263 p.]
8. Малинова О.Ю. Актуальность прошлого: история, память и политика идентичности. *Дискурсология: методология, теория, практика*, 2016, № 10, сс. 156-166. [Malinova O. Yu. Aktual'nost' proshlogo: istoriya, pamyat' i politika identichnosti [The Urgency of a Usable Past: History, Memory and Identity politics]. *Diskursologiya: metodologiya, teoriya, praktika*, 2016, no. 10, pp. 156-166.]
9. Семененко И.С., отв. ред. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Москва, Весь Мир, 2017. 992 с. [Semenenko I.S., ed. *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Ehntsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: Personality, Society, Politics]. Moscow, Ves' Mir, 2017. 992 p.]
10. Малинова О.Ю. и др., ред. *Символическая политика. Вып. 5. Политика идентичности*. Москва, ИНИОН РАН, 2017. 356 с. [Malinova O.Yu. et al., eds. *Simvolicheskaya politika. Vyp. 5. Politika identichnosti* [Symbolic Politics. Issue 5. Identity Politics]. Moscow, INION RAS, 2017. 356 p.]
11. Попова О.В. Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок. *Южно-российский журнал социальных наук*, 2019, т. 20, № 4, сс. 74-91. [Popova O.V. Gosudarstvennaya politika identichnosti kak teoreticheskii konstrukt i real'naya praktika: opyt ehkspertnykh otsenok [Identity Policy at National Level as a Theoretical Construct and Real Practice: Expert Assessments Attempt]. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 2019, vol. 20, no. 4, pp. 74-91.] DOI: 10.31429/26190567-20-4-74-91
12. Дробижева Л.М. Российская идентичность: факторы интеграции и проблемы развития. *Социологическая наука и социальная практика*, 2013, № 1 (01), сс. 74-84. [Drobizheva L.M. Rossiiskaya identichnost': faktory integratsii i problemy razvitiya [Russian identity: the factors of integration and problems of development]. *Sociological Science and Social Practice*, 2013, no. 1 (01), pp. 74-84.]
13. Дробижева Л.М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания. *Полис. Политические исследования*, 2018, № 5, сс. 100-115. [Drobizheva L.M. Rossiiskaya identichnost': diskussii v politicheskom prostranstve i dinamika massovogo soznaniya [Russian Identity: Discussions in the Political Space and Dynamics of Mass Consciousness]. *Polis. Political Studies*, 2018, no. 5, pp. 100-115.] DOI: 10.17976/jpps/2018.05.09
14. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Васильченко В.А., Денисова Г.С. *Российская идентичность и политика идентичности: конструкция и деконструкция*. Ставрополь, СКФУ, 2018. 214 с. [Avksent'ev V.A., Aksyumov B.V., Vasil'chenko V.A., Denisova G.S. *Rossiiskaya identichnost' i politika identichnosti: konstruktsiya i dekonstruktsiya* [Russian identity and identity politics: construction and deconstruction]. Stavropol, SKFU, 2018. 214 p.]
15. Цумарова Е.Ю. *Политика идентичности в регионах России: теоретический и практический аспекты (на примере Республики Карелия)*. Дисс. канд. полит. наук. Санкт-Петербург, 2014. 157 с. [Tsumarova E.Yu. *Politika identichnosti v regionakh Rossii: teoreticheskii i prakticheskii aspektu (na primere Respubliki Kareliya)*. Diss. kand. polit. nauk [Identity policy in the regions of Russia: theoretical and practical aspects (on the example of the Republic of Karelia). Cand. Diss. (Polit.)]. Sankt-Peterburg, 2014. 157 p.]
16. Назукина М.В. *Между Уралом и Поволжьем: поиски пермской идентичности*. Пермь, Печатный Салон Гармония, 2018. 196 с. [Nazukina M.V. *Mezhdugorom i Povolzh'em: poiski permskoi identichnosti* [Between the Urals and the Volga region: search for Permian identity]. Perm, Pechatnyi Salon Garmoniya, 2018. 196 p.]

17. Сагитова Л.В. *Республика Татарстан: Политика идентичности и ее акторы*. Казань, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 360 с. [Sagitova L.V. *Respublika Tatarstan: Politika identichnosti i ee aktory* [The Republic of Tatarstan: Identity Politics and Its Actors]. Kazan', Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2018. 360 p.]
18. Саркисян О.Л., отв. ред. *Проблема национальной идентичности в условиях глобализации (междисциплинарные аспекты). Материалы республиканской научной конференции 5 ноября 2013*. Ереван, Издательство РАУ, 2014. 144 с. [Sarkisyan O.L., ed. *Problema natsional'noi identichnosti v usloviyakh globalizatsii (mezhdistsiplinarnye aspekty). Materialy respublikanskoi nauchnoi konferentsii 5 noyabrya 2013* [The problem of national identity in the context of globalization (interdisciplinary aspects)]. Yerevan, Izdatel'stvo RAU, 2014. 144 p.]
19. Dunaev V., Kurganskaya V., Shaikemelov M. Identity politics in Managing the System Risks of Nation-Building: on the Example of the republic of Kazakhstan. *Baltic Journal of European Studies*, 2019, vol. 9, no. 1 (26), pp. 99–114.
20. Цумарова Е.Ю. Политика идентичности: politics или policy? *Вестник Пермского университета, Сер. "Политология"*, 2012, № 2 (18), сс. 5–16. [Tsumarova E.Yu. Politika identichnosti: politics ili policy? [Identity Politics: politics or policy?]. *Vestnik Permskogo Universiteta, Ser. "Politologiya"*, 2012, no. 2 (18), pp. 5–16.]
21. Шеррер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого. *Pro et Contra*, 2009, т. 13, № 3–4, май–август, сс. 89–108. [Scherrer J. Germaniya i Frantsiya: prarabotka proshlogo [Germany and France: Processing the Past]. *Pro et Contra*, 2009, vol. 13, no. 3–4, May–August, pp. 89–108.]
22. Штомпка П. Социальное изменение как травма. Статья первая. *Социологические исследования*, 2001, № 1, сс. 6–16. [Sztompka P. Sotsial'noe izmenenie kak travma. Stat'ya pervaya [Social Change as Trauma]. *Sociological studies*, 2001, no. 1, pp. 6–16.]
23. Малинова О.Ю., ред. *Символическая политика. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс*. Москва, ИНИОН РАН, 2012. 336 с. [Malinova O.Yu., ed. *Simvolicheskaya politika. Vyp. 1. Konstruirovaniye predstavlenii o proshlom kak vlastnyi resurs* [Symbolic Politics. Issue 1. The construction of ideas about the past as an imperious resource]. Moscow, INION RAS, 2012. 336 p.]
24. Малинова О.Ю. *Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*. Москва, Политическая энциклопедия, 2015. 207 с. [Malinova O.Yu. *Aktual'noe proshloe: simvolicheskaya politika vlastvuyushchei ehliny i dilemmy rossiiskoi identichnosti* [A Timely Past: Symbolic Politics of the Elite in Power and Dilemmas of Russian Identity]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2015. 207 p.]
25. Vergo P., ed. *The New Museology*. London, Reaktion Books, 1989. 238 p.
26. Macdonald S., Fyfe G., eds. *Theorizing Museums: Representing Identity and Diversity in a Changing World*. Oxford, Blackwell Publishing, 1996. 244 p.
27. Шедевры смотрят на нас. Деловой завтрак с Михаилом Пиотровским. *Российская газета*, 26.12.2019. [Masterpieces are watching us. A business breakfast with Mikhail Piotrovsky]. *Rossiyskaya Gazeta*, 26.12.2019 (In Russ.)]
28. Nora P., ed. *Les lieux de mémoire*. Paris, Gallimard (Bibliothèque illustrée des histoires), 3 tomes: t. 1 La République. 1984. 674 p.; t. 2 La Nation. 1986. 610 p.; t. 3 Les France. 1992. 1040 p.
29. Нора П. Всемирное торжество памяти. *Неприкосновенный запас*, 2005, № 2–3 (40–41). [Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamyati [Worldwide Triumph of Memory]. *Neprikosnovennyyi zapas*, 2005, no. 2–3 (40–41).] Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2> (accessed 17.01.2020).
30. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire. Special Issue. Memory and Counter-Memory. *Representations*, 1989, no. 26, pp. 7–24.
31. Нора П. Между памятью и историей: проблематика мест памяти. *Франция-Память*. Под ред. Нора П. Санкт-Петербург, СПбГУ, 1999, сс. 17–50. [Nora P. Mezhdru pamyat'yu i istoriei: problematika mest pamyati [Between Memory and History: Sites of Memory]. *Frantsiya-Pamyat'* [France-Memory]. Nora P., ed. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg University Press, 1999, pp. 17–50.]
32. Assmann A. *Der lange Schatten der Vergangenheit – Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. Munich, C.H. Beck Publishers, 2006. 320 p.
33. Ассман А.А. *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. Москва, Новое литературное обозрение, 2014. 328 с. [Assman A.A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 p.]
34. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. *Неприкосновенный запас*, 2005, № 2–3 (40–41). [Khal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [On Collective and Historic Memory]. *Neprikosnovennyyi zapas*, 2005, no. 2–3 (40–41).] Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2> (accessed 17.01.2020).
35. Хальбвакс М. *Социальные рамки памяти*. Москва, Новое издательство, 2007. 348 с. [Original Edition: Halbwachs M. *Les Cadres Sociaux de la Memoires*. Paris, Presse Universitaire de France, 1925.]
36. Erll A. The Invention of Cultural Memory: A Short History of Memory Studies. Erll A. *Memory in Culture*. London, Palgrave Macmillan, 2011. pp. 13–37.
37. Малинова О.Ю. и др., ред. *Символическая политика. Выпуск 2. Споры о прошлом как проектирование будущего*. Москва, ИНИОН РАН, 2014. 382 с. [Malinova O.Yu. et al., eds. *Simvolicheskaya politika. Vypusk 2. Spory o proshlom kak proektirovaniye budushchego* [Symbolic Politics. Issue 2. Disputes about the Past as Designing the Future]. Moscow, INION RAS, 2014. 382 p.]
38. Миллер А.И., Ефременко Д.В., ред. *Методологические вопросы изучения политики памяти*. Москва, Санкт-Петербург, Нестор-История, 2018. 224 с. [Miller A.I., Efremenko D.V., eds. *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki*

- pamyati* [Methodological issues of studying memory policy: A collection of scientific papers]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2018. 224 p.]
39. *The Learning Museum. Report 7. New trends in museums of the 21st century. The Learning Museum Network Project.* Ed. by A. Nicholls, M. Pereira, M. Sani. Bologna, Istituto per i Beni Artistici Culturali e Naturali, Regione Emilia Romagna (Italy), 2013. 140 p.
40. Arnold-de-Simine S. *Mediating Memory in the Museum. Trauma, Empathy, Nostalgia.* London, Palgrave Macmillan, 2013. 239 p.
41. Ионин Л.Г. *Политкорректность: дивный новый мир.* Москва, Ад Маргинем Пресс, 2012. 112 с. [Ionin L.G. *Politikorrektnost': divnyi novyi mir [Political Correctness: A Brave New World]*. Moscow, Ad Marginem Press, 2012. 112 p.]
42. Ионин Л.Г. *Восстание меньшинств.* Москва, Санкт-Петербург, Университетская книга, 2012. 237 с. [Ionin L.G. *Vosstanie men'shinstv [The Rebellion of minorities]*. Moscow, Saint-Petersburg, Universitetskaya kniga, 2012. 237 p.]
43. Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти. *Полития*, 2016, № 1, сс. 111-121. [Miller A.I. *Politika pamyati v postkommunisticheskoi Evrope i ee vozdeistvie na evropeiskuyu kul'turu pamyati [Politics of Memory in Post-Communist Europe and Its Impact on European Culture of Memory]*. *Politeia*, 2016, no. 1, pp. 111-121.] DOI: 10.30570/2078-5089-2016-80-1-111-121
44. Harrison R. *Heritage: Critical Approaches.* Abingdon, UK, Routledge, 2013. 288 p.
45. Bennet T., Cameron F., Dias N., Dibley B., Harrison R., Jacknis I., McCarthy C. *Collecting, Ordering, Governing. Anthropology, Museums, and Liberal Government.* London, Duke University Press Books, 2017. 360 p.
46. *Otherwise. Rethinking Museums and Heritage.* Carmah Paper No. 1. Centre for Anthropological Research on Museums and Heritage. Humboldt-Universität zu Berlin, 2019. Available at: http://www.carmah.berlin/wp-content/uploads/2017/10/Carmah_Paper-1.pdf (accessed 17.01.2020).
47. Aldrich R. Colonial museums in a postcolonial Europe. Thomas D., ed. *Museums in Postcolonial Europe.* Abingdon, Oxon & New York, Routledge, 2010, pp. 12-31.
48. Khrebtan-Hörhager J. Musée du Quai Branly: The Heart of Darkness in la Cité de la Lumière. *Communication, Culture and Critique*, 2018, vol. 11, issue 2, pp. 315-340. DOI: <https://doi.org/10.1093/ccc/tey006>
49. Pozzi L. *A City, its History, and its Museum(s): Making the Shanghai History Museum / Shanghai Revolution Museum.* Echoes: Shanghai History Museum / Shanghai Revolution Museum Report No. 1. Warsaw, 2019. Available at: <http://projectechoes.eu/wp-content/uploads/Pozzi-Shanghai-History-Museum-Report-1.pdf> (accessed 17.01.2020).
50. *Круглый стол “Историческая память – еще одно пространство, где решаются политические задачи”.* Россия в глобальной политике, 2020. Available at: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-pamyat-esche-odno-prostranstvo-gde-reshayutsya-politicheskie-zadachi-20316> (accessed 27.01.2020).
51. Chakrabarty D. History and the Politics of Recognition. Jenkins K., ed. *Manifestos for History.* London, Routledge, 2007. pp. 77-87. Available at: <https://epdf.pub/manifestos-for-history.html> (accessed 27.01.2020).
52. *Difficult Histories & Positive Identities.* Conference Briefing 25–26 February 2019. Windsor, Berkshire, Cumberland Lodge, 2019. Available at: <https://www.cumberlandlodge.ac.uk/sites/default/files/public/Difficult%20Histories%20Briefing%20Doc2.pdf> (accessed 17.01.2020).
53. Cameron F., Kelly I., eds. *Hot Topics, Public Culture, Museums.* Newcastle-upon-Tyne, Cambridge Scholars Publishing, 2010. 340 p.
54. Махотина Е.И. Нарративы музеализации, политика воспоминания, память как шоу: Новые направления memory studies в Германии. *Методологические вопросы изучения политики памяти.* Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. Москва, Санкт-Петербург, Нестор-История, 2018, сс. 75-92. [Makhotina E.I. *Narrativy muzealizatsii, politika vospominaniya, pamyat' kak shou: Novye napravleniya memory studies v Germanii [Museization narratives, politics of remembrance, memory as a show: new directions in memory studies in Germany]*. *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of studying the politics of memory]. Miller A.I., Efremenko D.V., eds. Moscow, Saint-Petersburg, Nestor-History, 2018, pp. 75-92.]
55. Bartolini F. From Iconoclasm to Museum: Mussolini's Villa in Rome as a Dictatorial Heritage Site. *Martor*, 2018, no. 23, pp. 163-173.
56. Холодковский К.Г. *Италия: массы и политика.* Москва, Наука, 1989. 256 с. [Kholodkovskii K.G. *Italiya: massy i politika* [Italy: masses and politics]. Moscow, Nauka, 1989. 256 p.]
57. Noiret S. A Museum of Fascism where Mussolini was Born and Buried? *Digital and Public History*, 13.06.2017. Available at: <https://dph.hypotheses.org/1081> (accessed 27.01.2020).
58. Noiret S. La public history italiana si fa strada: un museo a Predappio per narrare la storia del ventennio fascista. *Digital and Public History*, 09.05.2016. Available at: <https://dph.hypotheses.org/906> (accessed 27.01.2020).
59. Репина Л.П. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации. *Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*, 2015, т. 157, № 3, сс. 55-67. [Repina L.P. *Nauka i obshchestvo: publichnaya istoriya v kontekste istoricheskoi kul'tury epokhi globalizatsii [Science and Society: Public history in the context of the historical culture of the globalization era]*. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2015, vol. 157, no. 3, pp. 55-67.]

60. Wimmer A. *Nation Building. Why Some Countries Come Together While Others Fall Apart*. Princeton and Oxford, Princeton University Press, 2018. 376 p.
61. Лапкин В.В. Глобальная интерлюдия: от униполярной дисфункции к новому миропорядку. *Полис. Политические исследования*, 2019, № 6, сс. 128-144. [Lapkin V.V. Global'naya interlyudiya: ot unipolyarnoi disfunktsii k novomu miroporiyadku [Global Interlude: from Unipolar Dysfunction to a New World Order]. *Polis. Political Studies*, 2019, no. 6, pp. 128-144.] DOI: 10.17976/jpps/2019.06.10
62. McLeod C. Negotiating a national memory: the British Empire & Commonwealth. *Museum African and Black Diaspora. An International Journal, Issue 2, Museums in Postcolonial Europe*, 2009, vol. 2, pp. 157-165.
63. Gildea R. *Empires of the Mind. The Colonial Past and the Politics of the Present*. Cambridge, Cambridge University Press, 2019. 366 p.
64. Bruckmuller E. The Development of Austrian National Identity. Luther K. R., Pulzer P., eds. *Austria 1945–1995. Fifty years of the Second Republic*. Aldershot, Ashgate publishing, 1998, pp. 83-109.
65. Хлевнюк Д., Юдин Г. Аналитический отчет и кросс-культурное исследование: Моральные дилеммы XXI века. [Khlevnyuk D., Yudin G. *Analiticheskii otchet i kross-kul'turnoe issledovanie: Moral'nye dillemy XXI veka* [Analytical report and cross-cultural study: Moral dilemmas for the XXI century]. Available at: <http://trudnaya-pamyat.ru/> (accessed 05.02.2020).
66. Завадский А., Склез В., Суверина К. *Политика аффекта: музей как пространство публичной истории*. Москва, Новое литературное обозрение, 2019. 400 с. [Zavadsky A., Sklez V., Suverina K. *Politika affekta: Muzey kak prostranstvo publichnoy istorii* [Politics of affect: the museum as a space of public history]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 2019. 400 p.]

**NEW DIMENSIONS OF IDENTITY POLITICS:
CONTESTED MEMORIES IN HISTORY MUSEUMS OF THE 20th CENTURY**

(World Economy and International Relations, 2020, vol. 64, no. 5, pp. 16-32)

Received 07.02.2020.

Irina S. SEMENENKO (semenenko@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The author considers politics of memory as a key component of identity politics promoted by the nation state and views social history museums representing memories of the recent past as key actors involved in national identity formation. A comparative analysis of a range of new exhibitions recently set up in European museums of 20th century history in countries with a story of empire, a postcolonial legacy and a fascist past reveals important common features in presenting difficult pasts. This includes resorting to narrative history and to individual memories, appealing to everyday life as a depository of national memory and a reflection of national identity, and promoting the representation of a growing cultural diversity of contemporary societies. Common to new exhibition spaces is also the domination of visual means of representation over artifacts in line with attempts to promote an emotional dialogue with the individual visitor and to engage with various communities bearing different collective memories. Today, museums are actively involved in reconsidering difficult pasts and in looking for new possibilities to present contested memories. The study also reveals notable differences in the agenda and in the intensity of public discussion of difficult national pasts, in the level of political engagement of various actors and their commitment to promote identity politics focused on social cohesion and development. These differences reflect changes in political culture and political identity societies in Western Europe and Russia are currently undergoing. The research appeals to “new museology” and critical heritage studies and promotes a wide approach to understanding identity politics and a methodology of its critical assessment. Empirical data were collected by the author during her visits to leading West European and Russian social history museums and complemented by data available on museum websites.

Keywords: identity politics, memory politics, historic narrative, political discourse, interest groups, communities, difficult past, contested memories, museum of social (contemporary) history, empire, postcolonialism, nation state, national identity, cultural heritage, “new museology”.

About author:

Irina S. SEMENENKO, Doctor of Political Science, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Deputy Director.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-16-32

МЕЖДУНАРОДНАЯ РОЛЬ ЕВРО И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

© 2020 г. А. Поливач

*ПОЛИВАЧ Александр Петрович, кандидат экономических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 23 (apolivach@imemo.ru).*

Статья поступила в редакцию 31.01.2020.

В статье рассматриваются причины, по которым евро за последние 20 лет не смог занять доминирующую позицию в мировой валютной системе. Акцент сделан на факторах, которые не часто упоминаются при анализе международного статуса и перспектив какой-либо валюты. Это показатели импорта и сравнение потенциала продвижения национальных валют в международное обращение транснациональными корпорациями и банками, базирующимися в еврозоне и США. Сделан вывод, что причиной застоя в продвижении евро в международное обращение стал недостаточный масштаб европейской интеграции. Более того, нынешнее положение этой валюты в мировой экономике представляется максимально возможным, поэтому дальнейшее усиление роли евро в мире маловероятно.

Ключевые слова: евро, доллар, мировая валюта, экспорт, импорт, ТНК.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-33-41

Введенный в обращение в 1999 г. евро стал практически воплощением проходивших в Европе процессов региональной интеграции, быстро и уверенно заняв место второй мировой валюты. Однако вопреки изначальным предположениям он не смог сместить доллар США с места лидера в мировой валютной системе, а масштаб его использования в некоторых сегментах мировой экономики в последние 10 лет даже уменьшился.

Анализу итогов 20-летнего существования евро посвящено немало публикаций, но в них основное внимание обычно сосредоточено на сравнении еврозоны и США по объемам ВВП и экспорта, которые рассматриваются как основные факторы, определяющие масштаб выхода национальных валют в международное обращение. Также в литературе неоднократно приводилась разнообразная статистика о доле евро и доллара США в объемах эмиссии международных облигаций, кредитов, торгов на мировом валютном рынке, в международных расчетах. Однако такие данные не объясняют причин, по которым указанные валюты достигли своего нынешнего положения, а лишь количественно его иллюстрируют. Мало внимания уделяется и таким факторам, как масштабы и динамика импорта еврозоны и США, а также значение транснациональных компаний (ТНК) и банков (ТНБ) США и стран еврозоны в мировой экономике. Цель статьи – заполнить обозначенный пробел, проанализировав развитие евро как мировой валюты с учетом указанных факторов.

ТЕОРИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВАЛЮТ В МЕЖДУНАРОДНОМ ОБРАЩЕНИИ

Среди факторов, определяющих масштаб использования конкретной валюты в мире, в теории

обычно выделяют относительные размеры экспорта страны-эмитента и стран-партнеров, а также степень диверсификации этого экспорта (чем шире диверсификация, тем более значим этот фактор) [1, р. 31]. Часто к ним добавляют и другие факторы, например разницу в транзакционных издержках при использовании конкретных валют, особенно если это относится к вопросам ценообразования на однородные сырьевые товары, наличию ликвидного рынка конкретных валют, традициям, инерции и т.д. [2, pp. 4-5] Однако, как представляется, при таком подходе роль экспорта преувеличивается, а импорт как естественный канал поступления национальной валюты в международное обращение упоминается редко.

Причина, возможно, заключается в том, что анализ статистики использования валют проводится в условиях уже сложившегося на протяжении многих десятилетий доминирующего положения доллара США. Таким образом, сама логика анализа не предусматривает рассуждения о том, какие фундаментальные факторы могут вытеснить евро в международное обращение валюту, которая ранее там не использовалась.

С указанной позиции экспорт не представляет главным фундаментальным фактором. Импорт, напротив, видится более важным. Действительно, национальные экспортеры вывозят на внешние рынки товары, а не национальную валюту. Импортёры же делают наоборот. Получается, что наиболее естественный способ попадания валюты в международное обращение – это платежи от импортёров. Вопрос в том, какой валютой они будут платить.

Широко распространено представление, что импортёры должны платить в валюте экспортёра.

Однако даже беглый взгляд на статистику говорит, что в большинстве случаев для этого используется валюта третьей страны, то есть валюта-посредник (*vehicle currency*), в качестве которой чаще всего выступает доллар США [3, р. 9, 10]. Таким образом, идея об “экспортном” канале распространения валюты возвращает нас к анализу уже сложившейся ситуации, то есть традиции, но не объясняет, через какой канал валюта изначально выводится в международное обращение.

Если считать импорт более важным фундаментальным фактором, то получается более простая схема. В условиях рыночной экономики редко наблюдается физический дефицит товара, потому что изменения цен быстро приводят спрос и предложение в равновесие. Купить товар легче (были бы деньги), чем его продать. Соответственно на практике более вероятно, что экспортеры будут чаще конкурировать между собой за покупателя, нежели импортеры за товар.

В таких условиях экспортеры, которые настаивают на оплате исключительно в своей национальной валюте, будут проигрывать тем, кто проявляет больше гибкости в выборе валюты оплаты. Так, экспортер страны А, получив валюту импортера страны Б, может затем продать ее импортеру в своей же стране, который что-то покупает в стране Б. Круг замкнулся – валюта страны Б стала циркулировать в международном обращении.

Разумеется, в данной схеме фактический объем валюты страны Б, попадающий в международное обращение, будет определяться дополнительными факторами. В первую очередь это трансакционные издержки экспортеров, которые они понесут, принимая в оплату ту или иную валюту. На эти издержки влияют такие обстоятельства, как возможность свободной конвертируемости валюты импортера по текущим и финансовым операциям, надежность валюты импортера как средства сохранения стоимости, наличие развитой банковской системы в стране импортера, а также системы международных трансакций в указанной валюте. Разумеется, если в стране импортера, например, не разрешена конвертация национальной валюты по финансовым операциям, то интерес к ее использованию в международном обращении будет весьма низок.

Если же рассматривать экспорт как основной фактор, который способствует выводу валюты в международное обращение, то возникает вопрос, откуда импортер, например, в стране Б возьмет валюту страны А, чтобы заплатить за товары экспортеру страны А. На практике вопрос нередко решается путем торгового финансирования. Банк страны А предоставляет импортеру страны Б заем на покупку товаров страны А. Но и это не дает исчерпывающего ответа. Ведь импортеру затем надо

будет как-то выплатить этот заем, а где ему для этого взять валюту Б? Купить ее у своего экспортера он не может, ведь в данной схеме “импортный” канал поступления валюты как первоочередной не предусмотрен.

На практике проблема решается путем использования валюты третьей страны, которую используют и экспортеры, и импортеры и которая обменивается на валюту страны А. Тогда импортер может выплатить указанный заем, продав национальную валюту и купив на рынке (напрямую или через кросс-курс) валюту страны Б. Как видим, в данном случае схема получается более сложной, чем в случае “импортного” канала. Если же трансакционные издержки одинаковы в обоих случаях, то она еще и менее естественна.

Для запуска данной схемы требуется проведение масштабных мероприятий политического характера, как, например, план Маршалла. В его рамках в 1948–1951 гг. США предоставили европейским странам большую финансовую помощь в долларах, потраченную преимущественно на закупки американских товаров. Одновременно с этим доллар США был поставлен в центр мировой валютной системы и быстро стал выполнять функции валюты посредника. Однако получается, что в данном случае фактически работает не “экспортный”, а “финансовый” канал выхода валюты на внешний рынок, а сила этого канала сильно зависит от развития финансовых рынков в стране-экспортере. Кроме того, в упомянутом примере страны – получатели долларов, чтобы расплатиться с займами, охотно принимали в оплату за свой экспорт в США их валюту, а не свою. Получается, что и здесь был задействован “импортный” канал.

Таким образом, в процессе выхода национальной валюты в международное обращение импорт товаров и услуг представляется более важным фундаментальным фактором, чем экспорт. В свою очередь динамика и масштабы импорта в значительной степени зависят от динамики и масштаба экономики (ВВП) страны-импортера. Это означает, что сравнительный размер экономики также является хорошим индикатором потенциала выхода национальной валюты в международное обращение.

Оговоримся, что все сказанное не означает полного отрицания влияния других факторов. Просто для ясности рассуждения мы условно разбили процесс выхода валюты в международное обращение на последовательные этапы. В действительности же процесс происходит параллельно по всем направлениям. Например, если банки и правительства страны-экспортера целенаправленно продвигают национальную валюту в международное обращение, то “экспортный” канал может быть первоочередным по отношению к “импорт-

ному” (как это было во время упомянутого плана Маршалла).

Однако эту целенаправленность трудно оценить статистически, поэтому при дальнейшем анализе перспектив и места новой европейской валюты в мировой валютной системе необходимо в качестве важнейших факторов рассматривать масштаб и динамику ВВП, а также импорта стран-эмитентов анализируемых валют. Кроме того, не стоит забывать и о разнице в переговорной силе контрагентов. Например, наиболее вероятно, что в переговорах с мелким контрагентом крупная компания-экспортер сможет настоять на своих условиях оплаты.

ЕВРО: ОТ ВАЛЮТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ К МИРОВОЙ ВАЛЮТЕ

С 1 января 1999 г. евро сменил эю в качестве новой валюты регионального интеграционно-го объединения – Европейского союза – сначала в безналичной, а затем, с 1 января 2002 г., и в наличной форме. Эю в ограниченной степени выполнял функции валюты объединения и только по транзакциям внутри него. В намного больших масштабах использовались национальные валюты стран-членов. Евро с самого начала являлся полноценной валютой объединения и быстро превратился в мировую валюту, уверенно заняв второе место после доллара США по объемам использования в международном обороте, но при этом все же заметно уступая ему.

В научной литературе, в том числе российской, немало работ, посвященных процессу становления евро. Так, стоит отметить недавно вышедшее обстоятельное исследование О. Буториной, посвященное истории евро [4], которое избавляет нас от необходимости останавливаться на рассмотрении данного процесса. Отметим только, что на протяжении первого десятилетия существования евро не было недостатка в работах, весьма оптимистически оценивавших его шансы занять место доллара в качестве доминирующей мировой валюты [5, 6]. Однако этого не произошло. Более того, доля евро в международном обращении в последние 10 лет в целом не увеличивается, а в некоторых сегментах даже немного сократилась, несмотря на то что еврозона является крупнейшим в мире экспортером.

Международная роль евро, состояние дел в европейском экономическом и валютном союзе, выгоды и потери стран – членов еврозоны от использования единой валюты неплохо рассмотрены как в иностранной [7], так и в отечественной литературе [8]. Исходя из этого, в дальнейшем анализе мы сосредоточимся на аспектах, которым обычно уделяется мало внимания, и не будем повторять

уже много раз опубликованную статистику, иллюстрирующую положение евро в мире. Стоит также подчеркнуть, что автор не ставит под сомнение ни статус евро как второй по значимости мировой валюты, ни наблюдающееся в последнее десятилетие замедление в его развитии в этом направлении.

Заметим только, что, приводя статистику использования валют в обслуживании международных транзакций с долей евро на уровнях 32–36%, многие исследователи часто ссылаются на данные *SWIFT*. Однако при этом не учитывается тот факт, что по системе *SWIFT* передаются не сами валюты, а платежные поручения. Поэтому приводимые в *SWIFT* доли валют – это, как правило, доли в общем количестве отправленных поручений, а не в объеме денежных средств.

Также необходимо учитывать, что торговля между странами еврозоны в международной статистике обычно учитывается как международная, а соответственно и доля евро получается завышенной. Иногда *SWIFT* все же публикует исследования об использовании валют, анализируя и денежные суммы, которые опосредованы платежными поручениями. В этом случае, а также исключая торговлю между странами еврозоны, в 2014 г. доля евро в обслуживании международной торговли составляла 5.9% против 80.3% у доллара. Если же включить в статистику международной торговли торговлю между странами – членами еврозоны, то показатели составят 30.5 и 51.9% соответственно [9, сс. 7-8].

Теперь попробуем выяснить, какие фундаментальные факторы в последнем десятилетии могли затормозить развитие евро как мировой валюты. Если рассматривать экспорт страны как основной фактор, продвигающий ее валюту в международное обращение, то в случае с евро это не объясняет причины стагнации в его продвижении, происшедшей именно в последние 10 лет.

Согласно расчетам автора на основе статистики МВФ [10], по объемам своего совокупного экспорта еврозона всегда заметно превосходила США. Так, в 1999 г. показатель еврозоны составил 0.88 трлн долл. (не считая торговлю между самими странами-членами), что составляло 18.6% в мировом экспорте. США экспортировали тогда во все страны мира товаров на сумму 0.69 трлн долл. (12.2%), то есть в 1.28 раза меньше. В 2010 г. показатели достигли уже 2.1 трлн и 1.3 трлн долл. соответственно, то есть экспорт США оценивался в 1.62 раза меньше. К 2018 г. экспорт еврозоны возрос на 21.82% до 2.5 трлн долл. (16.2% общемирового объема), а США – на 20.99% до 1.5 трлн долл. (8.8%), в результате чего отставание США от еврозоны увеличилось до 1.67 раза.

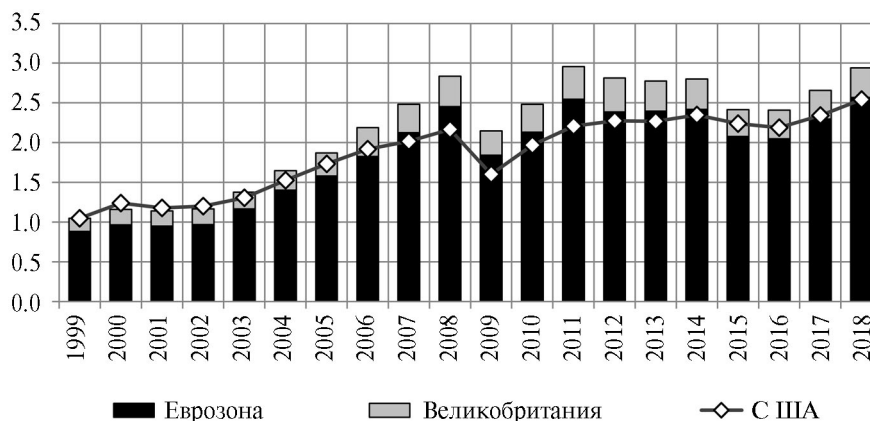

Рис. 1. Импорт товаров в 1999–2018 гг., трлн долл.

Примечание. Для США – импорт из всех стран, для еврозоны и Великобритании – только из стран, не входивших в еврозону в соответствующие годы.

Рассчитано автором по: [10].

Таким образом, стагнация в международном использовании евро наблюдалась в условиях, когда еврозона превосходила США не только по абсолютным объемам своего экспорта, но и по темпам его роста. Как представляется, это также подтверждает вышеприведенные соображения о сомнительности идеи рассматривать экспорт как основной фактор продвижения валюты в международное обращение.

Было выдвинуто предположение, что масштабы импорта страны могут являться важным фундаментальным фактором, способствующим выводу ее валюты в международное обращение. Анализ статистики показал, что совокупный импорт стран еврозоны из стран за пределами еврозоны в основном уступал по объемам совокупному импорту США (рис. 1). Хотя в период 2008–2013 гг. еврозо-

на импортировала несколько больше, чем США, очевидно, что в этом отношении фундаментальная база для продвижения евро в международное обращение в целом не имела существенного преимущества или даже уступала таковой для доллара США. Если бы Великобритания вошла в еврозону, то совокупный импорт с 2003 г. постоянно превосходил бы импорт США.

Таким образом, замедление темпов интеграции (неучастие Великобритании в еврозоне) серьезно затормозило продвижения евро за пределы еврозоны через “импортный” канал. Если принять во внимание, что Китай до недавнего времени для обслуживания внешней торговли в основном использовал американский доллар, тогда как его собственная валюта для этих целей не использовалась, то по аналогии с совокупным импортом стран еврозоны

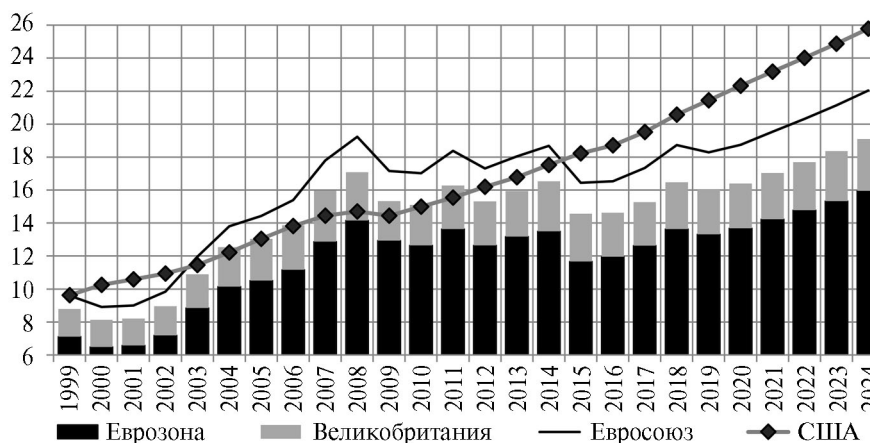

Рис. 2. ВВП в 1999–2024 гг., текущие цены по обменным курсам, трлн долл.

Примечание. 2019 г. – оценка, 2020–2024 гг. – прогноз. Прогноз для Евросоюза на 2020–2024 гг. предполагал, что Великобритания останется в его составе.

Источник: [11].

можно также рассматривать и совокупный импорт США и Китая. В этом случае фундаментальная база для продвижения евро становится еще меньше.

Следующий важный фактор – сравнительный масштаб ВВП. По этому показателю еврозона никогда не превосходила США, хотя в 2008 г. заметно приблизилась к ним (рис. 2). Добавление в члены еврозоны Великобритании и здесь позволило бы интеграционному объединению в 2004 г. превзойти США, но даже в таком составе с 2012 г. еврозона уступала бы США. Евросоюз в полном составе по ВВП превзошел США в 2003 г., однако с 2015 г. США снова оказались впереди. При этом, как видим, сокращения разрыва с США не предполагает и прогноз на 2020–2024 гг.

Также следует обратить внимание на суммарный ВВП стран, чьи валюты привязаны к доллару США и к евро. Как утверждают исследователи, доля стран в мировом ВВП, чьи валюты были привязаны к доллару, выросла в 1992–2015 гг. с уровня 50% до примерно 74%, в то время как для евро в 1999–2015 гг. этот показатель сократился с примерно 26% до около 17% [12, p. 56, 57].

Важно также учитывать не только размер ВВП, но и темпы его роста, поскольку стагнирующая экономика вряд ли будет генерировать расширение спроса на импорт. Следовательно, интерес иностранных компаний к экспорту в такую страну будет снижаться, а значит, они будут менее охотно соглашаться принимать ее валюту в оплату за свои товары. Анализ показывает, что в этом отношении еврозона обычно уступала США. Особенно это стало заметно после мирового кризиса 2008–2009 гг. (рис. 3). При этом если сравнивать темпы роста всего Евросоюза (то есть включая Великобританию и несколько небольших государств, не вступивших в еврозону), то по этому показате-

лю отставание от США становится несколько менее заметно. Таким образом, и в случае с ВВП мы видим, что против евро в предыдущем десятилетии играл недостаток интеграции в Евросоюзе.

Причисляя Великобританию к членам еврозоны, мы допускали, что темпы роста ее ВВП в этом случае были бы не меньше тех, которые наблюдались фактически. Как это было бы на самом деле – неизвестно. Великобритания официально покинула Евросоюз 31 января 2020 г., и какие-либо предположения уже вряд ли удастся проверить на практике.

КТО МОЖЕТ ПРОДВИГАТЬ ЕВРО В МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЩЕНИЕ?

Разумеется, наиболее заинтересованными в продвижении национальной валюты в международное обращение должны быть субъекты национальной экономики, то есть в первую очередь компании, банки и правительство.

Поскольку евро является наднациональной валютой, за денежно-кредитную политику в зоне евро отвечает ЕЦБ, а не центробанки стран – членов еврозоны. В таких условиях получается, что роль правительств в продвижении евро должна была бы играть Еврокомиссия. Однако ее деятельность в этом отношении можно охарактеризовать скорее как информационно-просветительскую, нежели как практически результативную. Только в декабре 2018 г. ЕК опубликовала план действий по усилению международной роли евро [14], и оценивать результаты его реализации пока преждевременно. Кроме того, выше уже говорилось, что оценить в количественных показателях степень желаний и целеустремленности практически невозможно. Количественно можно было бы оценить масштаб

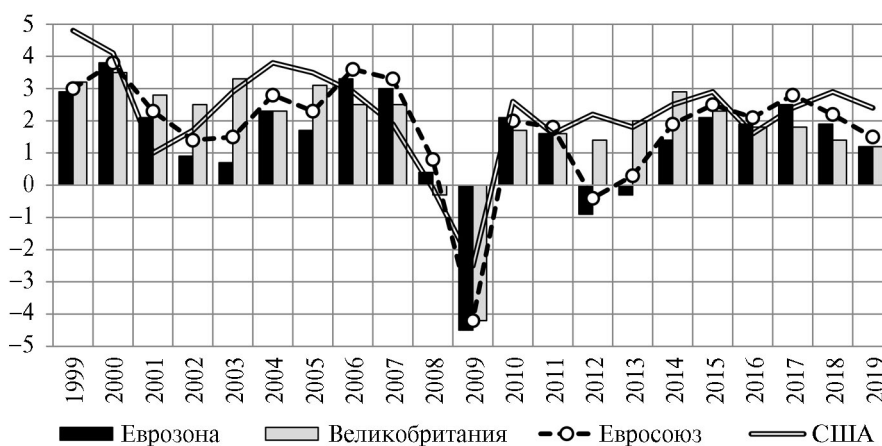

Рис. 3. Темпы роста ВВП в 1999–2019 гг., % к предыдущему году

Примечание. 2019 г. – оценка.

Источник: [13].

кредитов или финансовой помощи в евро, направляемой странами — членами еврозоны и ЕЦБ за пределы Европы. Однако на этом уровне пока не просматривается каких-то мероприятий, которые по масштабу можно было бы сравнить, например, с планом Маршалла.

При этом денежно-кредитная политика ЕЦБ в последние годы явно не способствовала повышению интереса к евро в мире. В первую очередь необходимо указать на поддержание ЕЦБ ставки по депозитам для банков еврозоны на отрицательном уровне с июня 2014 г., то есть уже на протяжении 5.5 лет. Это приводит к тому, что держать средства на счетах в евро становится убыточно. С этим можно было бы мириться, если бы евро с тех пор постоянно укреплялся к доллару. В таком случае процентный убыток в евро компенсировался бы (или перекрывался бы) прибылью по курсовым разнице, что могло бы поддерживать интерес нерезидентов к европейской валюте. Однако наблюдался обратный процесс. Так, если в 2014 г. среднегодовой обменный курс составлял 1.33 долл. за евро, то в дальнейшем евро в основном ослаблялся, упав до 1.13 в 2017 г., а в 2019 г. — до 1.12 [11].

Теперь перейдем на уровень компаний и банков. Здесь можно количественно сравнить масштаб деятельности крупнейших ТНК и ТНБ, базирующихся в еврозоне и в США. Разумеется, и компании меньшего размера могут продвигать национальную валюту. Однако важная особенность ТНК состоит в том, что масштаб их деятельности очень велик, причем значительная часть операций осуществляется в виде внутрифирменных поставок по трансфертным ценам между собственными филиалами, расположенными в разных частях света. Поэтому они заинтересованы, чтобы все расчеты происходили в одной валюте.

Конечно, ТНК нередко используют для внутрифирменных расчетов и не валюту страны нахождения своего головного офиса. Так, ценообразование в производстве самолетов в Европе происходит в основном в долларах, а не в евро. Похожая ситуация и в европейских нефтедобывающих компани-

ях. Тем не менее объем продаж ТНК является хорошим указателем на их потенциал продвижения той или иной валюты.

Оговоримся, что приведенные расчеты в отношении ТНК следует воспринимать как достаточно условные. Причина в том, что крупные корпорации неодинаковы как по структуре своей деятельности, так и по ее масштабам. Например, одни ТНК имеют больше продаж на своих домашних рынках, другие — на внешних. Однако трудно утверждать, что вторые могут быть более заинтересованными в продвижении национальной валюты в международное обращение. Если у этих компаний обороты на домашних рынках невелики по сравнению с зарубежными операциями, то для них может быть удобнее работать с наиболее распространенной в мире валютой — долларом США. Также есть разные точки зрения на критерии отбора крупнейших ТНК, которые при этом меняются год от года, поэтому списки крупнейших ТНК разных лет не в полной мере сопоставимы. Тем не менее они помогут нам выявить общую тенденцию изменения потенциала продвижения евро со стороны ТНК. Для целей данной статьи использовались данные *UNCTAD* и *Forbes*.

По суммарным объемам продаж ТНК еврозоны (входившие в число 100 крупнейших в мире) в начальный период существования евро заметно уступали ТНК из США, затем быстро обогнали их, а с 2013 г. снова уступают им по суммарным показателям (табл. 1). Такая динамика вполне коррелирует с динамикой продвижения евро в международное обращение, которое замедлилось в последнем десятилетии. Если бы Великобритания вступила в еврозону, то суммарный размер ТНК, базирующихся в еврозоне, значительно превосходил бы их конкурентов из США, обеспечив существенную поддержку евро на международной арене.

Также необходимо отметить ТНК, указанные в строке “другие страны”. В последние 10 лет в список 100 крупнейших ТНК мира входят все больше китайских корпораций. Однако они имеют выраженное предпочтение к доллару, что тоже создает условия для снижения интереса к евро в мире.

Таблица 1. Суммарные продажи ТНК из числа 100 крупнейших в мире, сгруппированные по странам базирования штаб-квартир, трлн долл.

	1995	2000	2005	2008	2010	2013	2015	2017	2018
Еврозона	0.7	1.4	2.4	3.0	2.9	2.79	2.2	2.29	2.4
Великобритания	0.2	0.4	0.6	1.3	0.9	1.4	1.0	1.0	1.2
США	1.3	1.6	2.2	2.5	2.3	2.80	2.3	2.34	2.7
Другие страны ¹	0.05	0.1	0.3	0.4	0.4	0.7	0.7	0.7	1.1

¹ Другие страны — все, чьи ТНК входили в список 100 крупнейших в соответствующие годы, кроме США, Канады, Австралии, Японии и всех стран Европы.

Данные за 1995 г. для еврозоны рассчитаны для первоначальных 11 стран-членов.

Рассчитано автором по: [15].

Таблица 2. Суммарные активы финансовых ТНК из числа 50 крупнейших в мире, сгруппированные по странам базирования штаб-квартир, трлн долл.

	2002	2005	2008	2010	2012	2015	2017	2019
Еврозона	13.5	14.9	24.5	22.6	20.7	18.5	18.3	15.3
Великобритания	4.2	4.2	10.3	8.9	7.0	10.1	6.8	8.9
США	6.3	7.0	7.7	9.3	10.5	11.3	10.4	13.0
Китай	1.5	2.6	4.1	6.5	10.3	15.1	17.0	17.1

Рассчитано автором по: [15, 16].

Крупнейшие транснациональные банки и финансовые корпорации являются идеальными проводниками конкретной валюты в международное обращение. Однако с оценкой их роли возникают те же проблемы, что и в случае ТНК. Способность продвигать валюту определяется размером активов такой организации, однако ряд наиболее крупных по активам финансовых корпораций мира, таких как американская *Fannie Mae*, сосредоточен на своих домашних рынках. В то же время ТНБ, работающие во множестве стран и имеющие огромные зарубежные активы, в основном держат их в иностранных валютах, в частности в долларе. Это обстоятельство особенно справедливо по отношению к китайским банкам, которые в последние годы занимают все верхние места в списках крупнейших финансовых корпораций мира.

Как и в случае с ТНК, в финансовом секторе просматривается схожая тенденция (табл. 2). В первые 10 лет существования евро финансовые корпорации из еврозоны по активам значительно превосходили американские. Но в следующем десятилетии американские ТНБ стали расти быстрее и, что особенно важно, из списка крупнейших банков китайцы стали вытеснять европейцев, что также способствовало сокращению потенциала поддержки продвижения евро в пользу интереса к доллару. Гипотетически в случае вступления Великобритании в еврозону британские финансовые корпорации существенно усилили бы финансовую мощь еврозоны, что повысило бы и потенциал продвижения евро в международное обращение.

В заключение необходимо упомянуть также о роли Великобритании в замедлении процесса развития евро как мировой валюты. Исследователи справедливо обращают внимание на тот факт, что большая часть операций с евро (включая подавляющую часть клиринга в евро) проходит в лондонском Сити (то есть за пределами еврозоны). Здесь же сосредоточено 90% европейского корпоративного и инвестиционного банковского бизнеса, при этом через Лондон идут операции еврозоны со всем миром. В то же время финансовый центр еврозоны (Франкфурт-на-Майне) специализируется на поставках кредитных ресурсов в основном на внутриевропейский рынок [8, сс. 82-83].

Фактически владельцам капитала в евро удобнее обменять его в Лондоне на долларовый капитал и дальше работать в долларах в глобальном масштабе, нежели продвигать евро, неся более высокие трансакционные издержки. Можно предположить, что если бы Великобритания вошла в зону евро, то ситуация была бы зеркальной. Учитывая значение Лондона как глобального финансового центра, работать в глобальном масштабе в такой ситуации, вероятно, было бы удобнее в евро. Возможно, в этом случае и ценообразование сырья на международных рынках было бы переведено в евро. Однако, как уже отмечалось выше, возможности проверить эту гипотезу на практике, скорее всего, уже не представится.

В итоге получается, что субъекты экономики еврозоны, которые могли бы быть заинтересованными в продвижении евро в международное обращение, или проводили недостаточно активную политику (правительства стран-членов и ЕЦБ), или же в последнем десятилетии стали уступать по совокупной мощи своим конкурентам из США и Китая (ТНК и ТНБ).

* * *

С учетом факторов, которые нечасто принимаются во внимание, представляется несомненным, что масштаб использования евро в мире вполне соответствует глубине и динамике экономической интеграции, происходящей в ЕС. Евро быстро и уверенно занял место второй мировой валюты, однако замедление европейской интеграции, развившееся в недостаточном масштабе расширения экономики еврозоны, не позволило единой валюте повысить свою роль в мире и существенно потеснить доллар. Ограничивающими факторами стали отказ Великобритании вступить в еврозону, а также весьма небольшие размеры экономик новых стран-членов. В связи с этим статистически объемы и темпы роста ВВП и импорта стран еврозоны постоянно уступали таковым в США, а нахождение в Лондоне (за пределами еврозоны) глобального финансового центра, крупнейшего по операциям с инструментами в евро, больше способствовало локализации, чем глобализации использования евро.

Еще одним ограничивающим фактором стали масштабы операций ТНК и ТНБ еврозоны, которые в последнем десятилетии также начали уступать аналогичному показателю американских и китайских конкурентов. Наконец, правительства стран еврозоны и ЕЦБ до последнего времени не проводили активной политики по продвижению евро в мире, а отрицательная став-

ка по депозитам, поддерживаемая ЕЦБ в последние 5.5 лет, создавала отрицательную мотивацию к содержанию средств на счетах в евро. Маловероятно, чтобы указанные факторы существенно изменились в ближне- и среднесрочной перспективе, поэтому нынешнее место и роль евро в мировой экономике представляются максимально возможными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Bacchetta P., van Wincoop E. *A Theory of The Currency Denomination of International Trade*. ECB Working Paper No. 177, 2002. 51 p. Available at: <http://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecbwp177.pdf> (accessed 17.10.2017).
2. *Strengthening the International Role of the Euro*. European Commission, 2019. 29 p. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/strengthening-international-role-euro-swd-2019_en.pdf (accessed 20.12.2019).
3. Gopinath G. *The International Price System*. NBER Working Paper No. 21646, 2015. 59 p. Available at: <https://www.nber.org/papers/w21646.pdf> (accessed 27.03.2017).
4. Буторина О.В. *Экономическая история евро*. Москва, Весь Мир, 2020. 576 с. [Butorina O.V. *Ekonomicheskaya istoriya euro* [Economic history of the euro]. Moscow, Ves' Mir, 2020. 576 p.]
5. Eichengreen B. *Sterling's Past, Dollar's Future: Historical Perspectives on Reserve Currency Competition*. NBER Working Paper No. 11336, 2005. 29 p. Available at: <http://www.nber.org/papers/w11336> (accessed 21.06.2009).
6. Chinn M.D., Frankel J.A. *The Euro May over the Next 15 Years Surpass the Dollar as Leading International Currency*. NBER Working Paper No. 13909, 2008. 24 p. Available at: <http://www.nber.org/papers/w13909> (accessed 26.03.2010).
7. Gasparotti A., Kullas M. *20 Years of the Euro: Winners and Losers*. Centre for European Policy, 2019. 18 p. Available at: <https://www.cep.eu/en/eu-topics/details/cep/20-years-of-the-euro-winners-and-losers.html> (accessed 26.10.2019).
8. Пищик В., Кузнецов А., Алексеев П. Европейский экономический и валютный союз: 20 лет спустя. *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, № 9, сс. 76–85. [Pishchik V., Kuznetsov A., Alekseev P. Evropeiskij ekonomicheskij i valyutnyj soyuz: 20 let spustya [European Economic and Monetary Union: 20 Years After]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, no. 9, pp. 76–85]. Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-76-85> (accessed 05.01.2020).
9. *Worldwide Currency Usage and Trends*. SWIFT, 2015. 20 p. Available at: https://www.swift.com/sites/default/files/resources/swift_bi_currency_evolution_infopaper_57128.pdf (accessed 25.09.2018).
10. *Direction of Trade Statistics Dataset (DOTS)*. International Monetary Fund. Available at: <http://data.imf.org/> (accessed 05.01.2020).
11. *International Financial Statistics Dataset (IFS)*. International Monetary Fund. Available at: <http://data.imf.org/> (accessed 05.01.2020).
12. Ilzetzki E., Reinhart C.M., Rogoff K.S. *Exchange Arrangements Entering the 21st Century: which Anchor Will Hold?* NBER Working Paper No. 23134, 2017. Available at: <http://www.nber.org/papers/w23134> (accessed 15.01.2018).
13. *IMF DataMapper*. Available at: <https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/WEO> (accessed 10.01.2020).
14. *Towards a Stronger International Role of the Euro*. Brussels, European Commission, 2018. 15 p. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/com-2018-796-communication_en.pdf (accessed 20.12.2019).
15. *UNCTAD. World Investment Reports for 1997, 2002, 2005, 2007, 2010, 2014, 2016, 2018, 2019*. Available at: https://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/World_Investment_Report.aspx (accessed 14.01.2020).
16. *Global-2000 World's Largest Public Companies*. Available at: <https://www.forbes.com/global2000/list/> (accessed 20.01.2020).

INTERNATIONAL ROLE OF EURO AND EUROPEAN INTEGRATION (*World Economy and International Relations*, 2020, vol. 64, no. 5, pp. 33–41)

Received 31.01.2020.

Alexander P. POLIVACH (apolivach@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The euro was introduced 20 years ago and then quickly and confidently took the place of the second important global currency. In that times there were a number of works forecasting that, the euro in the next 10–15 years may surpass the US dollar as the dominant global currency. By now, usage of the euro in the world is significantly wider than the next currencies, the pound and the yen. However, the US dollar is still much more popular. Moreover, in the last decade we noticed a slowdown in the usage of the euro worldwide and even a decrease in some segments in favour of the dollar. Therefore, this article investigates factors that may be causes of this slowdown. The most popular factors determining prospects of currency internationalization are the market share of an exporting country and differentiation of its export goods. As differentiation of the goods exported from the USA and from the euro zone is in general similar,

so the author first checks their market shares dynamics. Despite both economies were losing their market shares in the last 20 years still volumes of the exports from the euro zone was always much bigger than from the USA. The ratio even increased from 1.28 in 1999 to 1.67 in 2017 in favour of the euro zone. However, the usage of the euro slightly declined in the last decade. Therefore, new factors should be taken into consideration. They include volume of imports (as we consider this is a natural and easiest way for a currency to migrate into international usage), size of GDP (as it influences on the size of imports), cumulative total sales of the largest transnational corporations (TNCs) and cumulative total assets of the largest transnational financial institutions (TNF). Given their exceptional size and global operations, the last two can seriously increase or decrease usage of particular currencies worldwide. We found that the dynamics of all four new factors were quite in line with the progress of the international role of the euro. During the 13 years of 20, the imports to the euro zone were smaller than to the USA, including the last five years. The GDP of the euro zone was always smaller than the USA's one. Though its dynamics in 2000–2008 gave a chance and the euro zone was about to catch the level of the USA, but then the US GDP more and more surpassing it. In addition, the cumulative sales of the largest TNCs headquartered in the euro zone surpassed their competitors headquartered in the USA in 2005–2013 and then the US TNCs took the lead. Cumulative assets of the largest TNFs from the euro zone were always larger than the US TNFs. However, from 2010 the latter were narrowing the gap. Additional factor emerged in the last decade was a quick growth of Chinese TNFs, which became the largest in the world. As Chinese corporations prefer to work with the dollar, so this was a negative factor for the euro. Also, statistics show that possible participation of the UK in the euro zone might have reverted all the above factors in favour of the euro zone. As there is no evidence that considered factors will change, so it looks that now the euro is near its maximum playing the international role. Unless unprecedented actions will be taken by the European Union, there are no chances for the euro to surpass the US Dollar in the foreseeable future.

Keywords: euro, dollar, global currency, export, import, transnational corporations.

About author:

Alexander P. POLIVACH, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-33-41

ПО ИТОГАМ ЕВРОПЕЙСКИХ ВЫБОРОВ 2019 ГОДА. НАЦИОНАЛИСТЫ-ПОПУЛИСТЫ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2020 г. М. Клинова

*КЛИНОВА Марина Вилениновна, доктор экономических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (marina.v.klinova@gmail.com).*

Статья поступила в редакцию 30.10.2019.

В статье рассмотрены обстоятельства усиления правого фланга партийно-политического спектра в странах Евросоюза – нестабильность мировой экономики, комплекс экономических, социокультурных факторов. В их числе – провал политики левых сил, долгое время находившихся у власти во многих странах ЕС; деструктивное воздействие наднационального актора – Еврокомиссии в сфере конкуренции. Характеризуются особенности в терминологии при определении различных националистических сил в ЕС. Представлены сравнительные количественные итоги выборов в Европарламент-2019 партий националистического толка. Сделан вывод о сохранении ведущей роли в ЕС умеренных политических сил.

Ключевые слова: националисты, популисты, суверенисты, евроскептики, социально-экономическая политика, государство, конкурентоспособность, конкуренция, Европейская комиссия.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-42-51

Нестабильность мировой экономики, последствия финансового кризиса 2008–2009 гг., кризисов суверенных долгов еврозоны (2012 г.), миграционного (с 2015 г.) вызвали рост поддержки правых националистов-популистов. Это явление правомерно рассматривать и как реакцию на усиление диспропорций в распределении национального дохода в крупнейших экономиках, включая западноевропейские. Доходы наиболее обеспеченного 1% населения по сравнению с доходами наименее обеспеченной его части росли в 1.4 раза быстрее [1, с. 34]. Аналитики также связывают подъем популизма (идею Брекзита, напряженность в ЦВЕ в 2016–2017 гг.) с миграционным кризисом [2, с. 64; 3].

В странах Старой Европы с более высокой по сравнению со странами Восточной Европы степенью социальной защищенности населения и высокими госрасходами (лидер – Франция с 56% ВВП) обострилась проблема занятости (кроме ФРГ), возникла задача возрождения промышленности “на местах”. Все это послужило фоном распространения “феномена суверенного партикуляризма”, когда на первый план выдвигаются абсолютная ценность суверенитета, преобладание национальных интересов [4, с. 18], идентичности и соответствующий дискурс [5; 6; 7], чем воспользовались крайне правые партии. К ним стал массово переходить электорат левых и крайне левых партий – представители наименее социально защищенных слоев общества, особенно в странах Старой Европы.

ПРАВЫЕ НАЦИОНАЛИСТЫ-ПОПУЛИСТЫ: ОЦЕНКИ ЭКСПЕРТОВ

При анализе правого фланга партийно-политического спектра важно определить критерии классификации различных течений, чтобы понять, в чем отличие крайне правых националистов от просто правых националистов, а также “умеренных” националистов от просто националистов. Предложим три основных критерия. Во-первых, отношение к евроинтеграции: а) за расширение полномочий ЕС или за ренационализацию ряда полномочий, делегированных наднациональным органам; б) за или против Брекзита. Во-вторых, отношение к “европейским ценностям”, включая либеральную демократию, правовое государство, права человека. Партии, твердо отстаивающие эти ценности, конкурируют с партиями, склонными к авторитаризму. В-третьих, отношение к США и России: про- и антиамериканские, про- и антироссийские партии.

В центре внимания статьи находятся не консервативные правоцентристские партии, защищающие христианские, традиционные семейные ценности и ценности экономического либерализма, а крайне правые, радикальные партии во главе с такими “антисистемными” политиками, как М. Ле Пен во Франции, М. Сальвини в Италии, Г. Вилдерс и Т. Бодэ в Нидерландах и др. Анализ этой тематики посвятили свои работы многие российские исследователи (Г. Вайнштейн, А. Глухова, Н. Еремина, П. Осколков, И. Узнародов, М. Стрженева и др.). Нас же интересуют аспекты

темы в контексте социально-экономических проблем (о них будет сказано ниже) на фоне итогов выборов в 2019 г.

В официальных документах ЕС, научных исследованиях встречаются разные названия схожих объединений и течений — суверенисты, популисты, националисты, евроскептики. Так, Датскую народную партию, как и Национальный альянс Латвии, в одних исследованиях причисляют к крайне правым, в других — к правым суверенистам; Партию Брекзита — к крайне правым, а венгерскую “Фидес” — к правым националистам и суверенистам, а не наоборот [8; 9].

Научный анализ подразумевает определение различий между категориями политических сил — крайне правыми, или правыми радикалами, с одной стороны, и правыми националистами и суверенистами, с другой. К последним обычно относят сторонников сильного национального государства в противовес наднациональным структурам. Именно они уверенно победили на выборах 2019 г. в Европарламент в ведущих странах Восточной Европы — Польше и Венгрии. Однако если в Польше правые националисты-суверенисты выступают за союз с США (а крайне правые националисты там занимают антиамериканскую позицию), то в Венгрии предпочитают развивать отношения с Россией.

Французский политолог П. Перрино определяет крайне правые националистические силы, независимо от доктринальной основы, как структуры “разношерстные” и “туманные” по составу, но с выраженной авторитарной составляющей, харизматичными лидерами во главе и ключевыми словами “закон” и “порядок” в дискурсе [10, р. 608]. Крайне правых националистов зачастую именуют популистами. Так, французский философ П.-А. Тагиефф назвал популизм “патологической формой неудовлетворенности граждан в системе представительной демократии”, “политическим злом”, проявляющимся в разных видах, вплоть до “национал-популизма” и терроризма как “крайней формы популизма” [11, р. 25, 160].

Применительно к экономике П. Перрино, констатируя в начале 2000-х годов¹ подъем в Европе крайне правых националистических партий, определял их программы как “синтез неолиберализма 80-х и протекционизма 90-х годов” [10, р. 608]. Крайне правые партии националистического толка выступают не за массированное участие государства в экономике, а за усиление роли “государства-покровителя” патерналистского типа, которое

¹ Другой французский политолог, А. Дюамель, предупреждал о “пробуждении” национализма еще в 1980-е годы, прогнозируя в 1990-е борьбу между национализмом и “европеизмом”. Duhamel A. Le réveil du nationalisme. *Le Point*, 1988, no. 819, p. 37.

перераспределяет материальные блага, смягчая неравенство. Подразумевается, что механизмы перераспределения должны распространяться только на коренных граждан, поскольку все большая часть населения требует защиты от необузданной иммиграции, проникновения из Африки и Азии носителей иных исторических традиций, представителей иной этнорелигиозной, языковой принадлежности; люди опасаются за национальную безопасность из-за притока сторонников радикальных течений ислама.

В экспертной среде не выработано внятного общепринятого определения популизма на фоне разрозненности культурно-исторических основ и, соответственно, критериев сравнения праворадикальных партий разных стран, что затрудняет сопоставления на содержательном уровне [12, с. 13]. Одни партии представляются «могильщиками» государства», другие “выступают в роли государственныхников и хранителей национальных ценностей” [13, с. 98]. Российский политолог А.И. Тэвдой-Бурмули называет правый радикализм политической функцией крайнего национализма [13, с. 86].

В последнее время сложилась тенденция причислять к популистским партии, которые не встраиваются в сложившиеся партийные системы. Расширительное толкование популизма базируется на использовании популистских технологий, но так поступают сейчас практически все политики, в том числе системные². Особенность крайне правых националистических партий состоит в том, что они апеллируют к чувствам избирателей в ущерб реализуемости их социально-экономических программ.

Ф. Фукуяма, предупреждая об опасности “националистического популизма” (*populist nationalism*), угрожающего либеральному международному порядку как основе “мира и процветания”, выделяет три черты (отдельно или в сочетании), позволяющие считать режим популистским: а) проведение в течение *короткого времени* популярного (обычно социально-экономического) курса, который невозможно продолжать в *длительной перспективе* (курсив мой. — М.К.); б) выделение части населения, которую считают “настоящим народом”; в) персоналистский стиль руководства с созданием “культы личности” [14, р. 10, 11]. Для Европы такие популистские режимы — достаточно редкий феномен в наши дни.

Отметим, что не все националисты — евроскептики, но евроскептики практически всегда — разного рода националисты, обладающие достаточно

² См. выступление экс-президента Польши А. Квасьневского на Примаковских чтениях 10–11 июня 2019. Available at: https://www.imemo.ru/Primakov_Readings/Primakov_Readings_2019_1Session (accessed 03.07.2019).

“гибкими” взглядами. Не все евроскептики требуют выхода из Европейского союза. Так, правые националисты Новой Европы, прежде всего Вишеградской группы (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия), не ставя под сомнение членство в ЕС, выступают за его реформирование, корректировку развития интеграции. Тут позиция “младоевропейцев”-суверенистов перекликается с позицией крайне правого Национального объединения М. Ле Пен. Возглавивший его список на выборах в Европарламент (ЕП)-2019 Ж. Барделла заявил о задаче не выходить из ЕС, а вместе с союзниками трансформировать его изнутри [15]. Отказ от популистского призыва выйти из еврозоны – экономического императива, на который ранее опирались крайне правые, – позволил Национальному объединению и итальянской “Лиге” укрепить свои позиции.

Крайне правые националисты – это популисты без четкой идеологии и ясной экономической программы (прежде всего М. Сальвини, М. Ле Пен). Такого рода политики изначально могли придерживаться иных взглядов. Так, М. Сальвини был близок к левым (коммунистам), затем к правым, став одним из лидеров “Лиги Севера” (ныне – “Лига”). Последняя не была антиевропейской партией, а выступала за отделение экономически мощного промышленного Севера от сельскохозяйственного Юга страны³. Затем, почувствовав смену политической конъюнктуры в условиях нестабильной экономики, Сальвини обратился к евроскептицизму. Сам Сальвини и его единомышленники именуют евроскептиками чиновников ЕС, в том числе прежнего главу Еврокомиссии (ЕК) Ж.-К. Юнкера [16].

На организованную М. Сальвини перед выборами в Европарламент 2019 г. встречу крайне правых партий в Милане не приехали суверенистские политики Венгрии, Испании, Польши, предпочтя от тех дистанцироваться. Из 12 участников встречи⁴ на 1-м месте в своих странах после выборов оказались только “Лига” и Национальное объединение. Остальные выступили скромнее, заняв 3–5-е места, или, набрав минимум голосов (как в Нидерландах Партия свободы – противница евроинтеграции), не прошли в Европарламент⁵.

М. Ле Пен назвала ту встречу в Милане исторической. На самом деле историческим (и прагматическим) можно считать отход даже крайне правых националистов от важного пункта их экономической программы – отказ от единой европейской

валюты. Так же поступил и А. Ципрас (Греция), политик-популист из противоположного левого лагеря. Приходя к власти, популисты обычно проводят более взвешенную экономическую политику. М. Сальвини собирался изменить Маастрихтские критерии Евросоюза (о “потолке” бюджетного дефицита в 3% и госдолга в 60%), но под угрозой миллиардных штрафов согласился с требованием Еврокомиссии привести бюджет Италии в соответствие с параметрами ЕС.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ УСИЛЕНИЯ НАЦИОНАЛИСТОВ-ПОПУЛИСТОВ

Консолидация и подъем в Евросоюзе крайне правых националистических сил, упадок традиционно правивших попеременно партий лево- и правопоцентристской направленности произошли на эклектичной основе, включающей идеи национализма, экономического патриотизма, антиглобализма, протеста против засилья евробюрократии, иммиграции.

Вызавшие этот подъем проблемы зрели давно и во многом связаны с пребыванием у власти левых, социал-демократов [17, pp. 221-261]. Недовольство значительных групп избирателей вызвано комплексом экономических, политических, социокультурных факторов: а) утратой части суверенитета, в том числе экономического, в процессе региональной интеграции, а также глобализации производства, торговли и финансовых рынков; б) неутешительными результатами проводимой Брюсселем наднациональной политики, что породило стремление обуздать евробюрократию, порой принимающую решения, противоречащие интересам не только отдельных стран-членов, но и интеграционного блока в целом; в) социально-экономической политикой технократических элит, перемещающих производство в страны с более низкими издержками, что приводит к сокращению занятости уязвимых социальных групп “на местах” (основы электората националистов), а в итоге – к усилению неравенства. Последнее порождает негативные эффекты, сложно устранимые в сжатые сроки. Тем не менее представляется обоснованной точка зрения, что наличие таких проблем не означает “агонии Евросоюза”, как пишут некоторые комментаторы⁶. Специалисты, напротив, отмечают, что ЕС рано или поздно решает проблемы “на путях постепенного усиления, а не размывания интеграции” [4, с. 10], “поступательного развития” [18, с. 6].

Глобализация привела к тому, что судьба ряда профессиональных и социальных групп стала опре-

³ В схожей ситуации Каталония, также из финансовых соображений стремящаяся отделиться от Испании.

⁴ Италии, Франции, Австрии, Бельгии, Болгарии, Германии, Дании, Нидерландов, Словакии, Финляндии, Чехии, Эстонии.

⁵ В отсутствие в Нидерландах избирательного порога по выборам в Европарламент эта партия после Брекзита получает в нем место.

⁶ См.: Делягин М.Г. Европа: агония Евросоюза, возвращение к патриотизму. *Свободная мысль*, 2019, № 3.

деляться их способностью адаптироваться к трансформациям [19, с. 31]. Хозяйственная деятельность вышла за рамки производства “вещей”; получают развитие коммерческие и безвозмездные услуги, “экономика идей” [20, р. 23]. Заводы перемещают в страны и регионы, где издержки ниже, а прибыль от продаж выше, но “мозговые центры” остаются в технически передовых странах. Таков механизм функционирования трансграничных цепочек создания стоимости. Именно на фоне “делокализации” как одного из проявлений глобализации выросло влияние крайне правых националистов, что показали итоги выборов в Европарламент, например, во Франции, где Национальное объединение заняло 1-е место, опередив, хотя и ненамного, партию президента Э. Макрона.

Примером того, как росту популярности крайне правых националистов содействует делокализация производства (с ней связывают 63% потерь рабочих мест в промышленности Франции), может служить политика *Peugeot Citroën (PSA)*. В 1999–2010 гг. *PSA*, увеличив выпуск машин в мире на 700 тыс. (прирост на 25%), снизила его во Франции на 450 тыс. машин [21, р. 30; 22, р. 221]. Подобная политика порождает евроскептицизм.

И евробюрократия в лице Еврокомиссии порой принимала решения вразрез с интересами европейских компаний в то время, когда возрастала потребность “стимулировать подъем европейских предприятий”, особенно в условиях “китайско-американской дуополии” [3, р. 119, 120]. Образец недальновидных действий – блокирование в 2019 г. слияния *Alstom* и *Siemens*, которое могло бы привести к созданию в ЕС компании – конкурента КНР по производству железнодорожного подвижного состава. Еврокомиссия мотивировала решение поддержкой конкуренции, но на деле расчистила путь китайским компаниям, которые при активном содействии своего государства объединяются и укрепляют позиции на международных рынках. Это один из примеров, как в условиях глобализации неомеркантилизм китайского образца использует неолиберализм западной экономики для продвижения интересов китайских предприятий и завоевания рынков.

Политику конкуренции в ЕС иногда называют архаичной [3, р. 157] – решение по *Alstom/Siemens* де-факто снижает конкурентный потенциал интеграционного блока [23]. После этого Франция и ФРГ опубликовали Совместный манифест, где призвали к корректировке антимонопольного законодательства Евросоюза и “срочной модернизации правил ВТО”. В Манифесте отмечено, что входящие в *Тор-40* мира европейские компании (которых лишь пять) поставлены в невыгодные условия по сравнению с конкурентами. Страны при-

звали изыскать возможность временно привлечь госструктуры, чтобы “обеспечить долгосрочное успешное развитие” ряда отраслей и сообща, с помощью национальных законодательств, защитить “наши интересы” [24, р. 3, 4].

Сама Еврокомиссия осознает серьезность ситуации, определяя Китай не только как “экономического конкурента”, но и “системного противника, продвигающего альтернативную модель управления” [25]. Аналитиков Европейского совета по международным отношениям (*European Council on Foreign Relations, ECFR*) беспокоит не экспансия китайской культуры, а рост влияния “неокапитализма” китайского типа с помощью сильного “государства-партии” [26, pp. 8-9, 11]. В противостоянии с наднациональной евробюрократией странам ЕС по отдельности сложно отстаивать национальные и общеевропейские интересы. На этом фоне крайне правые националисты, апеллируя к “экономическому патриотизму” своего правительства [27], получили поддержку избирателей на выборах в Европарламент.

ОЦЕНКА ИТОГОВ ВЫБОРОВ ФРАКЦИЙ ПРАВЫХ НАЦИОНАЛИСТОВ

На примере увеличения представительства правых партий националистического толка проиллюстрируем сдвиги в общественных предпочтениях европейских избирателей.

Обычно европейские выборы интересуют электорат меньше, чем внутренние. Однако приведенные выше социально-экономические факторы способствовали повышению участия в выборах: 50.62% в 2019 г. против 42.61% в 2014 г. При рекордной⁷ за последние 25 лет явке можно утверждать, что более разнородный состав Европарламента-2019 по сравнению с ЕП-2014 связан с усилением позиций правых партий националистического толка, позиционирующих себя “национально-ориентированными” [28, 18].

Рассматривая итоги выборов в Европарламент по методике подсчета и классификации французских аналитиков из газеты *Monde*, увидим, что в 2019 г. по сравнению с 2014 г. у *крайне правых* втрое больше мест: 115 против 37. Присутствие же *правых националистов и суверенистов* сократилось вдвое: со 116 до 58 мест [29]. При определенном усилении правого фланга в целом (с учетом британских депутатов до Брексита – прирост примерно на 3 п.п.) у двух выделенных категорий “правых” прослеживаются разнонаправленные тенденции. Можно предположить, что мнение избирателей радикализировалось на фоне миграционного кри-

⁷ Высокому уровню участия содействовало и применение интернет-голосования.

Таблица 1. Представительство крайне правых, правых националистов и суверенистов в ЕП-2019 от стран – основательниц ЕС

Страна	Крайне правые	Правые националисты и суверенисты	Место в стране	Голоса, %	Число мест в ЕП	Фракции
Германия	Альтернатива для Германии		4	11	11	ID ¹
Франция	Национальное объединение		1	23.31	22	ID
Италия	Лига		1	34.33	28	ID
		Братья Италии	5	6.46	5	ECR ²
Бельгия		Новый фламандский альянс	1	13.73	3	ECR
	Фламандский интерес		2	11.68	3	ID
Нидерланды		Форум за демократию	4	10.96	3	ECR
Итого					75	

¹ ID – “Идентичность и демократия”.

² ECR – “Европейские консерваторы и реформисты”.

Источник: табл. 1 и 2 составлены по [30].

зиса, социально-экономических диспропорций, нестабильности в экономике.

На выборы в 2019 г. шли не еврооптимисты или евроскептики. Голосовавшие, по сути, высказались за защиту *национальных интересов* – либо “против этой Европы”, либо “за ту Европу”, которая будет отстаивать *их* интересы и где будет скорректировано влияние *наднациональных* органов. С учетом предвыборных обещаний, в том числе по экономике, в Европарламенте прослеживается крен в сторону “Европы отечеств” в противовес “отечеству Европа”, с упором на поддержку национальных предприятий, государства перед лицом *наднациональных* структур.

Выборы показали: все больше участвующих в них граждан, особенно стран Старой Европы, требуют смены социально-экономической политики и поддерживают крайне правые националистические партии. Отход от прежнего (с 1979 г.) дуалистического расклада сил в Европарламенте – христианских демократов Европейской народной партии (ЕНП) и Альянса социалистов и демократов (С&Д) – обусловил поиск нового баланса сил, создание новых коалиций. Европарламент стал менее предсказуемым. Крайне правые усилились в четырех из шести стран – основательниц ЕС, получив 64 места (ФРГ, Франция, Италия, Бельгия); в трех странах у более умеренных правых националистов и суверенистов 11 мест (Италия, Бельгия, Нидерланды). От двух стран (Италии и Бельгии) прошли и крайне правые, и правые националисты и суверенисты (табл. 1).

Общий итог националистических сил по шести странам Старой Европы – 75 мест, или 10% от общего числа мест. Во фракцию крайне правых “Идентичность и демократия” (бывшая “Европа наций и свобод”) вошли 64 депутата, или 85% избранных в Европарламент представителей крайне правых из стран – основательниц ЕС.

В 15 странах националисты завоевали 98 мест. Особо выделим результаты правых националистов и суверенистов в двух крупных странах Восточной Европы – Венгрии (52.14%) и Польше (45.38%), где они лидировали (табл. 2).

Из 98 депутатов 42 присоединились к фракции “Европейских консерваторов и реформистов”. Почти столько же мест (43) получили остальные партии: 29 – собирающиеся покинуть ЕС (и, соответственно, ЕП) британские депутаты, плюс пять мест у неприсоединившихся ни к одной фракции греческих, венгерских, словацких крайне правых; у крайне правых из фракции “Идентичность и демократия” девять мест. Особняком стоят венгерские депутаты, члены фракции ЕНП – 13 мест.

Данные показывают, что “каркас” крайне правых образуют депутаты из шести стран – основательниц ЕС. В восьми из 28 стран⁸ крайне правые не прошли в Европарламент. Отметим результаты на Иберийском полуострове, где в обеих странах, длительное время существовавших при диктаторских режимах, крайне правые либо не попали в Европарламент (Португалия), либо получили скромную поддержку избирателей (“Голос” в Испании). Расклад сил до Брексита можно считать предварительным. Сама Партия Брексита добилась впечатляющего результата, получив 40% выделенных стране мест в Европарламенте.

Итоги выборов 2019 г. не стали прорывными для евроскептиков: они не смогут определять решения. Не удалось и создать общую фракцию правых националистов, как рассчитывала М. Ле Пен. В Европарламенте-2014 таких фракций было три, в 2019 г. с увеличением численности крайне правой “Идентичности и демократии” осталось две фракции. Третья – “Европа свободы и прямой

⁸ Ирландия, Кипр, Литва, Люксембург, Мальта, Португалия, Румыния, Словения.

Таблица 2. Националистические партии от других 15 стран ЕС в ЕП-2019

Страна	Крайне правые	Правые националисты и суверенисты	Место в стране	Голоса, %	Число мест в ЕП	Фракции
Великобритания	Партия Брекзита		1	30.74	29	<i>NI</i> ¹
Испания	Голос		5	6.21	3	<i>ECR</i> ²
Польша		Право и справедливость	1	45.38	26	<i>ECR</i>
Греция	Золотая заря		5	4.88	2	<i>NI</i>
		Греческое решение	6	4.18	1	<i>ECR</i>
Венгрия		Союз молодых демократов – Венгерская гражданская партия (“Фидес”)	1	52.14	13	<i>EPP</i> ³
	За лучшую Венгрию		5	6.44	1	<i>NI</i>
Чехия	Свобода и прямая демократия		5	9.14	2	<i>ID</i> ⁴
Швеция	Шведские демократы		3	15.34	3	<i>ECR</i>
Австрия	Австрийская партия свободы		3	17.20	3	<i>ID</i>
Болгария		Болгарское национальное движение	4	7.36	2	<i>ECR</i>
Дания	Датская народная партия		4	10.76	1	<i>ID</i>
Финляндия	Истинные финны		4	13.80	2	<i>ID</i>
Словакия	Народная партия Наша Словакия		3	12.07	2	<i>NI</i>
Хорватия		Хорватские суверенисты	3	8.52	1	<i>ECR</i>
Латвия	Национальный альянс		3	16.40	2	<i>ECR</i>
Эстония	Консервативная народная партия		4	12.70	1	<i>ID</i>

¹ *NI* – неприсоединившиеся ни к одной фракции.

² *ECR* – “Европейские консерваторы и реформисты”.

³ *EPP* – “Европейская народная партия”.

⁴ *ID* – “Идентичность и демократия”.

демократии” – не сохранилась из-за формальных ограничений, так как не смогла набрать членов из нужного числа стран⁹. В итоге у националистов – 23.6% состава ЕП-2019 против 20.2% в ЕП-2014. Психологический порог в 25% не преодолен.

Примечательно, что за счет перехвата отдельных лозунгов крайне правых укрепили позиции умеренные политические силы. Так, в Дании центристы, расширив социальную часть программы с упором на проблему иммиграции, не только смогли опередить крайне правую Датскую народную партию, занявшую в стране 4-е место с 10.76% голосов, но и вышли на 1-е место с 23.50%.

ПРАВЫЕ НАЦИОНАЛИСТЫ ПО ФРАКЦИЯМ И СТРАНАМ

В сумме по двум основным фракциям правых националистов – “Европы наций и свобод” и “Европейских консерваторов и реформистов” –

⁹ По регламенту для создания фракции надо не менее 25 депутатов минимум из семи (1/4) стран-членов. В итоге такой фракции в Европарламенте нет, а выросло число неприсоединившихся депутатов (57 мест или 7.9%).

прирост составил 22 места – со 113 до 135 [31]¹⁰. Этим националисты во многом обязаны крайне правым из прежней “Европы наций и свобод” во главе с лидером европопулизма М. Сальвини и с участием М. Ле Пен. После смены названия (на “Идентичность и демократия”), перегруппировки сил численность фракции почти удвоилась – с 37 депутатов из восьми стран в ЕП-2014 до 73 из девяти стран, или с 4.92 до 9.72% [30].

Правые популисты-евроскептики из прежней фракции “Европы свободы и прямой демократии” с участием итальянского “Движения 5 звезд”, суверенистов из Партии независимости Соединенного Королевства имели в Европарламенте-2014 41 место, или 5.45%. В Европарламенте-2019 такой фракции нет. При этом Партия Брекзита выступила в своей стране лучше других, получив 30.74% голосов, а умеренные правые евроскептики из фракции “Европейских консерваторов и реформистов”, куда вошли и британские консерваторы (в Великобритании лишь 5-е место и 4 места в Европарламенте), сократили представительство при-

¹⁰ До того как стало ясно, что фракция “Европы свободы и прямой демократии” не сохранится.

мерно на 2 п.п. – с 76 (10.12%) в 2014 г. до 62 депутатов (8.26%) в 2019 г. [30, 31].

Наиболее успешно правые националисты выступили в Италии, Франции, Венгрии, Польше, Швеции.

В *Италии* две правонационалистические партии – “Лига” и “Братья Италии” – получили в сумме около 41% голосов участвовавших в выборах, или 28 и пять мест соответственно.

Во *Франции* старейшее крайне правое Национальное объединение также возглавило список прошедших в Европарламент партий с 23.31%¹¹, опередив менее чем на 1 п.п. “молодую” (с 2017 г.) президентскую партию. После Брекзита у обеих партий будет по 23 места.

В *Швеции* крайне правые “Шведские демократы” поднялись на 3-е место с 5-го, улучшив результат более чем в 1.5 раза: 15.34% голосов вместо 9.67% в 2014 г.

В *Венгрии и Польше*, странах Новой Европы, лидерами стали умеренные националисты-суверенисты. В Венгрии В. Орбан и его “Фидес” одержали беспрецедентную победу с 52.14% голосов. Соперники остались далеко позади, в том числе крайне правые “За лучшую Венгрию”, ухудшившие результат по сравнению с 2014 г.: 5-е место и 6.44% вместо 2-го места и 14.67%¹².

В *Польше* правящая националистическая партия “Право и справедливость” набрала 45.38% голосов, практически уничтожив коалицию крайне правых евроскептиков – “Конфедерацию” с 4.55% [30]. Нет единства и в правом националистическом лагере *Бельгии*. При явке в 89% (голосование там обязательно) впереди оказались правые националисты-еврооптимисты “Нового фламандского альянса” – 13.47%, но на 2-м месте – некогда маргинальные крайне правые евроскептики “Фламандский интерес” – 11.45% [30].

Не во всех странах националисты выступили на выборах в ЕП удачно.

В *Нидерландах* евроскептики из “Форума за демократию” по прогнозам должны были быть первыми, но стали третьими с 10.96%, а крайне правая националистическая “Партия за свободу” Г. Вилдерса, союзника М. Ле Пен и М. Сальвини, неужи-

¹¹ Внутри страны – это успех. Но и 2-е место президентской партии после двух лет пребывания у власти и кризиса “желтых жилетов” – результат вполне удовлетворительный. Партия Э. Макрона заняла достойное место во фракции “Обновить Европу” – наследнице С&Д и 3-е по числу мест в ЕП.

¹² В. Орбан не присоединился к М. Сальвини и М. Ле Пен, а сохранил членство в уважаемой правоцентристской фракции ЕНП.

данно получила лишь 3.53% голосов (после 13.32% в 2014 г.), вчетверо ухудшив результат [30].

В *Австрии* крайне правая Австрийская партия свободы, отметившаяся незадолго до выборов политическим скандалом, заняла в стране лишь 3-е место с 17.20% голосов (19.72% в 2014 г.). Часть голосов ее избирателей отошла стороннице евроинтеграции Австрийской народной партии канцлера С. Курца, занявшей 1-е место (34.55% против 26.98% на прошлых выборах в ЕП) [30].

В *ФРГ* крайне правые популисты-евроскептики из антииммигрантской “Альтернативы для Германии” подтвердили присутствие на политическом пространстве страны, проведя в Европарламент 11 депутатов (11% голосов), но уступили ХДС А. Меркель (28.9%), “зеленым” (20.5%), социал-демократам (15.8%). Отметим, что *крайне правые* из “Альтернативы для Германии” получили вдвое больший процент голосов, чем *крайне левые* из “Левой партии” – 5.5% [30].

В *Испании* крайне правые националисты (“Голос”) прошли в Европарламент, но на фоне уверенной победы социалистов (уникального итога для крупной страны ЕС) их результат скромнее: 6.21% голосов и 5-е место после левых радикалов “Мы можем!”, выступивших в союзе в том числе с каталонскими представителями этой партии (10.07%) [30].

В *Дании* итоги выборов неудачны для союзницы Национального объединения и “Лиги” – Датской народной партии: 10.76% и одно место против 26.60% и четырех мест в прошлом Европарламенте [30]. В ЕП-2014 правые националисты, в основном евроскептики, были разобщены. Один из пунктов расхождений – отношения с Россией: от неприятия, как в Польше, контактов М. Ле Пен и М. Сальвини с российским руководством, до благожелательного отношения со стороны австрийских, венгерских, германских, итальянских, французских представителей этого политического течения. Последние могут поднять вопрос об отмене экономических санкций против России, но решение будут принимать не они.

После выборов в Европарламент М. Сальвини сделал очередное популистское заявление о “рождении новой Европы” как выборе не только итальянцев, но и французов, немцев, англичан, поляков, финнов, шведов, датчан [31]. На деле правых националистов-популистов объединяют преимущественно антииммигрантская риторика и отсутствие разработанных экономических программ, а их суммарные итоги далеки от простого большинства в 376 из 751 мест в ЕП. Правым националистам-популистам так или иначе предстоит уделить внимание экономике.

* * *

Усиление разнородного правого фланга партийно-политической системы в ЕС — комплексное явление. Социально-экономические и миграционные проблемы во многом обусловили восприимчивость избирателей к лозунгам правых националистов-популистов. Наиболее уязвимые слои общества стремятся вернуться к практике более закрытых от конкуренции национальных экономик, когда они чувствовали себя более социально защищенными. Изоляционизм, однако — тупиковый выбор, усиливающий отставание от мировых лидеров.

Разворот избирателей связан также с их недовольством политикой наднациональной евробюрократии в меняющейся социально-экономической ситуации. Звучат даже призывы к пересмотру принципа субсидиарности — к возвращению странам ряда ранее делегированных Евросоюзу полномочий. Со стремлением освободиться от “пут брусельской бюрократии” отчасти связан и Брекзит.

Поддержка в различных регионах ЕС националистических партий разных типов — крайне

правых в Старой Европе и правых националистов и суверенистов в крупнейших странах Новой Европы — свидетельствует о риске нового размежевания по линии Восток–Запад по повестке, включающей вопросы либеральной демократии, отношения к правовому государству, правам человека, приему мигрантов. Правящие политики в крупнейших странах Восточной Европы, Венгрии и Польше, смотрят на эти вопросы иначе, чем в странах ядра ЕС. Но и тут налицо расхождения: в Польше преобладают проамериканские настроения, негативное отношение к РФ, в то время как в Венгрии, напротив, отношениям с Россией придают первостепенную важность.

Анализ ситуации с европейскими правыми националистами-популистами подводит к выводу, что эти, по сути, политики-тактики, “оседлавшие волну” недовольства части избирателей своим положением, не способны выработать на долгосрочную перспективу внятную реалистичную стратегию развития своих стран и ЕС в целом. В итоге курс Евросоюза продолжают определять умеренные центристские силы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Клинов В.Г., Сидоров А.А. Мировые тенденции в распределении доходов и проблемы социально-экономического развития. *Вопросы экономики*, 2018, № 7, сс. 30-44. [Klinov V.G., Sidorov A.A. Mirovyte tendentsii v raspredelenii dokhodov i problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [World trends in the distribution of national incomes and problems of economic and social development]. *Voprosy Ekonomiki*, 2018, no. 7, pp. 30-44.] DOI: 10.32609/0042-8736-2018-7-30-44
2. Трофимова О.Е., Четверикова А.С. Наднациональный формат и национальные особенности миграционной политики стран ЕС. *Южно-российский журнал социальных наук*, 2019, т. 20, № 1, сс. 6-23. [Trofimova O.E., Chetverikova A.S. Nadnatsional'nyi format i natsional'nye osobennosti migratsionnoi politiki stran ES [Supranational Format and National Specifics of the Migration Policy of the EU Countries]. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 2019, vol. 20, no. 1, pp. 6-23.] DOI: 10.31429/26190567-20-1-6-23
3. Saint-Étienne Chr. *Osons l'Europe des nations*. Paris, L'Observatoire, 2018. 212 p.
4. Барановский В.Г. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 5, сс. 7-23. [Baranovsky V.G. Novyi miroporyadok: preodolenie starogo ili ego transformatsiya [New International Order: Overcoming or Transforming the Existing Pattern?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, vol. 63, no. 5, pp. 7-23.] DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-7-23
5. Пантин В.И., Семенов И.С., отв. ред. *Прогнозирование социально-политических процессов и конфликтов в странах Запада и в России*. Москва, ИМЭМО РАН, 2016. 183 с. [Pantin V.I., Semenenko I.S., eds. *Prognozirovanie sotsial'no-politicheskikh protsessov i konfliktov v stranakh Zapada i v Rossii* [Forecasting socio-political processes and conflicts in Western countries and in Russia]. Moscow, IMEMO, 2016. 183 p.]
6. Семенов И.С., отв. ред. *Идентичность: личность, общество, политика*. Москва, Весь мир, 2017. 992 с. [Semenenko I.S., ed. *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika* [Identity: personality, society, politics]. Moscow, Ves' mir, 2017. 992 p.]
7. Филиппова Е.И., Ле Торривеллек К., ред. *Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы*. Москва, Горячая линия — Телеком, 2018. 342 с. [Filippova E.I., Le Torrivellek K., eds. *Svoi i chuzhie. Metamorfozy identichnosti na vostoке i zapade Evropy* [Their own and others'. Identity metamorphoses in Eastern and Western Europe]. Moscow, Goryachaya liniya — Telekom, 2018. 342 p.]
8. *Élections européennes 2019: les résultats en sièges, pays par pays, et la future composition du Parlement*. Available at: https://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2019/05/26/elections-europeennes-les-resultats-dans-l-ue-pays-par-pays_5467557_4355770.html (accessed 24.09.2019).
9. Lastennet J. *Élections européennes 2019: les partis arrivés en tête, pays par pays*. Available at: <https://www.touteurope.eu/actualite/elections-europeennes-2019-les-partis-arrives-en-tete-pays-par-pays.html> (accessed 03.07.2019).
10. Perrineau P. La montée des droites extrêmes en Europe. *Études*, 2002, vol. 397, no. 12, pp. 605-613.
11. Taguieff P.-A. *L'illusion populiste*. Paris, Berg International, 2002. 182 p.

12. Погорельская С.В. Методологические проблемы исследования правого радикализма. *Актуальные проблемы Европы*, 2004, № 2, сс. 6-15. [Pogorel'skaya S.V. Metodologicheskie problemy issledovaniya pravogo [Methodological problems of the study of right-wing radicalism]. *Aktual'nye problemy Evropy*, 2019, no. 2, pp. 6-15.]
13. Тэвдой-Бурмули А. Правый радикализм в Европе. *Современная Европа*, 2005, № 4, сс. 86-98. [Tevdoi-Burmuli A. Pravyi radikalizm v Evrope [Right-wing radicalism in Europe]. *Contemporary Europe*, 2005, no. 4, pp. 86-98.]
14. Fukuyama F. *What is populism?* Berlin, Atlantik-Brücke Publ. Series, 2017. 33 p.
15. Européennes: les gagnants et les perdants du premier débat. *Le Parisien*, 05.04.2019. Available at: <http://www.leparisien.fr/politique/europeennes-les-gagnants-et-les-perdants-du-premier-debat-05-04-2019-8046852.php> (accessed 03.07.2019).
16. Маттео Сальвини: “Наш голос будет другим”. *Журнал “Огонек”*, № 11, 26.03.2018. [Matteo Salvini: “Our voice will be different”. *Zhurnal “Ogonek”*, no. 11, 26.03.2018 (In Russ.)] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3578011> (accessed 30.09.2019).
17. Fourquet J. *L'archipel français*. Paris, Seuil, 2019. 379 p.
18. Гринберг Р.С. Закат Европы вновь откладывается. И это хорошая новость. *Мир перемен*, 2019, № 2, сс. 5-8. [Grinberg R.S. Zakat Evropy vnov' otkladyvaetsya. I eto khoroshaya novost' [The Decline of Europe is again delayed. And this is good news]. *Mir peremen*, 2019, no. 2, pp. 5-8.]
19. Лапина Н.Ю. *Французское общество перед вызовами глобализации*. Москва, ИНИОН РАН, 2019. 50 с. [Lapina N.Yu. *Frantsuzskoe obshchestvo pered vyzovami globalizatsii* [French society is facing the challenges of globalization]. Moscow, INION RAS, 2019. 50 p.]
20. Veltz P. *La société hyper-industrielle*. Paris, Seuil, 2017. 120 p.
21. Artus P., Gravet I. *La crise de l'euro: Comprendre les causes – en sortir par de nouvelles institutions*. Paris, Armand Colin, 2012. 180 p.
22. Lefebvre M., Pestieau P. *L'État-providence: défense et illustration*. Paris, PUF, 2017. 233 p.
23. Bruno Le Maire: “La fusion Alstom-Siemens aurait permis d'investir massivement” – 1/5. *La Tribune*, 15.02.2019. Available at: <https://www.latribune.fr/economie/france/bruno-le-maire-la-fusion-alstom-siemens-auroit-permis-d-investir-massivement-807400.html> (accessed 03.07.2019).
24. *A Franco-German Manifesto for a European industrial policy fit for the 21st Century*. 19.02.2019. Available at: <https://www.gouvernement.fr/en/a-franco-german-manifesto-for-a-european-industrial-policy-fit-for-the-21st-century> (accessed 03.07.2019).
25. *EU-China – A strategic outlook. Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council*. Strasbourg, 12.03.2019. Available at: <https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf> (accessed 03.07.2019).
26. Godement F., Vasselier A. *La Chine à nos portes. Une stratégie pour l'Europe*. Paris, Odile Jacob, 2018. 240 p.
27. Quel programme pour l'Europe? Les réponses de Raphaël Glucksmann, tête de liste PS/Place publique. *Marianne*, 09.05.2019. Available at: <https://www.marianne.net/politique/quel-programme-pour-l-europe-les-reponses-de-raphael-glucksmann-tete-de-liste-psplace> (accessed 03.07.2019).
28. Авилова А.В., Гутник А.В., Квашнин Ю.Д., Оленченко В.А., Тоганова Н.В., Трофимова О.Е. Выборы в Европарламент-2014. *Мировая экономика и международные отношения*, 2014, № 11, сс. 5-20. [Avilova A.V., Gutnik A.V., Kvashnin Yu.D., Olenchenko V.A., Toganova N.V., Trofimova O.E. Vybery v Evroparlament-2014 [The European Parliament Election 2014]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2014, no. 5, pp. 5-20.]
29. *Résultats des élections européennes 2019*. Available at: <https://resultats-elections.eu/resultats-des-elections/2019-2024/> (accessed 24.09.2019).
30. *European Parliament: Facts and Figures*. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/635515/EPRS_BRI\(2019\)635515_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/635515/EPRS_BRI(2019)635515_EN.pdf) (accessed 30.09.2019).
31. *Européennes 2019: vers une poussée contenue des partis eurosceptiques*. Available at: <http://www.rfi.fr/europe/20190527-europeennes-2019-poussee-contenue-populistes-eurosceptiques-nationalistes> (accessed 03.07.2019).

**FOLLOWING THE 2019 EUROPEAN ELECTION RESULTS.
NATIONAL POPULISTS: SOCIO-ECONOMIC ASPECT**

(World Economy and International Relations, 2020, vol. 64, no. 5, pp. 42-51)

Received 30.10.2019.

Marina V. KLINOVA (marina.v.klinova@gmail.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The article attempts to present the problem from a multidisciplinary perspective. It deals with the circumstances of the increasing influence of the extreme right flank of the party-political spectrum in the European Union countries – the instability of the world economy, a number of economic and socio-cultural factors. Among them there is not only the failure of the policies of national left forces (social democrats that have been in power in many EU countries for quite a long time), but also are new supranational factors. The role of the European Commission's deconstructive policy in the competition sphere in strengthening the positions of nationalist parties in the EU countries is highlighted.

Specifics of terminology in definition of various kinds of nationalist forces in the EU are characterized. An analysis of the quantitative results of the 2019 election for nationalist parties demonstrates that the strengthening of their radical extreme right flank in six founding EU member states (Old Europe) is of special importance. The more heterogeneous composition of the European Parliament 2019–2024 compared to the past one is associated with the strengthening of the right-wing nationalist parties' positions. In the former socialist countries (New Europe), the situation is different: in Hungary and Poland (the two largest of them), the extreme right parties are pushed into the background owing to the unconditional victory of more moderate nationalist parties. Various kinds of right-wing forces are highlighted. The quantitative results of the EP election and the membership of its factions are presented separately for the six founding EU countries and for other member states; the election results are evaluated. Supranational legal rules that weaken the European Union need to be adjusted to reflect the new realities in the global economy and politics. This is one of the European Parliament's tasks for 2019–2024. Ignoring the emerging new realities creates the basis for the widespread growth of nationalism and the strengthening of nationalist parties' positions not only in the EP. It is concluded that the nationalist forces do not have a calculated long-term development strategy, which ensures the key role of moderate political forces in European politics.

Keywords: nationalists, populists, sovereignists, Eurosceptics, socio-economic policy, State, competitiveness, competition, European Commission.

About:

Marina V. KLINOVA, Doctor of Economics, Leading Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-42-51

ДВУХУРОВНЕВАЯ ИГРА ПРОЦЕССА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА ЕС

© 2020 г. А. Сорбалэ

СОРБАЛЭ Алексей Борисович, аспирант,
Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” (Санкт-Петербург),
РФ, 194100 Санкт-Петербург, ул. Кантемировская, 3А, корп. 1 (asorbale@hse.ru).

Статья поступила в редакцию 26.01.2020.

Что такое “процесс обеспечения ответственности за нарушение права Европейского союза” и как этот феномен связан с функционированием и сохранением стабильности ЕС как системы многоуровневого управления? Какие инструменты и стратегии имеются в арсенале национального и наднационального уровней власти ЕС для защиты их базовых интересов в рамках процесса обеспечения ответственности? Какие факторы детерминируют существующую дифференциацию стран – членов ЕС по показателю приведения национального законодательства в соответствие с правом Европейского союза? В данной статье автор стремится дать ответ на эти и некоторые сопутствующие вопросы.

Ключевые слова: процесс обеспечения ответственности, Европейский союз, право Европейского союза, страны – члены ЕС, двухуровневая игра.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-52-61

Основной целью Европейского союза в процессе расширения и унификации его правового пространства, установления его авторитета и власти является принуждение стран-членов к транспонированию, имплементации и применению частей *acquis communautaire*¹. В научной литературе данное нормативное принуждение и реакция государств ЕС на правоприменительные действия Брюсселя обозначаются термином “процесс обеспечения ответственности за нарушение права Европейского союза”² (*compliance with the European Union law*) [3; 4]. Стремление ЕС принудить все страны-члены к следованию нормам *acquis* определяется тремя причинами. Первая причина заключается в том, что единое нормативное пространство напрямую связано с идеей создания функционирующей системы наднационального управления, которая в перспективе может помочь Европейскому союзу трансформироваться в полноценную “Европейскую федерацию” [5]. Вторая связана со стремлением ЕС увеличить эффективность управления на национальном и субнациональном уровнях [5]. В этой перспективе единое нормативное пространство рассматривается как обязательное условие для нивелирования эффектов различного социально-экономического развития “старых” (ЕС-15) и “новых” стран-членов и приведения национальных управленческих

практик к единому знаменателю. Наконец, третья причина – это приверженность ЕС идеологической позиции “один размер подходит для всех” (*one size fits all*), которая подразумевает не только нормативное, но и политическое, экономическое и культурное объединение стран Евросоюза [6; 7]. Из этого следует, что разная степень приверженности нормам права ЕС со стороны стран-членов становится препятствием для реализации проекта “единой Европы”.

Шаг к достижению цели уравнивания стран Евросоюза по показателю обеспечения ответственности был сделан в 1992 г. после подписания Маастрихтского договора, который заложил основу для единого рынка и обеспечил широкие регулирующие полномочия институтов ЕС. Подписание договора вызвало волну эйфории среди европейского и части американского научного сообщества. Работы, которые датируются началом 1990-х годов, предсказывают быстрый переход Европейского союза в ранг полноценных государственных образований с едиными органами политической власти, структурой управления и институтами представительства [8; 9]. Однако к середине 1990-х годов эта позитивная повестка сменилась диаметрально противоположной идеей о том, что ЕС является крайне нестабильной структурой, поскольку, в частности, его институциональная система не в состоянии (1) обеспечить полноценное выполнение директив, регламентов и постановлений Брюсселя всеми странами-членами и (2) легитимизировать себя в глазах национальных политических элит [10].

¹ Свод законов, правовых актов и судебных решений, которые составляют основу права Европейского союза.

² В данном исследовании мы используем наиболее распространенный перевод термина, использующийся в русскоязычной научной литературе по данной тематике (см. [1; 2]).

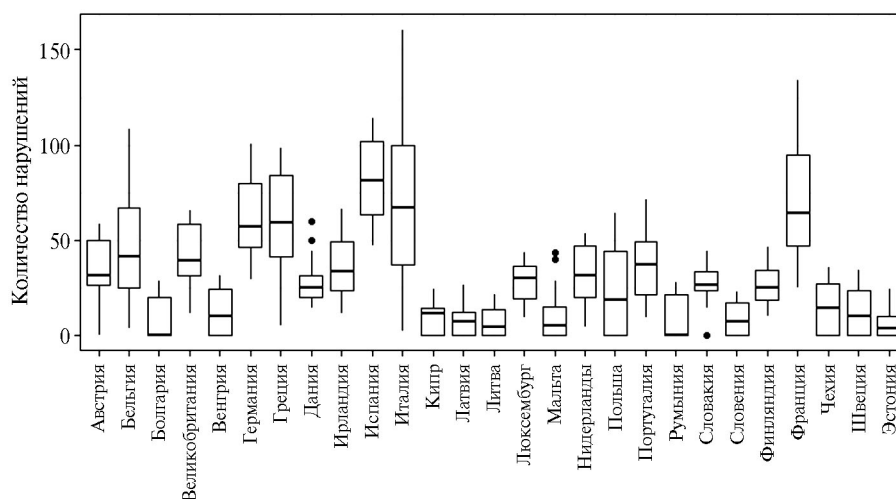

Рис. Агрегированное количество нарушений права ЕС странами-членами в период с 1993 по 2017 г. [18]

На протяжении последних 20 лет показатель следования нормам права Евросоюза является широко используемым индикатором для измерения его стабильности как многоуровневой политической системы [11; 12]. Большинство исследователей согласны с тем, что процесс обеспечения ответственности за нарушение права ЕС связан с тремя важными аспектами отношений между государствами-членами и наднациональными регулируемыми институтами: (1) доверием государств к институтам ЕС и проекту “единой Европы” в целом; (2) способностью национальных политических элит транслировать свои предпочтения, идеи и ценности на наднациональный уровень и (3) способностью институтов ЕС принуждать страны-члены к принятию общих правил игры, используя систему “кнута и пряника” [13; 14]. Таким образом, ответственность за нарушение права Евросоюза имеет существенное значение для его функционирования и, как указывают Т. Банчофф и М. Смит, “необходима для выживания [ЕС] как сложной политической системы” [4, p. 52].

С середины 1990-х годов ученые отслеживают растущую дифференциацию в пуле стран-членов по показателю следования нормам права Европейского союза. Базовый тренд последних 25 лет заключается в том, что такие государства, как Германия, Дания и Литва транспонируют, имплементируют и применяют части права ЕС с минимальными нарушениями [15; 16], в то время как Франция, Италия и Португалия нарушают *acquis* почти каждый год [3; 17]. Суммарное количество нарушений права ЕС со стороны его членов за 25-летний период представлено на рисунке, который содержит отдельный “ящик с усами” (диаграмму размаха) для каждой из 27 стран Евросоюза

(Хорватия в выборку не входит). “Ящики с усами” демонстрируют количество нарушений права ЕС за период с 1993 по 2017 г.³ В рамках каждого “ящика” находится 50% значений, жирная линия обозначает медиану. Верхняя и нижняя границы прямых линий – максимальное и минимальное значение соответственно для каждого из рассматриваемых кейсов. В некоторых случаях (Дания, Мальта и Швеция) “ящики с усами” демонстрируют “выбросы” – девиантно малые или большие значения для количества нарушений права ЕС по сравнению с большей частью выборки (95% выборки, которые находятся в интервале между границами пунктирных линий). “Выбросы” обозначаются на рисунке в виде точек, выходящих за пределы границ пунктирных линий. Сравнение характеристик “ящиков с усами” позволяет выделить государства, которые нарушают право ЕС чаще остальных. К их числу относятся Италия, Бельгия, Греция и Франция. При этом страны Балтии, Кипр и Словения, напротив, демонстрируют свою приверженность нормам права Евросоюза: в случае этих стран количество нарушений *acquis* является минимальным⁴. Представленные данные в целом соответствуют выводам исследований, описанным выше.

ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ЭТАПЫ

Процесс обеспечения ответственности часто находится в фокусе исследований, посвященных тематике международных правовых режимов

³ Для наполнения рисунка были использованы выборки с взвешенными по годам (1993–2017 гг.) значениями для количества нарушений права ЕС.

⁴ При этом следует учитывать, что наблюдения для этих стран доступны только с 2004 г., когда они вступили в состав ЕС в результате “большого расширения”.

[19; 20]. Дж. Таллберг предлагает для него следующее функционалистское определение: процесс обеспечения ответственности “относится к мерам, которые государства принимают для обеспечения эффективности международных соглашений, интегрированных в их национальные законодательства” [20, р. 48]. Это определение справедливо для любой международной организации, которая стремится установить нормативную и институциональную власть над своими членами и обладает монополией на установление правил игры для всех участников международного правового режима. Однако определение, предложенное Таллбергом, кажется редуционистским и лишь отчасти отражает особенности процесса принятия решений в Европейском союзе. Данное определение сосредоточено только на “нижнем” уровне иерархии ЕС, превращая страны-члены в агентов, роль которых сводится к принятию и оптимизации правил игры, которые устанавливаются наднациональными институтами. В свою очередь, как отмечает А. Джордан, процесс принятия политических решений в Евросоюзе сильно отличается от аналогичных процессов в других международных организациях, поскольку “государства-члены являются одновременно и акторами, определяющими политику [...], и основными исполнителями [этой политики]” [15, р. 72]. Этот дуализм компетенций лежит в основе проблем процесса обеспечения ответственности и различной реакции стран-членов на правоприменительные действия ЕС.

Как отмечает П. Николаидес, членство в Евросоюзе означает не только формальное принятие правил, определяемых Брюсселем, но и “их формирование и активное применение” [21, р. 11]. В этом отношении наиболее точное определение процесса обеспечения ответственности сформулировано Х. Джекобсоном и Э. Вейссом. По их мнению, он “демонстрирует, действительно ли страны придерживаются положений [международных] соглашений, которые были ими имплементированы, институционализированы и реализованы” [22, р. 123]. Данное определение имеет два преимущества перед определением Таллберга. Во-первых, оно не ограничивает отношения между институтами и государствами ЕС иерархией, где первые действуют в качестве нормативного принципа, а вторые играют роль агентов, которые не имеют права голоса на наднациональном уровне. Во-вторых, Джекобсон и Вейсс подчеркивают, что соблюдение страной права ЕС подразумевает не только транспонирование и имплементацию частей *acquis communautaire*, но и их практическое соблюдение. Этот аспект чрезвычайно важен в свете разговора об эволюции исследований, посвященных процессу обеспечения ответственности, за последние три десятилетия.

В 1980–1990-х годах понимание процесса обеспечения ответственности значительно отличалось от формулировки Джекобсона и Вейсса. Академические работы были сосредоточены на прогрессе государств-членов в области транспонирования частей права ЕС, в то время как процессы имплементации и практического применения *acquis* оставались вне научного интереса большинства исследователей [15; 23]. В связи с этим неудивительно, что исследователи процесса обеспечения ответственности сообщали о низком уровне нарушений права ЕС среди стран-членов и о высокой эффективности нормативного правоприменения институтов Европейского союза [19].

Повестка дня изменилась в 1992 г., когда Маастрихтский договор предоставил институтам ЕС, прежде всего Европейской комиссии (далее – Комиссия, ЕК) и Европейскому суду (далее – Суд), более широкие полномочия по контролю за имплементацией и применением *acquis* на национальном уровне и наказанию государств, которые по различным причинам игнорировали требования принципа ответственности [23; 24]. В середине 1990-х и начале 2000-х годов наблюдается всплеск интереса исследователей к основной проблеме процесса обеспечения ответственности: “дефициту имплементации” (*implementation deficit*). “Дефицит имплементации” возникает, когда государство вносит изменения в законодательство, которые никогда не приводятся в действие [25, р. 789]. Иными словами, данное явление можно наблюдать в тех случаях, когда государство – член Евросоюза формально переносит необходимые части *acquis communautaire* в свое законодательство, но не соблюдает и не применяет новые правила игры на практике. Данная проблема процесса обеспечения ответственности, которая характерна как для “старых”, так и для “новых” членов [3], побудила исследователей к поиску причин, определяющих решение некоторых стран ЕС строить нормативные фасады вместо внедрения и применения правил игры, установленных Брюсселем.

За последние 10 лет внимание исследователей процесса обеспечения ответственности переместилось с транспонирования и имплементации к применению необходимых нормативных практик на национальном и субнациональном уровнях. Многие авторы указывают на серьезный разрыв между количеством нормативных актов, имплементируемых странами-членами, и количеством частей *acquis*, которые нашли свое место в повседневной практике на национальном и субнациональном уровнях этих государств [16; 17; 25]. Как и в случае дефицита имплементации, проблема правоприменения наблюдается и среди стран ЕС-15, и среди стран-членов из Центральной и Восточной Европы.

На этом этапе важно сделать три основных вывода о процессе обеспечения ответственности за нарушение права Евросоюза. Во-первых, процесс обеспечения ответственности в ЕС не предусматривает патрон-клиентских отношений между нормативными регуляторами, представленными наднациональными институтами, и странами-членами. Механизм ответственности обеспечивает большую автономию для государств в принятии правил игры ЕС, поскольку у членом Союза двойная роль в разработке и реализации этих правил.

“ДВУХУРОВНЕВАЯ ИГРА”

Исследователи процесса обеспечения ответственности выделяют два центральных института, чья деятельность направлена на мониторинг и обеспечение соблюдения права ЕС, – Европейскую комиссию и Европейский суд. Комиссия играет роль “хранителя договоров” [16, р. 244], поскольку именно этот институт выполняет функцию контроля за нарушениями права Евросоюза. При этом выполнение функции надзора и мониторинга в ЕС невозможно без апелляции к Суду, выполняющему роль медиатора в спорах между Комиссией и странами-членами и принимающему решения о санкциях против государств, нарушающих право ЕС [26]. Насколько эффективна работа этих двух институтов в контексте предотвращения нарушений права ЕС и наказания стран, нарушающих общеевропейские правила игры? Ответ на этот вопрос может варьироваться в зависимости от конкретных инструментов, которые они используют.

Многие исследователи утверждают, что Европейская комиссия предпочитает мягкие инструменты воздействия [17; 27]. Они включают в себя пакетные встречи, использование европейских административных сетей (*European administrative networks, EANs*) и двусторонние встречи между представителями государств и Комиссии. Все три инструмента являются неформальными, выполняют консультативную функцию и поэтому не налагают никаких обязательств на страны-члены, которые нарушают принцип ответственности. Пакетные встречи включают обсуждение пакета нормативных актов, которые должны быть имплементированы и приняты одновременно [27]. Европейские административные сети предоставляют национальным политическим элитам больше информации о сущности требований наднациональных регуляторов в отношении определенных частей *acquis* [27]. Наконец, двусторонние встречи могут быть посвящены как задержке в имплементации и принятии нормативных актов, так и тому, что страна-член не выполняет свои обязательства

по транспонированию [27]. Качественные исследования Г. Фалкнер [28] и У. Седельмайера [29], а также количественный анализ Т. Бёрцель и соавторов [30] демонстрируют, что мягкие инструменты крайне неэффективны в борьбе с нарушениями права ЕС.

Другой стратегией Европейской комиссии может быть использование инструментов, которые не связаны с прямым принуждением и применением санкционирующей силы Суда, но являются более строгими, чем перечисленные выше. Существуют два таких инструмента: “поименное перечисление и посрамление” (*naming and shaming*) и “табло достижений” (*scoreboard*). Первое нацелено на выявление конкретных лиц, которые препятствуют своевременному и эффективному транспонированию, имплементации и применению частей права ЕС на национальном уровне [27]. Иными словами, этот инструмент предназначен для того, чтобы оказывать влияние на репутацию национальной политической элиты и стимулировать принятие мер по обеспечению нормативной ответственности в форме медианного варианта между “кнутом” и “пряником”. Второе также является механизмом воздействия на репутацию: каждый год Европейская комиссия публикует рейтинг стран-членов, который демонстрирует успехи и неудачи в процессе обеспечения ответственности в рамках конкретных областей политики [27]. Как отмечает Дж. Таллберг, репутационные инструменты оказывают большее влияние на поведение государств-членов в отношении нормативной ответственности, чем мягкие инструменты, однако нельзя сравнивать результативность от их применения с эффектом от применения непосредственно принудительных механизмов [24].

Принудительная стратегия предполагает скоординированные действия Комиссии и Суда. В научной литературе она неизменно обозначается как наиболее эффективная из всех стратегий, которые могут использоваться регулируемыми органами ЕС [15; 17; 25]. Основным инструментом Европейской комиссии в использовании этой стратегии является процедура рассмотрения нарушений норм права ЕС⁵ (*infringement*). Данная процедура делится на несколько этапов. На первом этапе Комиссия направляет официальное уведомление руководству страны, которое демонстрирует признаки нарушения *acquis communautaire*. Если государство продолжает нарушать право ЕС после ознакомления с уведомлением, Комиссия издает мотивированное мнение (*reasoned opinion*), цель которого состоит в том, чтобы получить комментарии от представителей государства по

⁵ В данном исследовании мы используем наиболее распространенный в русскоязычной научной литературе по тематике перевод термина [1].

официальному уведомлению. В то же время национальное правительство должно предоставить доказательства того, что страна предпринимает шаги для возвращения к практикам ответственности. Если государство не предоставляет каких-либо комментариев по мотивированному мнению Комиссии в течение двух месяцев или если предоставленный комментарий расценивается как неудовлетворительный, ЕК передает дело о нарушении в Европейский суд. На последнем этапе Суд принимает решение о том, насколько обоснованы требования Комиссии в отношении государства-члена, и назначает санкции данному государству в виде штрафа. Если оно не выполняет решение Суда, процесс начинается заново и размер финансового наказания увеличивается [26; 31].

Г. Фалкнер и соавторы [28, р. 278], а также Дж. Таллберг [24, р. 619] отмечают, что ЕК выигрывает более 90% дел, которые направляются в Европейский суд. Исходя из этого, многие авторы приходят к выводу, что процедура рассмотрения нарушений норм права ЕС является наиболее эффективным инструментом, доступным институтам Союза для противодействия нарушениям его права [16; 31; 32]. Исследование Б. Стеуненберга и Д. Тошкова [17], где в качестве пула выступают 27 стран – членов Евросоюза, показывает, что после того, как в 1992 г. Комиссия получила возможность использовать процедуру рассмотрения нарушения норм права ЕС, их абсолютное количество уменьшилось.

Тем не менее выводы об эффективности процедуры рассмотрения нарушений кажутся не настолько надежными, если мы обратимся к трехэтапному подходу к операционализации процесса обеспечения ответственности, который был описан выше. Одной из ключевых проблем процесса обеспечения ответственности в Европейском союзе является дефицит имплементации, то есть несоответствие между транспонированными нормами и их применением и соблюдением на национальном и субнациональном уровнях управления. Сравнительные исследования, проведенные Ф. Шиммельпфеннигом [32] и Р. Томсоном [33], демонстрируют, что процедура рассмотрения нарушений норм права ЕС является гораздо менее эффективным инструментом, когда речь идет об имплементации и применении норм.

Описанная теоретическая перспектива позволяет сформировать четкое представление об основных институтах наднационального уровня принятия решений в Евросоюзе и инструментах, которые используются для противодействия нарушениям права ЕС. Не менее важным является вопрос о том, какими стратегиями руководствуются

государства-члены в рамках процесса обеспечения ответственности.

Большинство исследований, посвященных вопросу реакции членов ЕС на правоприменительные действия институтов последнего, выделяют три стратегии реагирования на повестку обеспечения ответственности: (1) безусловное обеспечение ответственности, (2) переговоры о лучших условиях обеспечения ответственности и (3) игнорирование требований нормативного регулятора в течение максимально долгого периода времени [31; 32]. Эти стратегии наиболее полно раскрыты в работе Г. Фалкнер и соавторов [28]. Исследователи выделяют три “мира ответственности”: “мир соблюдения закона” (*world of law observance*), “мир внутренней политики” (*world of domestic politics*) и “мир нарушения транспонирования” (*world of transposition neglect*). В мире “соблюдения закона” можно найти государства, для которых “повестка обеспечения ответственности перевешивает внутренние проблемы” [28, р. 405]. Они редко отходят от модели ответственности и быстро исправляют нарушения права ЕС. Мир “внутренней политики” включает в себя страны, для которых внутренняя политика имеет чрезвычайно важное значение, а “соблюдение права ЕС, в лучшем случае, – одна из многих целей” [28, р. 405]. Такие страны часто сталкиваются с проблемами обеспечения ответственности и рискуют потерпеть неудачу в транспонировании, имплементации и применении необходимых частей *acquis*, если это прямо противоречит национальным интересам. Наконец страны из мира “нарушения транспонирования” демонстрируют абсолютное отсутствие интереса к вопросу обеспечения ответственности. Они начинают действовать только после того, как ЕК и Суд приступают к процедуре рассмотрения нарушений норм права ЕС, и зачастую только имитируют имплементацию и применение соответствующих норм [28, р. 405].

Альтернативный взгляд на пул стратегий стран-членов, участвующих в “двухуровневой игре” с институтами Европейского союза, предлагает Т. Бёрцель. Он делит страны ЕС на три группы: “задающие тон” (*pace-setters*) – активно продвигающие свою интерпретацию норм на уровне национальных институтов; “волокуши” (*foot-draggers*) – блокирующие или откладывающие принятие дорогостоящих для них норм; “выжидающие” (*fence-sitters*) – не предпринимаящие никаких действий для защиты своей позиции на наднациональном уровне и согласные со своим статус-кво [31]. Теория Бёрцель относится к большому блоку литературы, который фокусируется на способности стран-членов продвигать свои интересы на наднациональном уровне посредством

“торгов” (*bargaining*) и коалиционного поведения [32; 34].

МОТИВЫ УЧАСТНИКОВ “ДВУХУРОВНЕВОЙ ИГРЫ”

Для того чтобы понять логику действий институтов Европейского союза, прежде всего ЕК в рамках процесса обеспечения ответственности, необходимо обратиться к теории рационального выбора. Она предполагает, что участники игры стремятся сократить издержки и увеличить потенциальные выгоды от реализации конкретной альтернативы или решения. По словам Т. Кёнига и Л. Мэдера, при запуске процедуры рассмотрения нарушений норм права ЕС Комиссия руководствуется именно рационалистической логикой [16]. Развивая мысль Кёнига и Мэдера, М. Блаубергер и М. Вейсс отмечают, что Европейская комиссия начинает процедуру рассмотрения нарушений против государства только в случае уверенности в том, что последнее фактически нарушает закон и что ее претензии Суд поддержит [27, р. 1130]. В своем теоригровом исследовании авторы определяют основные риски для Комиссии как “потерю легитимности институтов ЕС”, а выигрыши – как “увеличение нормативной мощи ЕС” [27, р. 1130]. Иными словами, процедура рассмотрения нарушений способна не только формально вернуть государство в рамки закона, но также привести к репутационным издержкам для Евросоюза в том случае, если нарушение не доказано или если государство избегает наказания за свои противоправные действия. И все же, как отмечалось выше, Еврокомиссия выигрывает большинство дел, связанных с нарушениями права ЕС. Причина ее успехов на этом поприще заключается в том, что Суд как второй “хранитель договоров” также заинтересован в соблюдении права Европейского союза [30, р. 17]. Таким образом, риск возрастания издержек для Комиссии в ходе процедуры рассмотрения нарушений норм права ЕС остается минимальным.

Еврокомиссия подвергается куда большему риску, если она инициирует нестандартную процедуру рассмотрения нарушений. В качестве важного кейса такой процедуры выступает инициирование ст. 7 Договора о Европейском союзе (*Treaty on European Union, TEU*) против Венгрии и Польши, которое не привело к исправлению нарушений со стороны этих государств, поскольку в Совете министров не было достигнуто консенсуса для принятия этого решения. Г. Фалкнер отмечает, что в случаях “нестандартной процедуры принуждения”, то есть принуждения, не связанного с базовой процедурой, Комиссия руководствуется не только принципом рациональности, но и своей

способностью влиять на другие ключевые институты Евросоюза [26, р. 45]. ЕК “боится процедуры единогласного голосования” [26, р. 46] в Совете министров, поэтому прибегает к нестандартным механизмам принуждения только в самых крайних случаях.

Ранее мы описали три возможные стратегии, которые могут быть использованы странами ЕС в процессе обеспечения ответственности: (1) безусловное обеспечение ответственности, (2) переговоры о лучших условиях обеспечения ответственности и (3) игнорирование требований нормативного регулятора в течение максимально долгого периода времени. Выбор определенной стратегии основан на конкретных базовых характеристиках и мотивах государств, которые подробно описаны Ф. Шиммельпфеннигом [32] и У. Седельмайером [29]. Исследователи выделяют пять факторов, которые лежат в основе выбора одной из вышеперечисленных стратегий: (1) уровень экономического развития, (2) влияние и роль в рамках институтов ЕС, (3) сила административного аппарата, (4) коалиционное поведение и (5) правовое рассогласование.

Государства – члены Евросоюза вынуждены балансировать между издержками от финансовых санкций за нарушение права ЕС и выигрышами от невыполнения требований наднациональных регуляторов, связанных с адаптацией к новым общеевропейским правилам игры. Как отмечает П. Хаас, для таких держав, как Франция и Италия, выплата штрафов обходится дешевле, чем имплементация и применение определенных частей *acquis*, в связи с чем они предпочитают игнорировать требования институтов ЕС и не выполнять их инструкции [9]. В свою очередь, для небольших стран – Бельгии или Чехии – принятие новых правил игры и избежание санкций является более выгодной стратегией.

Гипотеза о влиянии и силе позиции в рамках институтов ЕС коррелирует с теорией Т. Бёрцель о “задающих тон”, “волокушах” и “выжидающих”. Т. Бёрцель и соавторы [3] утверждают, что крупные государства ЕС-15, которые обладают наибольшим влиянием в Совете министров, пытаются максимально использовать свой потенциал при формировании нормативной повестки и стремятся либо продать принятие решений, которые отвечают их национальным интересам, либо блокируют и задерживают принятие решений, имплементация и реализация которых может привести к большим издержкам. Территориально маленькие страны и некоторые страны-члены из Центральной и Восточной Европы из-за небольшого числа представителей в Европейской комиссии и относительно слабой позиции в Совете министров обычно не

принимают мер для корректировки формируемой повестки. Они предпочитают обращаться за помощью к институтам ЕС в случае возникновения проблем с транспонированием, имплементацией или применением частей *acquis*.

Большое количество исследований сосредоточено на изучении национальной бюрократии как одного из главных факторов успеха или провала процесса обеспечения ответственности. Т. Хофманн [25], Г. Фалкнер и соавторы [28] указывают на то, что административная сила государств Евросоюза лежит в основе их способности соблюдать сроки, установленные наднациональными институтами, и транспонировать, имплементировать и принимать части *acquis* без серьезных нарушений.

Вместе с тем коалиционное поведение напрямую связано со стратегией “торгов”, которая является краеугольным камнем отношений в рамках “двухурвневой игры”. Ф. Шиммельпфенниг [32] подчеркивает, что государства, обладающие достаточной ресурсной базой для создания коалиций, имеют больше шансов отстаивать свои собственные и коллективные интересы. Дж. Петерсон указывает на “самые могущественные страны” в ЕС – Германию, Францию и Великобританию, обладающие наиболее развитыми экономическими системами. Автор отмечает, что они во многих случаях выступают в качестве антагонистов и вовлекают менее крупные и влиятельные страны в свою “коалиционную орбиту” [23, p. 67].

Наконец, большой блок литературы подчеркивает важность правового несоответствия, то есть разрыва между правом ЕС и существующим национальным нормативным порядком [17]. Работы Р. Томпсона [33], Б. Стеуненберга и Д. Тошкова [17] и П. Хааса [9] возвращают нас к идее о том, что страны, столкнувшиеся с необходимостью принятия правил игры Евросоюза, в большинстве случаев стремятся действовать рационально. Гипотеза правового несоответствия подразумевает, что государства, где законодательство имеет минимальное расхождение с практиками, сформулированными нормативным регулятором, не испытывают проблем с транспонированием, имплементацией и применением, поскольку они не несут значительных издержек в результате принятия новых правил игры. В свою очередь, если нормы ЕС вступают в прямой конфликт с национальным законодательством, существует высокая вероятность того, что соответствующие нормы *acquis* будут транспонированы, имплементированы и применены с нарушениями. Для иллюстрации влияния правового несоответствия на процесс обеспечения ответственности Дж. Селин [35] приводит пример имплементации директивы, регулирующей игорную

политику в Финляндии и Швеции. В Финляндии действующее законодательство не противоречило директиве, поэтому страна своевременно транспонировала данную часть *acquis communautaire* и не допустила нарушений в ее имплементации и применении. В то же время Швеция была вынуждена адаптировать директиву к существующему национальному законодательству, что вызвало серьезную задержку в транспонировании и, как следствие, запустило процедуру рассмотрения нарушений норм права ЕС.

* * *

Если попытаться суммировать теоретические положения, описанные нами в этой статье, можно прийти к выводу, что в рамках процесса обеспечения ответственности страны – члены Евросоюза участвуют в двухурвневой игре, которая представляет собой попеременное использование “пряника и кнута” со стороны институтов ЕС – в первую очередь Еврокомиссии. В результате на определенных этапах игры страны Союза производят переоценку выигрышей и издержек от принятия нормативных требований Брюсселя либо под влиянием потенциального “пряника”, либо под угрозой большего “кнута”. Таким образом, по словам Ф. Шиммельпфеннига, у Евросоюза есть возможность изменять “баланс ответственности” и диктовать своим членам новые условия нормативного статус-кво [32, p. 832].

Свойства “двухурвневой игры” приводят к созданию дихотомии в выбираемых государствами-членами стратегиях ответственности. Исследователи, которые стремятся выявить причины дифференциации стран ЕС по уровню обеспечения ответственности, утверждают, что некоторые из них нарушают право ЕС намеренно, в то время как трудности процесса обеспечения ответственности для других детерминированы объективными причинами социально-экономического характера. Иными словами, речь идет о добровольном (*voluntary*) и недобровольном (*non-voluntary*) нарушении принципа ответственности [32].

В рамках данного исследования мы описали теоретическую перспективу, согласно которой государства склонны выбирать стратегию добровольного нарушения принципа ответственности, то есть игнорировать требования наднациональных регуляторов, в том случае, если они могут избежать потенциальных санкций за свое нарушение или если издержки от наложенных санкций воспринимаются ими как незначительные. Добровольно следующие *acquis communautaire* государства – небольшие и с эффективной бюрократией [11, 13]. Иными словами, высокий уровень нормативной ответственности в этой группе обеспечивается либо хорошо развитым административным аппаратом,

который позволяет странам снижать издержки от принятия новых правил игры и избегать проблемы правового несоответствия, либо их малым влиянием в институтах ЕС, которое не позволяет занимать позицию “задающих тон” или “волокуш” [31]. При этом страны, добровольно следующие нормам права Европейского союза, не готовы брать на себя финансовые издержки, связанные со стратегией отказа от принципа ответственности, и поэтому выбирают путь обеспечения ответственности как наиболее выгодную альтернативу.

В основе недобровольного нарушения принципа ответственности лежат слабость бюрократической системы и высокий уровень правового несоответствия. Б. Стеуненберг и Д. Тошков [17]

подтверждают этот тезис в своем сравнительном исследовании обеспечения ответственности в странах ЕС-15 и странах-членах из Центральной и Восточной Европы. Кумулятивный эффект двух детерминант недобровольного нарушения принципа ответственности оказывает влияние не только на “новых” членов, вступивших в Евро-союз в результате расширений 2004–2013 гг., но и на государства ЕС-15, прежде всего Францию и Италию.

В статье использованы результаты проекта “Стратегии и механизмы поддержания стабильности в многоуровневых политических системах”, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Чувальская И.П. Механизм ответственности государств-членов по праву Европейского Союза. *Вестник Московского университета МВД России*, 2014, № 6, сс. 252-254. [Chuvail'skaya I.P. Mekhanizm otvetstvennosti gosudarstv-chlenov po pravu Evropeiskogo Soyuza [Mechanism of responsibility of member States under the law of the European Union]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2014, no. 6, pp. 252-254.]
2. Кембаев Ж.М. Юридическая ответственность государств – членов Европейского Союза за нарушение норм Европейского права. *Современное право*, 2010, № 8, сс. 123-126. [Kembaev Zh.M. Yuridicheskaya otvetstvennost' gosudarstv – chlenov Evropeiskogo Soyuza za narushenie norm Evropeiskogo prava [Legal liability of member States of the European Union for violation of European law]. *Sovremennoe pravo*, 2010, no. 8, pp. 123-126.]
3. Börzel T.A., Hofmann T., Panke D., Sprungk C. Obstinate and inefficient: Why member states do not comply with European law. *Comparative Political Studies*, 2010, vol. 43, no. 11, pp. 1363-1390. DOI: 10.1177/0010414010376910
4. Banchoff T., Smith M. *Legitimacy and the European Union: the contested polity*. London, Routledge, 2005. 245 p.
5. Jørgensen K. E. *Reflective approaches to European governance*. Heidelberg, Springer, 2016. 262 p. DOI: 10.1093/ijpor/edy003
6. Börzel T.A., Risse T. One size fits all! EU policies for the promotion of human rights, democracy and the rule of law. *Workshop on Democracy Promotion*, 2004, vol. 4, pp. 509-523.
7. de Vreese C.H., Azrout R., Boomgaarden H.G. One size fits all? Testing the dimensional structure of EU attitudes in 21 countries. *International Journal of Public Opinion Research*, 2019, vol. 31, no. 2, pp. 195-219.
8. Dahl R.A. A democratic dilemma: system effectiveness versus citizen participation. *Political science quarterly*, 1994, vol. 109, no. 1, pp. 23-34. DOI: 10.2307/2151659
9. Haas P.M. Compliance with EU directives: insights from international relations and comparative politics. *Journal of European Public Policy*, 1998, vol. 5, no. 1, pp. 17-37. DOI: 10.1080/13501768880000021
10. Hartlapp M. On enforcement, management and persuasion: Different logics of implementation policy in the EU and the ILO. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 2003, vol. 45, no. 3, pp. 653-674. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2007.00721.x
11. Börzel T.A., Sedelmeier U. Larger and more law abiding? The impact of enlargement on compliance in the European Union. *Journal of European Public Policy*, 2017, vol. 24, no. 2, pp. 197-215. DOI: 10.1080/13501763.2016.1265575
12. Tallberg J. The anatomy of autonomy: an institutional account of variation in supranational influence. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 2000, vol. 38, no. 5, pp. 843-864. DOI: 10.1111/1468-5965.00267
13. Börzel T.A. How the European Union Interacts with Its Member States. *Institute for Advanced Studies*, 2003, pp. 1-23.
14. Tallberg J., Jönsson C. *Compliance bargaining in the European Union. (ECSA International Conference 2001)*. Madison, Wisconsin, 2001. 21 p.
15. Jordan A. The implementation of EU environmental policy; a policy problem without a political solution? *Environment and Planning C: Government and Policy*, 1999, vol. 17, no. 1, pp. 69-90.
16. König T., Mäder L. The strategic nature of compliance: An empirical evaluation of law implementation in the central monitoring system of the European Union. *American Journal of Political Science*, 2014, vol. 58, no. 1, pp. 246-263. DOI: 10.1111/ajps.12038
17. Steunenbergh B., Toshkov D. Comparing transposition in the 27 member states of the EU: the impact of discretion and legal fit. *Journal of European Public Policy*, 2009, vol. 16, no. 7, pp. 951-970. DOI: 10.1080/13501760903226625
18. European Commission. *Infringements*. Available at: https://ec.europa.eu/atwork/applying-eu-law/infringements-proceedings/infringement_decisions/?lang_code=en (accessed 19.11.2019).
19. Sabatier P., Mazmanian D. The implementation of public policy: A framework of analysis. *Policy Studies Journal*, 1980, vol. 8, no. 4, pp. 538-560.

20. Tallberg J. *European governance and supranational institutions: making states comply*. London, Routledge, 2002. 192 p.
21. Nicolaidis P. Preparing for EU Membership: The Paradox of doing what the EU does not require you to do. *Eipascope*, 2003, vol. 2003, no. 2, pp. 1-12.
22. Jacobson H.K., Weiss E.B. *Compliance with international environmental accords*. London, Routledge, 2006. 192 p.
23. Peterson J. Decision making in the European Union: Towards a framework for analysis. *Journal of European public policy*, 1995, vol. 2, no. 1, pp. 69-93. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501769508406975>
24. Tallberg J. Paths to compliance: Enforcement, management, and the European Union. *International Organization*, 2002, vol. 56, no. 3, pp. 609-643. DOI: <https://doi.org/10.1162/002081802760199908>
25. Hofmann T. How long to compliance? Escalating infringement proceedings and the diminishing power of special interests. *Journal of European Integration*, 2018, vol. 40, no. 6, pp. 785-801. DOI: [10.1080/07036337.2018.1500564](https://doi.org/10.1080/07036337.2018.1500564)
26. Falkner G. Fines against member states: An effective new tool in EU infringement proceedings? *Comparative European Politics*, 2016, vol. 14, no. 1, pp. 36-52. DOI: [10.1057/cep.2015.8](https://doi.org/10.1057/cep.2015.8)
27. Blauburger M., Weiss M. 'If you can't beat me, join me!' How the Commission pushed and pulled member states into legislating defence procurement. *Journal of European Public Policy*, 2013, vol. 20, no. 8, pp. 1120-1138. DOI: [10.1080/13501763.2013.781783](https://doi.org/10.1080/13501763.2013.781783)
28. Falkner G., Hartlapp M., Treib O. Worlds of compliance: Why leading approaches to European Union implementation are only 'sometimes true theories'. *European Journal of Political Research*, 2007, vol. 46, no. 3, pp. 395-416. DOI: [10.1111/j.1475-6765.2007.00703.x](https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2007.00703.x)
29. Sedelmeier U. After conditionality: post-accession compliance with EU law in East Central Europe. *Journal of European Public Policy*, 2008, vol. 15, no. 6, pp. 806-825. DOI: [10.1080/13501760802196549](https://doi.org/10.1080/13501760802196549)
30. Börzel T.A., Hofmann T., Panke D. *Who's afraid of the ECJ? Member states, court referrals, and (non-) compliance*. ECPR Joint Sessions, Granada 2005, pp. 14-19. Available at: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/5d9d25a9-7533-4832-8b6c-f2108a0f88c1.pdf> (accessed 19.11.2019).
31. Börzel T.A. Member state responses to Europeanization. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 2002, vol. 40, no. 2, pp. 193-214.
32. Schimmelfennig F. Strategic calculation and international socialization: Membership incentives, party constellations, and sustained compliance in Central and Eastern Europe. *International Organization*, 2005, vol. 59, no. 4, pp. 827-860. DOI: [10.1017/S0020818305050290](https://doi.org/10.1017/S0020818305050290)
33. Thomson R. Time to comply: national responses to six EU labour market directives revisited. *West European Politics*, 2007, vol. 30, no. 5, pp. 987-1008. DOI: [10.1080/01402380701617407](https://doi.org/10.1080/01402380701617407)
34. Schimmelfennig F., Engert S., Knobel H. Costs, commitment and compliance: The impact of EU democratic conditionality on Latvia, Slovakia and Turkey. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 2003, vol. 41, no. 3, pp. 495-518. DOI: [10.1111/1468-5965.00432](https://doi.org/10.1111/1468-5965.00432)
35. Selin J. National gambling policies and the containment of the EU's politico-legal influence. *Nordic Studies on Alcohol and Drugs*, 2009, vol. 36, no. 2, pp. 77-90. DOI: [10.1177/1455072519835703](https://doi.org/10.1177/1455072519835703)

TWO-LEVEL GAME OF THE PROCESS OF COMPLIANCE WITH THE EUROPEAN UNION LAW

(World Economy and International Relations, 2020, vol. 64, no. 5, pp. 52-61)

Received 26.01.2020.

Aleksei B. SORBALE (asorbale@hse.ru),

National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg), 3A, build. 1, Kantemirovskaya Str., St. Petersburg, 194100, Russian Federation.

Acknowledgements. The article uses the results of the Project "Strategies and Mechanisms of Maintaining the Stability in Multi-Level Political Systems", conducted as part of the HSE University Fundamental Research Program in 2019.

This article seeks to reveal the role of compliance in the functioning of the European Union as a system of multi-level governance and to observe the factors determining the differentiation of EU member states by the level of compliance with the European Union law. In order to determine this level, it is necessary to concentrate on three main stages of compliance: (1) transposition of the norm, (2) implementation of the norm and (3) application of the norm. The author concludes that, within the framework of the compliance process, member states and institutions of the EU, primarily the European Commission, participate in a "two-level game", in which they evaluate the gains and costs of choosing one or another strategy associated with the three stages of compliance. The European Union countries choose between: (1) unconditional compliance, (2) negotiation of better compliance conditions, and (3) ignoring the normative requirements for the longest possible period of time. In turn, supranational regulators, in their attempts to combat violations of the EU law, choose between the "soft" instruments of enforcement to compliance and the "hard" instruments of infringement. The choice of compliance strategies at the lower (national) level of power is determined by the following factors: (1) the level of economic development of the state, (2) the influence and role of the state within the framework of EU institutions, (3) the strength of the administrative apparatus

of the state, (4) the coalition potential of the state and (5) legal fit. Thus, some states violate the European Union law intentionally (voluntary non-compliance), while the difficulties of the compliance process for other countries are determined by objective reasons of a socio-economic nature (involuntary non-compliance). In turn, the supranational level of the “two-level game” when choosing a compliance strategy is guided by both administrative and reputational motives.

Keywords: compliance, European Union, European Union law, EU member states, two-level game.

About author:

Aleksei B. SORBALE, Postgraduate Student, Lecturer, Department of Applied Political Science.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-52-61

ДИСКУРСИВНАЯ СИЛА КНР ПРОТИВ НОРМАТИВНОЙ СИЛЫ ЕС: КАЗУС ИТАЛИИ¹

©2020 г. Е. Алексеенкова

*АЛЕКСЕЕНКОВА Елена Сергеевна, кандидат политических наук, доцент,
Институт Европы РАН, РФ, 125009 Москва, Моховая ул., д. 11, стр. 3 (alekseenkovaes@gmail.com).*

Статья поступила в редакцию 23.10.2019.

В статье проанализированы попытки Китая противостоять нормативной силе Европейского союза на примере присоединения Италии к “Инициативе пояса и пути”. Автор утверждает, что событие имело не столько экономическое, сколько политическое значение для обеих стран и для ЕС в целом, чем и была обусловлена публичная критика со стороны Брюсселя действий итальянского руководства. Казус Италии демонстрирует, что в противостоянии нормативной силе ЕС КНР использует определенную дискурсивную стратегию. Она заключается в том, чтобы сформировать внутри страны социальную сеть доверия, способную оказать влияние на процесс принятия политических решений. Итальянское “правительство перемен” оказалось наиболее “удобным” партнером, поскольку с момента своего создания отстаивало принцип национального суверенитета, тем самым ставя под вопрос эффективность нормативной силы Евросоюза.

Ключевые слова: Италия, КНР, “Инициатива пояса и пути”, нормативная сила, дискурсивная сила, социальные сети.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-62-72

Во время визита Си Цзиньпина в Рим 23 марта 2019 г. состоялось подписание руководством Итальянской Республики и КНР меморандума о сотрудничестве в рамках китайской “Инициативы пояса и пути” (*Belt and Road Initiative, BRI*). Италия стала первой страной “Большой семерки” и первым из государств – основателей Европейского союза, подписавших подобный меморандум. Событие многими было расценено как успешный пример китайской глобальной экономической экспансии, нацеленной на проникновение в том числе на рынки развитых стран ЕС. Критика в адрес итальянского руководства последовала и из Вашингтона, и из Брюсселя. Между тем сама экономическая составляющая подписанного меморандума [1] оказалась не столь значительна – по итогам встречи заключено контрактов всего лишь на 2.5 млрд евро. Прежде всего это позволяет выдвинуть гипотезу о политической значимости события.

Политическая значимость, как будет показано в данной статье, обусловлена тем, что подписание Италией меморандума явило собой успех китайской стратегии “дискурсивной силы” [2; 3; 4], с помощью которой Поднебесная наращивает социальный капитал в странах Евросоюза с тем, что-

бы противостоять нормативной силе ЕС² и оказать влияние на изменение границы “нормы” в отношении практик ведения бизнеса в свою пользу. Концепция нормативной силы, ставшая теоретической базой исследования, позволяет объяснить, почему свое активное проникновение в Европейский союз Китай начал с сотрудничества с государствами Центральной и Восточной Европы в рамках формата “16+1” [5], а затем и в формате “Инициативы пояса и пути”, и почему Италия под руководством популистского “правительства перемен” пополнила список таких государств: очевидно, эти страны в наименьшей степени являются трансляторами европейских норм и практик. Именно через взаимодействие с этими партнерами КНР надеется оказать влияние на трансформацию норм ЕС, то есть преодолеть нормативную силу Союза. Используемая в данном случае идея “Пояса и пути” дает Пекину возможность применить свою “дискурсивную силу” для привлечения сторонни-

¹ Автор выражает благодарность профессору В.М. Сергееву, директору Центра глобальных проблем ИМИ МГИМО МИД России, за полезные обсуждения и ценные рекомендации в процессе работы над статьей.

² Теорию нормативной силы сформулировал в 2002 г. И. Мэннерс для анализа возможностей Европейского союза на мировой арене. В соответствии с данной концепцией, нормативная база Союза сложилась в результате формирования общего видения его членами норм и принципов взаимодействия, на которые затем ЕС стал опираться и при взаимодействии с внешними акторами, в том числе его будущими членами. Ключевыми, с точки зрения данной концепции, являются легитимность норм и принципов, лежащих в основе нормативной базы, их распространение с помощью убеждения, а не навязывания, что придает нормативной силе социализирующую функцию.

ков сотрудничества с Китаем внутри этих стран, то есть для формирования социального капитала, который впоследствии может быть конвертирован в принятие политических решений в пользу КНР.

При этом “итальянское суверенистское” правительство, сформированное коалицией популистов “Лиги” и “Движения пяти звезд” 1 июня 2018 г., оказалось для Пекина наиболее “удобным” партнером, поскольку в силу внутренних проблем социально-экономического развития страны оно публично артикулировало проблемы возвращения к принципу национального суверенитета, демонстрируя тем самым готовность поставить под вопрос нормативную силу ЕС.

В первой части данной статьи будет показано, в чем заключается слабость нормативной силы ЕС в выстраивании отношений с Китаем. Во втором разделе будет проанализирован опыт развития сотрудничества Италии и КНР, свидетельствующий о том, что Рим, выстраивая отношения с Пекином на основе собственных национальных интересов, тем не менее вплоть до прихода к власти популистского правительства всегда действовал в русле нормативной силы ЕС. В третьей части статьи будет продемонстрировано, как формирование социальной сети прокитайски настроенных политиков и экспертов, а также развиваемый ими дискурс о приоритете национального суверенитета способствовали отказу Италии от принципа следования нормативной силе ЕС, и почему Италия оказалась одним из тех государств, на которые сделал ставку Китай.

ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНОЙ СИЛЫ ЕС В ВЫСТРАИВАНИИ ОТНОШЕНИЙ С КНР

Для понимания политического значения присоединения Италии к “Инициативе пояса и пути” необходимо обратиться к анализу проблемы политической акторности Европейского союза на международной арене, то есть его способности выступать единым субъектом международного взаимодействия, а не совокупностью внешнеполитических устремлений его членов.

Подписание меморандума между Итальянской Республикой и КНР состоялось в тот период, когда проблема глобальной роли ЕС в условиях противостояния США и Китая приобрела особую актуальность. В контексте роста протекционизма, торговых войн и риска утратить конкурентоспособность Евросоюза на глобальном рынке Брюссель находится в поиске инструментов, способных сдержать воздействие негативных тенденций на свои международные позиции. В качестве одного из инструментов такого “сдерживания” с 2017 г. в ЕС рассматривался “Скрининг прямых ино-

странных инвестиций в стратегических отраслях” [6], направленный, по мнению большинства экспертов, именно на сдерживание проникновения Китая в стратегические сектора экономики Союза. На фоне этого процесса позиция итальянского “правительства перемен”, выступившего, в отличие от предыдущего проевропейского правительства, против “Скрининга”, а затем согласившегося и на подписание меморандума о присоединении к “Инициативе пояса и пути”, выглядит как идущая вразрез с общей линией Брюсселя и подрывающая акторность ЕС на международной арене.

Однако представляется, что тактический выбор момента подписания меморандума был обусловлен именно тем, что проблема акторности ЕС на международной арене еще отнюдь не решена и Союз находится в фазе преодоления противоречий между национальными и наднациональными интересами в выстраивании взаимоотношений с внешним миром. Опираясь терминами неoinституционализма, можно сказать, что ЕС находится в “серой зоне”, когда старые нормы и правила утратили свою актуальность и эффективность, а новые еще не выработаны и не получили консенсусной легитимации всеми участниками процесса. В условиях “серой зоны” шансы внешних акторов оказать влияние на процесс принятия решений оказываются наиболее велики. В чем, однако, конкретно состоит проблема акторности Европейского союза? И почему страны – участницы формата “16+1”, затем подписавшие соглашение о сотрудничестве с Китаем в рамках “Инициативы пояса и пути”, а теперь и Италия, оказались не готовы отстаивать акторность Союза во взаимодействии с КНР и выбрали двусторонний трек взаимодействия с ним, подрывая тем самым эффективность нормативной силы ЕС?

Исследователи выделяют несколько способов решения проблемы коллективного действия в выстраивании отношений Евросоюза с внешней средой [7]. С одной стороны, широко используется институциональный подход, представляющий собой попытку формирования наднациональных институтов как норм регулирования поведения государств-членов на международной арене и ограничения возможностей для их оппортунистического образа действий в отношениях с третьими странами. Однако слабая сторона данного подхода заключается в том, что процесс формирования новых институтов происходит довольно медленно в силу необходимости их консенсусной легитимации государствами – участниками Союза. При этом глобальная политическая и экономическая ситуация зачастую формирует вызовы, требующие оперативного реагирования, и в этих случаях рассчитывать на институциональный подход – озна-

чает упускать возникающие возможности и быть застигнутыми врасплох новыми рисками и угрозами. С другой стороны, компенсацией медлительности процесса формирования институтов может служить возникновение так называемого гегемона, который, обладая легитимностью, основанной на авторитете, экономической мощи и политическом влиянии, начинает выполнять функцию столь важного элемента в теории неинституционализма [8], как *“third-party enforcement”*³. В условиях “серой зоны” роль легитимной “третьей стороны” приобретает особое значение в определении того, где пролегают границы “нормы”, то есть в данном случае — что есть “норма” для отношений ЕС с внешним миром. В настоящее время, очевидно, роль “гегемона” стремится взять на себя франко-немецкий тандем. Однако степень его легитимности в восприятии ряда государств-членов является не слишком высокой, что накладывает определенные ограничения на способность Берлина и Парижа эффективно влиять на определение границ “нормы” и формирование желаемых практик взаимодействия Евросоюза с третьими странами.

Третий инструмент формирования коллективного действия на внешнеполитической арене, как отмечают Ю. Жданова и И. Истомина, — это совместная социализация участников, когда происходит “интернизация” социальных норм, а их выполнение превращается в самостоятельную ценность. Однако данный процесс также носит довольно медленный и неравномерный характер. При этом ключевым фактором, влияющим на скорость и качество процесса социализации, выступает эффективность нормативной силы ЕС.

Дискуссии вокруг концепции нормативной силы ЕС ведутся уже почти два десятка лет [9]. Нормативная сила является, по сути, совокупностью неформальных институтов, которые отражают нормы и правила взаимодействия до того момента, пока не сформированы институты формальные. Так, в частности, Я. Мэннерс [10] подчеркивает, что способность определять границы “нормального” является чрезвычайно важной с точки зрения внешней политики Европейского союза, который посредством формулирования новых актов создает общее видение государств-членов, причем степень схожести этого видения и является ключевым параметром эффективности нормативной силы. Е. Павлова и Т. Романова отмечают также, что нормативная сила есть инструмент преодоления “инаковости” Другого, и если этого преодоления не наступает, то нормативной силы не возникает. В процессе своего расширения ЕС применял нор-

мативную силу как для социализации новых членов, так и во взаимодействии со странами за его пределами, распространяя собственные нормы, ценности, картину мира. Однако именно расширение Союза, по мнению Е. Павловой и Т. Романовой, оказало негативное влияние на устойчивость его нормативной силы и повлекло снижение эффективности последней: распространяемые на новых членов ценности и нормы в процессе синтеза с местными социокультурными особенностями приобрели большую вариативность интерпретаций и оказались частично размытыми.

Слабость нормативной силы ЕС в государствах Центральной и Восточной Европы, на которую указывают исследователи, по мнению автора, и стала тем фактором, который оказал наибольшее влияние на выстраивание взаимодействия с Китаем государств Центральной и Восточной Европы в формате “16+1”.

Таким образом, ключевой функционал нормативной силы заключается в преодолении “инаковости” объекта воздействия. Как, однако, в Евросоюзе понимают “инаковость”? Для того чтобы операционализировать данную концепцию в отношении взаимодействия Брюсселя и Пекина, представляется необходимым ввести в научный инструментарий изучения нормативной силы понятие “практики”⁴ [11]. Формирование у контрагента определенного типа практик, с точки зрения автора, является ключевой целью нормативной силы. Использование *иных* практик, как показывает анализ дискурса вокруг связей ЕС и КНР, считают в Брюсселе основным критерием “инаковости”: именно практики, используемые Китаем в процессе ведения бизнеса за рубежом, вызывают наибольшее отторжение у сторонников ужесточения контроля за деятельностью КНР в Европейском союзе, и именно на исправление этих практик нацелена нормативная сила ЕС. Критика из Брюсселя в адрес итальянского руководства [12], принявшего решение о присоединении к “Экономическому поясу Шелкового пути” (ЭПШП), была аргументирована как раз тем, что пока Евросоюз не сформировал единого подхода в определении границ нормы и приемлемых практик взаимодействия с Китаем, Италия, подписывая соглашение, тем самым как бы соглашается с используемыми китайцами практиками ведения бизнеса.

³ Под термином *“third-party enforcement”* в неинституционализме понимают актора, выполняющего роль арбитра, гарантирующего выполнение контракта и накладывающего санкции за его неисполнение.

⁴ Под “практиками” автор подразумевает (вслед за О. Хархординим и В. Волковым [11]) “рутинизированный тип поведения”, опирающийся на набор фоновых или неявных знаний, которые определяют паттерн поведения в конкретной ситуации. Практики экономической деятельности, политического участия, решения споров придают смысл таким понятиям, как демократия, либерализм и пр. Таким образом, конкретные способы деятельности, на фоне которых используются данные термины, и определяют их действительный смысл.

Однако, несмотря на то что концепция нормативной силы внесла существенный вклад в осмысление взаимодействия ЕС с КНР и КНР с государствами ЦВЕ, представляется, что проблема до конца не решена. В частности, присоединение Италии к “Инициативе пояса и пути” ставит вопрос о том, почему одно из государств – основатель Европейского союза, которое, как ожидалось, должно было бы стать основным “транслятором” нормативной силы ЕС вовне, вдруг, напротив, оказалось в одном ряду с государствами Центральной и Восточной Европы и ставит под сомнение акторность Евросоюза на внешнеполитической арене, эффективность его нормативной силы? Почему в Брюсселе считают Италию потенциальным “проводником” китайских практик в ЕС?

ИТАЛИЯ–КНР: МЕЖДУ НОРМАТИВНОЙ СИЛОЙ И НАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСОМ

Политика Италии в отношении Китая всегда была переменной, зависимой от балансирования Рима на грани евроатлантической солидарности и национального интереса. Двумя незыблемыми столпами итальянской внешней политики исторически стали европеизм и атлантизм. Государство – основатель Европейского союза и НАТО, Итальянская Республика никогда не оспаривала свою принадлежность к “западному блоку” во времена холодной войны; выступала сторонником расширения ЕС и углубления европейской интеграции и евроатлантической солидарности в постбиполярный период. Однако сотрудничество с КНР всегда рассматривалось здесь как возможность для реализации собственных экономических интересов и как балансир в отношениях с США.

Со времен основания Китайской Народной Республики Италия открыто стремилась к официальному признанию правительства в Пекине. С начала холодной войны все дипломатические усилия Итальянской Республики были направлены на преодоление тех ограничений, которые накладывало противостояние двух блоков на реализацию национальных интересов страны. Поэтому в тот момент в Риме смотрели на взаимодействие с Пекином как на способ продемонстрировать некоторую самостоятельность по отношению к Вашингтону и НАТО. Однако Франция тогда обладала большей независимостью от США, что позволило де Голлю опередить итальянцев и смело признать КНР в 1964 г.

В итоге Итальянская Республика признала КНР лишь в 1970 г., а возникшее вслед за дипломатическим признанием “окно возможностей” оставалось открытым совсем недолго. В 1971 г. самая

большая за все времена делегация европейского государства прибыла из Рима в Пекин. В Италии событие позиционировалось как огромная возможность для развития экономики страны [13]. По итогам визита 21 октября 1971 г. было подписано первое коммерческое соглашение между государством – членом Европейского экономического сообщества и Китаем. Однако впоследствии это дало очень скромный коммерческий эффект и фактически не повлияло на объемы двусторонней торговли. А уже в 1972 г., после того как Ричард Никсон объявил окончательную разрядку и за этим последовало политическое признание КНР со стороны Соединенного Королевства, Японии и Западной Германии, итальянский бизнес оказался в условиях жесточайшей конкуренции с компаниями этих стран, которую проиграл [13].

“Золотой век” итальянско-китайских отношений пришелся на 1980-е годы, когда сторонами была запущена программа “сотрудничества в целях развития” (“*cooperazione allo sviluppo*”). Италия стала крупнейшим донором КНР и вторым торговым партнером Поднебесной после Германии, сыграла важную роль в модернизации китайской армии.

В конце 1980-х годов Италия снова оказала важную “услугу” китайскому правительству, прилагая серьезные дипломатические усилия для ослабления санкций в отношении Пекина, наложенных Советом ЕС после событий на площади Тяньаньмэнь⁵. В 1991 г. Рим выделил Пекину 600 млрд лир на строительство аэропорта Пудун в Шанхае и еще 10 млрд на реализацию программ развития, что в совокупности давало Италии возможность занять стратегические позиции на китайском рынке. Однако уже несколько недель спустя итальянское руководство, а также партийная элита по всему политическому спектру оказались полностью сметены операцией “Чистые руки”⁶. Программа “сотрудничества в целях развития”, а также инвестиции в Пудун оказались свернуты, а Италия так и не смогла впоследствии вернуть себе прежнюю роль в экономике Китая.

В целом история послевоенного итальянско-китайского сотрудничества позволяет сделать несколько ключевых для анализа современных отношений выводов. Во-первых, Италия всегда видела в КНР возможности для собственного экономического развития. Будучи исторически государством,

⁵ Серия акций протеста на площади Тяньаньмэнь в Пекине продолжалась с 15 апреля по 4 июня 1989 г., ее главными участниками были студенты. Протесты были жестко подавлены властями, в результате чего погибло, по разным оценкам, несколько сотен человек.

⁶ Беспрецедентный комплекс полицейских мероприятий и судебных процессов в Италии 1992–1993 гг., направленный против влияния организованной преступности (мафии) в правоохранительных органах и политике.

основанным на торговле, Итальянская Республика демонстрировала стремление избегать конфликтов с великими державами, балансировать между их противоречиями и вела тонкую дипломатическую работу для реализации своих экономических интересов. Однако, за исключением очень коротких периодов истории, эта страна проигрывала в экономической конкуренции за китайский рынок с локомотивами ЕС – Францией, Великобританией и Германией. Отношения с КНР в послевоенное время были для Италии прежде всего противовесом сильной зависимости от Вашингтона и возможностью нарастить свой вес в Европе.

С точки зрения Пекина, Италия, будучи средней западной державой, не представляла особого экономического интереса, за исключением сферы технологий. Но вот предпринимаемые этой страной дипломатические усилия для признания КНР, обеспечения ему места в ООН, снятия санкций после событий на Тяньаньмэнь послужили для Пекина хорошей “тренировкой” в налаживании сотрудничества с государствами Запада.

С 1990-х годов начинает формироваться институциональная база взаимодействия ЕС и КНР и развиваться нормативная сила, отражающая общее видение Брюсселя в направлении сотрудничества с Пекином. Отношения Италии и Китая перешли в русло подходов, сформулированных европейскими институтами. В 1995 г. Европейская комиссия выпустила первые документы, представляющие собой попытку выработать общую стратегию “конструктивного взаимодействия” ЕС с КНР [14]. С 1995 по 2001 г., будучи главой Европейской комиссии, Романо Проди принимал активное участие в выработке общеевропейского подхода к этому вопросу. Это был период максимальной вовлеченности Рима в процесс углубления европейской интеграции. В 2003–2004 гг. десять стран Евросоюза, включая Италию, подписали документы о “стратегическом партнерстве” с Китаем. В 2010-е годы Европейская комиссия и сформированная на тот момент Европейская служба внешних связей, взаимодействуя с Пекином, не только старались выстраивать отношения прагматичного торгово-экономического сотрудничества, но и постоянно делали акцент на нормативно-ценностном подходе, критикуя китайское правительство за несоблюдение прав человека и недемократичность во внутренней политике [15].

В тот же период в ЕС начали замечать, что КНР, публично приветствуя развитие и углубление европейской интеграции, начинает активно действовать на двусторонней основе с государствами – членами Союза. По словам Р. Проди, “Европа не смогла начать говорить с Китаем в один голос и поэтому потеряла власть и доверие. Ей не уда-

лось ответить быстро и согласованно ни на один глобальный вызов” [16]. Именно в этом Проди видит причину фрагментации Евросоюза в отношениях с Китаем и стремление ряда европейских государств развивать отношения на двусторонней основе.

Однако помимо фактора фрагментации ЕС важную роль в этом процессе сыграл глобальный экономический кризис. Как отмечают итальянские исследователи [15; 17], государства Южной Европы оценили доверие Китая, оказанное странам европейской “периферии” в начале 2010-х годов, когда, несмотря на кризис, Пекин продолжил инвестирование в их экономики.

В период экономического кризиса 2010–2014 гг. КНР начала действовать на двух направлениях одновременно [18]: активно выстраивая отношения с официальным Брюсселем, она в то же время укрепляла двусторонние связи, понимая, что страны Евросоюза движутся с разными скоростями и зачастую разнонаправленно.

Тогда же, в 2010-е годы, Китай стал активно развивать сеть собственных интеллектуальных центров, на базе которых и начали формироваться подходы к взаимодействию со странами ЕС. Одним из таких учреждений стал Центр итальянских исследований в Чжэцзянском университете. Ряд исследовательских программ по вопросам отношений с КНР был открыт и в Италии. Так, в частности, широко известный эксперт по итальянско-китайским отношениям Джованни Адорнино⁷ возглавил “*TOChinaHub*” в Университете Турина – площадку полуторного трека⁸, где взаимодействуют эксперты и политики двух стран. Он же возглавляет “*Global China Program*” в Туринском институте глобальных проблем (*Torino World Affairs Institute*), а также программу “*China MED*” в Университете Пекина. Энрико Фарделла⁹, доцент кафедры истории и директор Центра средиземноморских исследований Пекинского университета, научный сотрудник Центра международных исследований имени Вудро Вильсона, является директором по региональным исследованиям деловой программы “*China MED*”. С 2010-х годов эксперты этих исследовательских центров начали активно прорабатывать тематику итальянско-китайского сотрудничества. Появился ряд статей, в которых последовательно проводится идея “упущенных

⁷ Adornino Giovanni: *personal page on University of Torino web-page*. Available at: <https://www.unito.it/persona/giovanni.andornino> (accessed 16.07.2019).

⁸ Под “полуторным треком” принято понимать взаимодействие на уровне экспертных сообществ с участием бывших или реже действующих высокопоставленных чиновников и политиков.

⁹ Enrico Fardella on *ChinaMED web-page*. Available at: <https://www.chinamed.it/research-team> (accessed 16.07.2019).

возможностей” Италии в Китае и формулируются концептуальные подходы к развитию стратегии отношений двух стран.

В первой половине 2010-х годов Италия искала возможности преодоления последствий глобального экономического кризиса, и именно в этом контексте она начала формировать стратегический подход к взаимодействию с Пекином. “Дипломатия в целях развития” под руководством министра иностранных дел Эммы Бонино была направлена на использование “окна возможностей”, открывшихся в связи с постепенным отходом Китая от концепции Дэн Сяопина и пересмотром своей роли в глобальном мире. Уже тогда, в 2013 г., Д. Адорнино подчеркивал, что Италия может сыграть три ключевых роли: 1) обеспечить взаимовыгодный обмен китайских инвестиций на итальянские технологии и компетенции; 2) содействовать формулировке общеевропейского подхода к китайским инвестициям и политики противодействия тем практикам Китая, которые в Евросоюзе рассматривают как нечестные и асимметричные, тем самым способствуя выработке новых глобальных правил игры, которые устраивали бы и развитые, и развивающиеся страны; 3) обеспечить взаимовыгодное сотрудничество КНР и ЕС в Средиземноморье, где возможно создание логистического хаба в итальянском Меццоджорно. По мнению эксперта, это давало бы эффект тройной выгоды (*win-win-win*), поскольку отвечало бы одновременно растущим интересам Китая в отношении ресурсов региона, задачам Италии в сфере экономического развития юга страны и потребностям государств Африки в переходе к качественному росту [19].

Стратегический взгляд на сотрудничество с Поднебесной стал давать свои плоды под руководством левоцентристов во главе с Маттео Ренци в 2014–2015 гг. В 2014 г. был подписан “План по укреплению экономического сотрудничества Италии и Китая на период 2014–2016 гг.”. Тогда же был учрежден “Бизнес-форум Италия–Китай”, и КНР начала активную покупку акций итальянских компаний [20]. К 2015 г. Поднебесная вложила в покупку итальянских активов 54 млрд долл. В сфере технологий и инфраструктуры Китай приобрел 40% акций *Ansaldo Energia* и 35% *Cdp Reti (Terna, Snam)*. Центральный банк КНР купил по 2% акций восьми крупнейших итальянских компаний: *Fiat Chrysler Automobiles, Telecom Italia, Prysmian, Generali, Mediobanca, Saipem, Eni* и *Enel* [21]. В том же 2015 г. состоялась сделка по покупке акций *Pirelli* китайской *China National Chemical Corporation*. Итальянскими экспертами это было расценено как знак “доверия” к итальянской экономике и ее возможностям роста, как фактор, способствующий улучшению репутации страны на глобальной арене.

В 2015 г. в итальянской экспертной среде появились идеи о том, что возможно развитие сотрудничества Рима и Пекина в борьбе с исламским экстремизмом и терроризмом: в китайском случае речь шла о Синьцзяне, в итальянском – об угрозах, исходящих из Африки. Также отмечалось, что если КНР и Итальянская Республика смогут совместно содействовать стабилизации в Африке, то это существенно улучшит образ Китая в Италии, общественное мнение которой о Поднебесной было хуже, чем в любой другой стране ЕС [17].

В том же 2015 г. председатель итальянского Сената Пьетро Грассо в ходе официального визита в Пекин впервые публично выразил интерес своей страны к китайской инициативе “Один пояс, один путь” [21].

Однако последний раунд конституционной реформы КНР, в частности продление полномочий Си Цзиньпина, а также ужесточение контроля над гражданским обществом в сочетании с более напористой внешней политикой Китая и “нечестными” экономическими практиками привели к тому, что Италия в феврале 2017 г. присоединилась к Германии и Франции в разработке механизма скрининга стратегических инвестиций [22, р. 6]. Инициатива была явно нацелена на блокирование приобретения европейских стратегических активов китайскими государственными предприятиями. Тем не менее одновременно с этим премьер-министр Италии Паоло Дженгилони принял участие в Форуме “Инициативы пояса и пути” в Пекине в мае 2017 г. На форуме он был единственным главой правительства из государств – членов Евросоюза и стран G7. Это прекрасно отражает присутствовавшее на том этапе противоречие между стремлением Италии быть проводником нормативной силы ЕС и отстаивать собственные национальные интересы.

Таким образом, анализ истории взаимоотношений Италии и Китая показывает, что политика Рима в направлении Пекина всегда была обусловлена, во-первых, объективным экономическим интересом и, во-вторых, стремлением балансировать отношения с ведущими государствами Европейского союза и США. Однако при этом левоцентристские правительства, пребывавшие у власти после кризиса 2010–2011 гг., были проевропейскими и стремились к тому, чтобы Италия играла одну из ключевых ролей в углублении и расширении европейской интеграции. Поэтому их политика в отношении КНР развивалась в русле нормативной силы ЕС. Этим объясняется следующий факт: несмотря на то что и правительство М. Ренци, и кабинет П. Дженгилони активно развивали сотрудничество с Китаем, это не вызывало столь бурной реакции в Брюсселе. В чем же тогда

причина изменения позиции ЕС и придания столь большой политической значимости подписанию меморандума о сотрудничестве в рамках “Инициативы пояса и пути” весной 2019 г.?

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ ИТАЛИИ ПРОТИВ НОРМАТИВНОЙ СИЛЫ ЕС

Представляется, что можно выделить два главных фактора, повлиявших на готовность Италии поставить под вопрос эффективность нормативной силы ЕС: 1) присутствие в правительстве Джузеппе Конте, а в околоправительственных кругах – социальной сети¹⁰ прокитайски настроенных политиков и экспертов, оказывающих существенное влияние на процесс принятия решений; и 2) политический дискурс “правительства перемен” в отношении Брюсселя, строившийся на концепции приоритета “национального суверенитета”. Рассмотрим подробнее оба фактора.

Персональный состав сформированного 1 июня 2018 г. кабинета Дж. Конте демонстрирует, что главные позиции в нем заняли сторонники углубления взаимодействия с КНР. Среди них – Джованни Триа¹¹ и Микеле Джерачи¹² [23]. Именно Джерачи был инициатором ряда “популистских” экономических мер, против которых выступал Брюссель. Он стал главной фигурой “*Task Force China*” – специального подразделения Министерства экономического развития, созданного в начале 2018 г. [24, р. 7]. Формирование подобной сети подтверждает тезис о том, что Китаю с помощью “дискурсивной силы”, базирующейся на идее “Пояса и пути”, удалось создать определенный социальный капитал, который теперь может быть воспринят в Брюсселе как “проводник” китайского влияния в Италии, и возникают опасения о возможности распространения этого влияния далее в другие страны ЕС в случае, если опыт итальянско-китайского сотрудничества окажется успешным.

¹⁰ Под научным термином “социальная сеть” здесь понимается наличие некой общности людей (политиков, экспертов, ученых), между которыми существуют определенные связи.

¹¹ Министр экономики и финансов, в студенческие годы стажировавшийся в КНР и даже опубликовавший монографию по истории экономического успеха Поднебесной.

¹² Замминистра экономического развития, который с 2008 по 2018 г. жил в КНР и был профессором финансов в Университете Шанхая и Чжэцзянском университете, друг Маттео Сальвини, блоггер на сайте Беппе Грилло и даже, по данным *La Repubblica*, рассматривался как первая кандидатура на пост премьер-министра после того, как “Лига” и “Движение пяти звезд” победили на выборах в марте 2018 г. Подробнее о биографии М. Джераче – на его сайте. Available at: <https://gpilondon.com/personnel/michele-geraci-2> (accessed 10.07.2019).

Второй фактор – политический дискурс вокруг концепции суверенитета – оказывается не менее, а, быть может, даже более важным, чем формирование прокитайской социальной сети. Подписание меморандума о сотрудничестве между Римом и Пекином состоялось на фоне крайне конфликтных отношений Италии с Евросоюзом. Внутренняя и внешняя политика “правительства перемен” менее чем за год привела к беспрецедентному ухудшению этих отношений [25]. Отстаивание принципа национального суверенитета в решении задач обеспечения безопасности границ и экономического роста привело к острому противостоянию Рима и Брюсселя по вопросам бюджетного планирования и миграционной политики. Конфликтный характер отношений распространился и на внешнеполитическую сферу, где итальянские политики также пытались руководствоваться принципом национальных интересов. Публичный конфликт с Францией, демонстративно теплые отношения с Д. Трампом и В. Путиным, самостоятельная политика в направлении Ливии и Венесуэлы стали ключевыми внешнеполитическими шагами желто-зеленой коалиции, способствовавшими усугублению конфликта с ЕС [26].

На этом фоне подписание Италией меморандума о сотрудничестве с КНР выглядело как продолжение конфронтационной политики “суверенистов”, направленной на разрушение единства Евросоюза и как прямой отказ итальянского правительства следовать в русле решений европейских институтов. Ведь накануне визита Си Цзиньпина в Италию Европейская комиссия и Управление Высокого представителя опубликовали совместное заявление, в котором Пекин был определен как “экономический конкурент в достижении технологического лидерства и системный конкурент, продвигающий альтернативные модели управления”. В том же документе Брюссель подтвердил, что “ни ЕС, ни какое-либо из его государств-членов не могут эффективно достичь своих целей с Китаем без полного единства внутри ЕС. В сотрудничестве с Китаем все государства-члены, индивидуально и в рамках субрегиональных структур сотрудничества, таких как формат 16+1, несут ответственность за обеспечение соответствия законодательству, правилам и политике ЕС” [27].

С целью смягчить остроту конфликта итальянское руководство позаботилось о том, чтобы сам текст подписанного страной меморандума содержал ссылки на все ключевые нормативные документы Евросоюза, касающиеся сотрудничества с КНР. Кроме того, в своих публичных интервью и заявлениях для прессы и Дж. Конте [28], и Д. Триа [29] подчеркивали стремление способствовать распространению норм и правил ЕС на практике взаимодействия с Китаем. “Правительство перемен”

даже публично артикулировало свое стремление содействовать изменению поведения Китая на европейской сцене [30].

Однако дискурс главных сторонников сотрудничества с Пекином в итальянском правительстве свидетельствует об обратном, в частности о том, что они не только ставят под вопрос нормативную силу ЕС, но и готовы быть трансляторами нормативной силы Китая: перенимать китайские практики, перенося их на итальянскую почву. Так, личный сайт М. Джерачи, посвященный сотрудничеству КНР и Итальянской Республики, призывает итальянцев обратить внимание на главные факторы китайского экономического успеха и извлечь из этого уроки. Кроме того, на сайте пропагандируются достижения Китая в сфере управления демографией и внутренней миграцией, успехи в сфере сельского хозяйства и возможности содействия развитию государств Африки. На этом же сайте фактически дискредитируется современный подход Евросоюза к отношениям с Поднебесной. По мнению замминистра, письмо послов стран ЕС в Пекине, в котором они говорят об опасности “Инициативы пояса и пути”, свидетельствует лишь о том, что в Европейском союзе не знают и не понимают модели китайского роста, но чувствуют, что собственная модель неконкурентоспособна [31]. Поэтому нежелание Брюсселя присоединиться к этой инициативе говорит о стремлении препятствовать дальнейшему росту КНР и инвестициям в ЕС.

Вопросу инвестиций М. Джерачи уделяет особое внимание. Позиция итальянского руководства заключается в том, чтобы препятствовать инвестициям в виде покупки активов (“*brown-field*”) и, напротив, привлекать инвестиции в создание новых предприятий (“*green-field*”), что будет способствовать росту занятости. При этом предложения ЕС по скринингу инвестиций и жесткая позиция в отношении итальянского решения о подписании меморандума связаны, по мнению Джерачи, с тем, что Германия (в публикации ставится знак равенства между официальными позициями Брюсселя и Берлина), где было сделано наибольшее количество китайских инвестиций как раз первого типа, не получив должного эффекта для экономики ФРГ, стремится теперь запретить всякие инвестиции, в том числе те, на которые рассчитывает Италия.

Подобный дискурс итальянского замминистра и его поддержка высшим итальянским руководством свидетельствуют о том, что Италия не только не намерена поддерживать нормативную силу ЕС и способствовать ее распространению на Китай, но и не верит в ее существование, позиционируя решения Союза как отражение экономических интересов ФРГ. Таким образом, “суверенистское”

правительство Италии, ставящее под вопрос легитимность общеевропейских институтов и норм, призывающее к пересмотру баланса национального и наднационального суверенитета, в данной ситуации оказалось как нельзя более подходящим союзником для Пекина, стремящегося к трансформации норм и практик ЕС.

* * *

Анализ исторического контекста и дискурса вокруг подписания меморандума Италией и КНР позволит заключить, что событие имеет политическую значимость с точки зрения влияния на нормативную силу ЕС, которая (значимость) обусловлена следующими факторами.

1. Позиция Италии говорит о по-прежнему непреодоленной проблеме акторности Европейского союза на внешнеполитической арене. В то время как Союз пытается выработать единый подход к взаимодействию с глобальными игроками и, в частности, с Китаем, итальянское руководство ставит под вопрос эффективность нормативной силы ЕС.

2. Пример Италии демонстрирует, что Китай имеет определенную стратегию противостояния нормативной силе Евросоюза: он стремится выстраивать взаимодействие с теми странами, которые в наименьшей степени готовы транслировать ее вовне и сомневаются в ее действенности. В этих государствах КНР создает социальные сети доверия, которые являются проводниками китайской “дискурсивной силы”: они производят и популяризируют определенного типа знание, которое становится дискурсивной основой для развития сотрудничества с определенной страной, аккумулируют социальный капитал двустороннего взаимодействия, конвертируют его в продвижение китайских интересов и принятие политических решений в свою пользу. Италия при популистском “правительстве перемен” стала такого рода государством в силу противопоставления национальных интересов наднациональным.

3. Сформированная в Италии “сеть доверия”, в которую вошли ряд экспертных центров и политиков, близких к “правительству перемен”, способствовала пересмотру исторического опыта взаимодействия Итальянской Республики и КНР и формированию дискурса об “упущенных возможностях” сотрудничества. В рамках данного дискурса Италия представляется как страна, чьи объективные национальные интересы (прежде всего в сфере экономического сотрудничества с Китаем) систематически терпели крах в силу конкуренции с Францией, Германией и Великобританией за присутствие на китайском рынке, а затем в силу неспособности ЕС выработать единый

подход к взаимодействию с КНР. Таким образом, формируется образ Евросоюза как препятствия на пути к реализации национальных интересов Италии, с точки зрения которых взаимодействие с Китаем несет объективную выгоду.

4. Активное развитие дискурса о приоритете национального суверенитета над суверенитетом ЕС, инициированное коалицией популистов “Лиги” и “Движения пяти звезд”, ряд “самостоятельных” политических шагов Рима в сфере экономики и миграции, а также внешняя политика страны, идущая вразрез с общей линией ЕС, стали для КНР подтверждением того, что Италия может стать тем государством, которое способно публично отказаться следовать предписаниям Евросоюза и, таким образом, усомниться в возможностях его нормативной силы.

5. Накопленный во взаимодействии со странами “16+1”, а теперь и с Италией, “социальный капитал” Китая, очевидно, будет стремиться конвертировать в нормативную силу и в других развитых странах ЕС, а также за его пределами. И, вероятно, именно этого опасаются в Брюсселе. Рим, с точки

зрения Брюсселя, становится “соучастником” попыток Пекина противиться нормативной силе ЕС и оказать влияние на формирование практик взаимодействия, привычных для Китая.

Таким образом, подписание меморандума свидетельствует о слабеющей нормативной силе ЕС, в результативности которой не уверены уже не только “новые” члены Евросоюза, но и политическое руководство одного из его государств-основателей. Это отражает вполне реальный риск для ЕС, который заключается в следующем: развитие идей “суверенизма” способно нанести ущерб международной акторности этого объединения. В целом подписание меморандума продемонстрировало, что отношения ЕС и КНР пока не вышли из состояния “серой зоны”, где практики взаимодействия не институционализированы и формируются *ad hoc*. В этом плане казус Италии показателен, поскольку Китаю, по крайней мере тактически, удалось использовать нежелание итальянского “правительства перемен” поддерживать действие нормативной силы ЕС и стремление поставить ее под сомнение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Memorandum of Understanding between the Government of the Italian Republic and the Government of the People's Republic of China on Cooperation within the Framework of the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road Initiative*. Available at: http://www.governo.it/sites/governo.it/files/Memorandum_Italia-Cina_EN.pdf (accessed 10.07.2019).
2. Liang H., Zhang Y. International Discourse Power: Belt and Road is not Starting from Scratch. *The Theoretical System of Belt and Road Initiative*. Springer Singapore, 2019, pp. 51-55. DOI: 10.1007/978-981-13-7701-3
3. Gustaffson K. Is China's Discursive Power Increasing? The “Power of the Past” in Sino-Japanese Relations. *Asian Perspective*, 2014, vol. 38, no. 3 (July-September), pp. 411-433. DOI: <https://doi.org/10.1353/apr.2014.0017>
4. Zhao K. China's Rise and Its Discursive Power Strategy. *Chinese Political Science Review*, 2016, no. 1, pp. 539-564. DOI: 10.1007/s41111-016-0037-8
5. Szczudlik J. Seven Years of the 16+1: An Assessment of China's ‘Multilateral Bilateralism’ in Central Europe. French Institute of International Relations. *Asie. Visions*, 2019, no. 107 (April). Available at: <https://www.ifri.org/en/publications/notes-de-lifri/asie-visions/seven-years-161-assessment-chinas-multilateral-bilateralism> (accessed 09.07.2019).
6. *Screening of Foreign Direct Investment in Strategic Sectors*. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/legislative-train/theme-international-trade-inta/file-screening-of-foreign-direct-investment-in-strategic-sectors> (accessed 09.07.2019).
7. Жданова Ю.Д., Истомин И.А. Реакция ЕС на экономическое возвышение КНР. *Вестник МГИМО-Университета*, 2017, № 5 (56), сс. 91-113. [Zhdanova Yu.D., Istomin I.A. Reaktsiya ES na ehkonomicheskoe vozvyshenie KNR [EU Reaction to China's Economic Rise]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2017, no. 5 (56), pp. 91-113]. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-5-56-91-113
8. North D.C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 152 p.
9. Павлова Е.Б., Романова Т.А. Нормативная сила: теория и современная практика России и ЕС. *Полит. Политические исследования*, 2017, № 1, сс. 162-176. [Pavlova E.B., Romanova T.A. Normativnaya sila: teoriya i sovremennaya praktika Rossii i ES [Normative Power: Some Theory Aspects and Contemporary Practice of Russia and the EU]. *Polis. Political Studies*, 2017, no. 1. pp. 162-176]. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.14>
10. Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*, 2002, vol. 40, no. 2 (June), pp. 235-258. Available at: <https://doi.org/10.1111/1468-5965.00353> (accessed 09.07.2019).
11. Волков В., Хархордин О. *Теория практик*. Санкт-Петербург, Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с. [Volkov V., Kharkhordin O. *Teoriya praktik* [Theory of Practices]. Sankt-Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2008. 298 p.]
12. Brzozowski A., Velara J. ‘Don't be Naive with China’, EU Leaders Tell Italy. *Euractiv*, 22.03.2019. Available at: <https://www.euractiv.com/section/economy-jobs/news/dont-be-naive-with-china-eu-leaders-tell-italy/> (accessed 10.07.2019).
13. Fardella E. A Significant Periphery of the Cold War: Italy-China Bilateral Relations, 1949–1989. *Cold War History*, 2017, vol. 17, Issue 2: Socialism, Capitalism and Sino-European Relations in the Deng Xiaoping Era, 1978–1992, pp. 181-197. DOI: <https://doi.org/10.1080/14682745.2015.1093847>

14. *Comunicazione della commissione. Una politica a lungo termine per le relazioni Cina-Europa*. Commissione delle comunità europee. Bruxelles, 05.07.1995. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/IT/TXT/PDF/?uri=CELEX:51995DC0279&from=it> (accessed 07.07.2019).
15. Casarini N. 40 anni dopo: quale future per le relazioni Europa-Cina. *OrizzonteCINA*, 2015, vol. 6, no. 1 (Gennaio-Febbraio), pp. 3-5. Available at: http://www.iai.it/sites/default/files/orizzontecina_15_01.pdf (accessed 10.07.2019).
16. Saluto di Romano Prodi, già Presidente della Commissione. *OrizzonteCINA*, 2015, vol. 6, no. 1 (Gennaio-Febbraio), p. 2. Available at: http://www.iai.it/sites/default/files/orizzontecina_15_01.pdf (accessed 10.07.2019).
17. Adornino G. Le relazioni Italia-Cina: verso il rilancio del partenariato. *OrizzonteCINA*, 2015, vol. 6, no. 1 (Gennaio-Febbraio), pp. 9-10. Available at: http://www.iai.it/sites/default/files/orizzontecina_15_01.pdf (accessed 10.07.2019).
18. Zhongping F., Jing H. Le relazioni tra Cina e Unione europea: oltre le crisi, verso una nuova fase? *OrizzonteCINA*, 2015, vol. 6, no. 1 (Gennaio-Febbraio), pp. 5-7. Available at: http://www.iai.it/sites/default/files/orizzontecina_15_01.pdf (accessed 16.07.2019).
19. Adornino G. Il partenariato tra Italia e Cina alla prova. *OrizzonteCINA*, Maggio 2013, pp. 2-3. Available at: https://www.academia.edu/20423970/Il_partenariato_tra_Italia_e_Cina_alla_prova (accessed 16.07.2019).
20. Italia-Cina, accordi per 8 miliardi di euro. A Enel fino a 1 miliardo da Bank of China. *Il Fatto Quotidiano*, 14.10.2014. Available at: <https://www.ilfattoquotidiano.it/2014/10/14/italia-cina-accordi-per-8-miliardi-di-euro-a-enel-fino-a-1-miliardo-da-bank-of-china/1155400/> (accessed 10.07.2019).
21. Adornino G. I rapporti con la Cina. *Rapporto sulla politica estera italiana: il governo Renzi. Quaderni IAI*. Roma, Edizione Nuova Cultura, 2016, pp. 113-116. Available at: https://www.iai.it/sites/default/files/iaiq_17.pdf (accessed 10.07.2019).
22. Grieger G. *EU Framework for FDI Screening*. European Parliamentary Research Service. Available at: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614667/EPRS_BRI\(2018\)614667_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614667/EPRS_BRI(2018)614667_EN.pdf) (accessed 10.07.2019).
23. Fittipaldi E. Per Salvini ci sono “prima gli italiani”, ma al minister assumono cinesi. *L'Espresso*, 04.12.2018. Available at: <http://m.espresso.repubblica.it/inchieste/2018/12/04/news/per-salvini-ci-sono-prima-gli-italiani-ma-al-ministero-assumono-cinesi-1.329184> (accessed 10.07.2017).
24. La Belt and Road Initiative avvicina pechino all'Europa. *Diplomazia Economica Italiana*, 2018, no. 3. Available at: https://www.esteri.it/mae/resource/pubblicazioni/2018/06/newsletter_n3_aprile_2018_new.pdf (accessed 10.07.2019).
25. Fabbrini S., Zgaga T. Italy and the European Union: the Discontinuity of the Conte Government. *Contemporary Italian Politics*, 2019, vol. 11, no. 3, pp. 280-293. DOI: 10.1080/23248823.2019.1642657
26. Алексеенкова Е.С. Страна победившего популизма: Италия после выборов. *Современная Европа*, 2019, № 2, сс. 106-117. [Alekseenkova E.S. Страна pobedivshogo populizma: Italiya posle vyborov [The Country of the Winning Populism: Italy in the Post-Election Period]. *Contemporary Europe*, 2019, no. 2, pp. 106-117]. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22019106117>
27. *EU-China – A Strategic Outlook*. European Commission and HR/VP Contribution to the European Council. 12 March 2019. Available at: <https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf> (accessed 10.07.2019).
28. Fontana L., Franco M. Via della Seta, Conte: “Italia-Cina, Intesa limpida: l’obiettivo è crescere”. *Corriere della Sera*, 13.03.2019. Available at: https://www.corriere.it/politica/19_marzo_13/via-seta-conte-italia-cina-intesa-limpida-nostro-obbiettivo-crescere-0b5a29ac-450d-11e9-b3b0-2162e8762643.shtml (accessed 10.07.2019).
29. Italia e Cina, pronti per una fase nuova. Intervista con il ministro dell’Economia e delle Finanze Giovanni Tria. *Il Giornale.it*, 26.02.2019. Available at: <http://www.ilgiornale.it/news/mondo/italia-e-cina-pronti-fase-nuova-1652596.html> (accessed 10.07.2019).
30. Алексеенкова Е. “Via della seta”: Италия присоединилась к “Инициативе пояса и пути” КНР. *Аналитические записки Института Европы РАН*. 2019, № 7 (158). [Alekseenkova E. “Via della seta”: Italiya prisoedinilas’ k “Initsiative poyasa i puti” KNR [“Via della seta”: Italy Joined the “One belt, One Road” Initiative]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*. 2019, no. 7 (158).] Available at: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2019/an158.pdf> (accessed 10.07.2019).
31. *Germany’s Concerns*. Economia, Società et Mondo. Sfida et opportunità per l’Italia di Michele Geraci. Available at: <http://michelegeraci.com/en/2018/05/02/germanys-concerns/> (accessed 10.07.2019).

**PRC DISCOURSIIVE FORCE AGAINST
THE NORMATIVE FORCE OF THE EU: THE CASE OF ITALY**

(World Economy and International Relations, 2020, vol. 64, no. 5, pp. 62-72)

Received 23.10.2019.

Elena S. ALEKSEENKOVA (alekseenkovaes@gmail.com),

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (IE RAS), 11/ 3, Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russian Federation.

Acknowledgements. The author expresses gratitude to Prof. V.M. Sergeev, the Director of the Center of Global Problems, Institute of International Studies, MGIMO University, The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, for helpful debates and worthy recommendations in the course of working on this article.

The article analyzes China's attempts to confront the EU's normative power by the example of Italy joining the "Belt and Road Initiative" on March 23, 2019. The author claims that the signing of a memorandum of cooperation between Italy and China was not so much economic as political for both countries and for the European Union as a whole, which was the reason for the public criticism from Brussels of the actions of the Italian leadership. The author concludes that the political significance of the event for China lies in an attempt to publicly "overcome" the EU normative power, and for Italy, in an effort to uphold the principle of national sovereignty and position itself as an actor within the European Union, capable of influencing the process of formation of the EU normative power in interaction with third countries. At the same time, the case of Italy demonstrates that in opposing the EU normative power, the PRC uses a certain discursive strategy, which is to form a social network of trust within the country and increase the amount of social capital to a level that can influence the political decision-making process. The Italian "government of change" in this case turned out to be the most "convenient" partner, since from the very beginning it has built conflict discourse with Brussels, upholding the principle of national sovereignty in foreign and domestic policy, and thereby undermining the effectiveness of the EU normative power. Thus, the signing of the memorandum reveals the weakening of the normative force of the European Union, the effectiveness of which is being questioned not only by the "new" EU members, but also by the political leadership of one of the founding states of the Union. This reflects a very real risk that the development of the ideas of "sovereignty" can harm the EU's international activity.

Keywords: Italy, PRC, "Belt and Road Initiative", normative power, discursive power, social networks.

About author:

Elena S. ALEKSEENKOVA, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher; Associate Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-62-72

КОРНИ И ТРЕНДЫ ЯПОНСКИХ ТЕОРИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

© 2020 г. С. Чугров

ЧУГРОВ Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор,
МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76 (new-polis@politstudies.ru).

Статья поступила в редакцию 05.02.2020.

Исследовательская задача данной статьи — с помощью историко-генетического метода приблизиться к пониманию истоков и нынешнего ландшафта японской теоретической мысли в международных отношениях, объяснению, в чем ее культурная, историческая и политическая обусловленность. Практическое значение имеет анализ дискуссии японских международников о превращении Японии в “обычную страну”, за которым стоит перспектива отказа от “мирной” 9-й статьи японской Конституции и пацифистской идентичности японской нации. Автор делает вывод, что самый заметный вклад японских политологов в мировую политическую науку — это творческая трансформация и обогащение западных концептов незападными подходами к мироустройству.

Ключевые слова: теории международных отношений, Япония, Россия, традиции, 9-й статья японской Конституции.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-73-83

Вопросы миропорядка, суверенитета, норм международного права, культурного влияния, субъектности в мировых политических процессах и прежде всего проблема места Японии в регионе и в мире — вся эта ключевая тематика современных теорий международных отношений (ТМО)¹ присутствовала еще в трактатах японских мыслителей времен “открытия Японии” в середине 1850-х годов и последовавшей эпохи Мэйдзи (1868–1912). Вопреки европейскому мифу об изначальной самоизоляции Японии, Страна восходящего солнца искони рассматривала себя как неразрывную часть восточной Ойкумены, центром которого считался Китай. При этом многие уточняют, что политическая культура Японии выступала как “островная” модификация китайского прототипа, а связующим звеном была Корея, что и объединяет регион в единый комплекс [1, р. 7].

ДВА ЛИКА ЗАПАДА В ЯПОНСКОМ РАКУРСЕ

Характер японских ТМО определила способность теоретической мысли страны легко совмещать разнородные взгляды на мироустройство. Периферийный статус Японских островов, растянувшихся на окраине мощных цивилизаций, способствовал слаженному сочетанию исконно япон-

ских обычаев с усвоением инноваций — вначале из Индии, Китая и Кореи, затем из Европы и США. Политолог Симидзу Косукэ² считает, что сегодня академическая дисциплина “международные отношения” и вообще незападные ТМО находятся под сильным влиянием этого тренда [2].

С момента, когда Запад нарушил стабильность в треугольнике Китай–Корея–Япония, он стал для Страны восходящего солнца главной референтной структурой вместо Китая. Сразу возникла конкуренция между двумя линиями — дистанцирования от Запада и тяготения к нему, определяющая японский дискурс и сегодня. Пик противостояния между “западниками” и “японофилами” обозначился в интеллектуальной среде общества накануне консервативной революции Мэйдзи и в последовавшую за ней эпоху Мэйдзи, когда о себе громко заявила группа “западников”, которых называли также просветителями. Развитие Японии (и всех стран) им виделось в русле универсального западного пути. Им противостояли почвенники-японофилы. Причем радикалы обвиняли западную “варварскую” культуру во всех бедах, а более умеренные хотели видеть многополярный мир, объединявший автономные “национальные сущности”, считали, что реформы все же нужны, но — резонирующие с национальной спецификой.

Мыслитель Сакума Сёдзан (1811–1864) выдвинул принцип суверенитета с опорой на лозунг *вакон ёсай* (“японский дух — ученость европей-

¹ Некоторые идеи этой статьи, а также ряд цитат будут использованы в главе, подготовленной автором для учебного пособия, выход которого планируется осенью 2020 г.: *Незападные теории международных отношений. Азиатские, африканские и латиноамериканские концепции мироустройства*. Под ред. Н.С. Кирабаева, Д.А. Дегтерева, Е.Н. Грачикова. Москва, Аспект Пресс, 2020.

² Здесь и далее японские собственные имена приводятся в соответствии с традицией (сначала фамилия, потом имя) и в принятой в российском японоведении транскрипции Поливанова.

ская”), заложив краеугольный камень в фундамент национальных ТМО. Сейчас его назвали бы первым японским реалистом, поскольку он сформулировал восемь базовых принципов, которые вкуче обеспечивали неприступность страны. Они включали: строительство крепостей для отражения потенциальных вражеских атак, сооружение кораблей военно-морского флота, постижение военной стратегии Запада, воспитание “сыновней почтительности в простом людe”, а также крайне важный для Японии принцип сплоченности [3, р. 123]. В 1866 г. Ёкои Сёнан предложил “толковать пути Яо, Шуна (совершенномудрых императоров. – Прим. С.Ч.) и Конфуция и осваивать тайны западной техники” во имя триумфа “великой справедливости на четырех морях” [4, р. 467].

В лагере консерваторов выделяется Куга Кацунан (1857–1907), создавший себе имя на ниве журналистики. Его считают автором первого в стране труда по ТМО, трактата “Международная теория” (“*Кокусай рон*”), в котором он выдвинул императив “богатое государство – сильная армия” (*фукоку кё-хэй*) [5, р. 175] для обеспечения национальной безопасности, сделав акцент на идее “национального духа” и культурной миссии, предвосхищавшей концепцию мягкой силы. Международное право той поры, созданное, по его мнению, европейскими странами, чтобы оградить от посягательств свои привилегии, он сравнивал со средневековым законом, разрешавшим самураю безнаказанно убивать простолюдинов. Он предложил принцип равноправия всех стран, идущий вразрез с патерналистско-иерархическим сознанием японцев.

Куга остерегал от поклонения Западу. Он вычленял в мировой политике три типа конкуренции двух государств: 1) страны ведут противоборство, взаимно пресекая посягательства на свою независимость; 2) одна страна поглощает другую; 3) одна страна наращивает нажим на другую, включая психологическое давление (национальная миссия, миссионерство). Миссия любой страны в его глазах состоит в том, чтобы сохранять суверенитет и культуру: “Если уничтожить культуру Востока ради насаждения западной культуры или если даже не уничтожать, но не развивать ее, то это равнозначно уничтожению одного из элементов мировой культуры” [5, р. 213].

Наставник императора Мэйдзи, президент Токийской академии наук Като Хироюки видел гарантии суверенитета в трансформации страны на принципах гражданского общества и призывал созвать в Японии своего рода национальную ассамблею. Вышедший в 1860 г. его трактат “Записки о соседе” (“*Тонаригуса*”) посвящен якобы критике китайских феодальных порядков. Но, осмысляя причины отсталости Поднебесной, иносказательно

он критиковал японское общество [6, р. 123]. Капитуляцию после “опиумных войн” (1840–1842) он объяснял тем, что 1) Китай не освоил как надо европейские технологии, 2) его строй устарел и 3) он был слишком слаб, чтобы отразить натиск Запада. Като призывал усилить Японию на основе традиции, чтобы ее не постигла горькая участь Китая [7].

Судя по этим трудам, на рубеже веков шло быстрое освоение основ западной политологии и международных отношений, причем преобладала тема функционирования мировой системы [8]. Например, в труде “Международная политика и международное управление” (“*Кокусай сэйдзи то кокусай гэсэй*”, 1928 г.) Рояма Масамити (1895–1980) разработал теорию мирового общества в “системе международной политики” (*кокусай сэйдзи сосики*), конфигурацию которого определяют отношения между государственными структурами и международными неправительственными организациями. Его теория испытала влияние британского мыслителя Леонарда Вулфа и стояла особняком от японского мейнстрима с его упором на государственный подход, впоследствии названный немецким словом *Staatslehre* [9, р. 373].

Концепции миропорядка появились в трудах юристов. Осава Акира (1889–1967) в работе “О международном правопорядке” (“*Кокусайхо тиюдзё рон*”, 1931 г.) считал, что верховенство права, государство и профсоюзы гарантируют стабильность наряду с религиозными и этническими группами, а также Лигой наций. Танака Котаро (1890–1974) в “Теории международного права” (“*Кокусайхо-но рирон*”, 1931 г.) утверждал, что закон регулирует отношения в “мировом обществе”. Генераторами идеи миропорядка помимо юристов выступали журналисты и историки, философы и экономисты. Отсюда традиции гуманитарно-тематической панорамности и мультидисциплинарного характера японских ТМО.

“МИР МИРОВ” НИСИДЫ КАК ПРЕДТЕЧА ГЛОБАЛЬНОЙ ОПТИКИ

В начале XX в. оригинальную теорию на базе синтеза буддийского мировоззрения и западной методологии предложил Нисида Китаро³. Он рассматривал международные отношения как “мир миров” (*сэкайтэки сэкай*) [10, р. 427], а нацию (*миндзоку*) – как субъект истории, что по сути стало ранним примером культурно-цивилизационного подхода в ТМО. В эссе “Принципы нового миропорядка” (“*Сэкай синтиюдзё-но гэнри*”) он дает

³ Нисида Китаро (1870–1945) – японский мыслитель, основатель Киотоской школы, задавшей новый тренд политической мысли, в том числе в области ТМО. Как и многие японцы, прошел через увлечение марксизмом, даже написал трехстишие: “До глубокой ночи / спорим о Марксе. / Из-за Маркса нет сна”.

рецепт построения преуспевающей Азии, совсем отличный от версии японского Министерства иностранных дел. Статьи “Проблема оснований для существования государства” (“*Кокка рию-но мондай*”) и “Национальное тело” (“*Кокутай*”) касаются темы телесности государства, то есть его способности выполнить историческую миссию.

В теории “национального тела” Нисиды народ обретает форму “истинного” государства через осознание морального долга перед “миром миров”, реализуя “национальное самосознание” (*коккатэ-ки дзикаку*) в форме государства-нации [10, р. 286]. Ахиллесовой пятой Нисиды стала гипотеза, будто Япония и есть это самое государство-нация, которое шло “по правильному пути”, реализуя свое предназначение [11, pp. 42-45, 141; 12, с. 94], которое он понимал так: “Как же насчет творческого процесса японского общества? Его развитие включает создание общества исторического тела Японии. Оно имеет свою творческую миссию” [13, р. 53].

В контексте предвоенного времени, когда в Японии выростал милитаризм, Нисиду можно рассматривать как фигуру трагическую, которую партия войны “вслепую” использовала для апологии “особой миссии Японии” и агрессии против соседей. Дожил бы он до конца войны, если бы отрицал такую миссию? Например, Тосака Дзюн (1900–1945), также выходец из Киото, с позиций марксизма осудивший абсолютизацию роли государства-нации, был арестован и умер в застенках, заслужив славу “японского Грамши” [14, р. 2],

Нисида, его ученики Танабэ Хадзимэ (1885–1962) и Ниситани Кэйдзи (1900–1990) и такие мэтры Киотоской школы, как Мики Киёси, Косака Масатака, заложили основы сегодняшних японских ТМО. “Однако они также печально известны своим утверждением существовавшего в Японии военного режима, совершившего агрессию в азиатском регионе, — несправедливо обвиняет Симидзу, тут же оправдывая их. — Основная причина, почему они занимались апологией режима, была их абстрактная теоретизация политики и культуры...” [2, р. 25]. В накаленной атмосфере лозунгов, обращенных к “душам предков”, — “единство верноподданности и сыновнего долга”, “сто миллионов — одно сердце” — умозрительные построения интеллектуалов высшей пробы оказались вывернутыми наизнанку, и выходило, будто тезис об “особой моральной энергии” японцев они подняли на уровень академического дискурса.

Вопрос об “апологетике милитаризма” полностью изжил себя. С позиций сегодняшних знаний трудно не видеть инновационную сущность теории “мира миров”, предвосхитившей глобальные тренды конца столетия. Предложив идею глобального мира, который строится на открытости и взаимо-

влиянии отдельных стран, Нисида поставил проблему источника государственного суверенитета с точки зрения способности к реализации культурно-исторической роли, а также соотношения нации, культуры и государства. Каждая эпоха оценивает все заново, и сегодня Нисида видится как создатель оригинального философского осмысления миропорядка, не имеющего отношения к милитаристским концепциям “азиатизма”.

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ “СФЕРЫ СОПРОЦВЕТЕНИЯ” И АЗИАТИЗМА

Идеи азиатизма сформировались задолго до расцвета Киотоской школы и восходят к канонам патернализма. Формула “семья—государство” с середины XIX в. реплицировалась на всех “этажах” мироощущения и поднялась на международный уровень в виде комплекса “отца” или “старосты азиатской семьи”. С обоснованием концепции азиатского единения выступали Токутоми Итиро (Сохо) (1863–1913), выдвинувший идею *Rach Japonica* для спасения Азии от “белого империализма”, Сугита Тэйити (1851–1920), опубликовавший в 1884 г. план просветительской миссии Японии для “возрождения Азии”, Миядзаки Тотэн (1871–1922), считавший экспансию западных держав препятствием для достижения идеалов свободы и равенства в регионе, Рояма Масамити (1895–1980), создавший теорию восточноазиатского сообщества, построенного на принципах общих политических институтов и уважении к культурному разнообразию, и многие другие. Вопреки желанию творцов этой концепции ее также пристегнули к идеологическому обоснованию лозунга “Азия для азиатов”. До Второй мировой войны теоретики азиатизма условно располагали Японию между Америкой и Азией и считали, что она не столько часть Азии, сколько страна-цивилизатор, и что насилие и жертвы есть неизбежный атрибут установления эры “справедливого правления”.

«Идея “Великой восточноазиатской сферы совместного процветания” и в послевоенный период никуда не исчезла, — подметил историк Ириэ Акира. — Так вышло потому, что руководители Японии упорствовали в том, что война на Тихом океане имела особый смысл, что это была не захватническая война в своекорыстных или экспансионистских интересах. Если им выпал на долю разгром, им хотелось верить, что они воевали за освобождение Азии» [15, р. 92]⁴.

⁴ Нынешний курс Токио воспринимается в ряде стран Азии как изошренная версия политики образца 1930-х годов. Главное отличие в том, что сегодня японские ТМО опираются не на “империализм силы”, а на “умную силу” (*smart power*), факторы экономической помощи и культурного влияния.

После войны японские ТМО прошли через периоды: 1) “обучения у Запада” (1945–1968); 2) постижения своей уникальности (1968–1989); 3) гармонизации западного и незападного опыта (1990–?).

РАЗВИТИЕ ЯПОНСКИХ ТМО В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ (1945–1952)

После войны в сознании японцев шли два процесса: а) тотального заимствования американских ценностей; б) трансформации комплекса виктимности в ощущение – сначала смутное, затем более отчетливое – национальной гордости, ставшее потом триггером “японского чуда”. Американские ТМО стали эталоном для политологов. Японская мысль, по меньшей мере внешне, освободилась от милитаристского комплекса, но пошла по пути вписывания модных тогда западных, подчас левых, концептов в японский контекст, уклоняясь от “больших тем”.

Разработка теории международных отношений в рамках марксистского и неомарксистского направлений получила сильный импульс в трудах Уэхара Сэнроку (1899–1975), Исимода Сё (1912–1986), Тояма Сигэки (1914–2011) и др. Они выдвинули концепт пробуждения коллективного сознания как основы для освобождения от внутреннего порабощения государством и от давления западной цивилизации и гегемонии США и рассматривали этническую нацию в качестве основного субъекта и творца послевоенной истории. Историки-марксисты разработали стратегию азиатского интернационализма, направленную на избавление от неокOLONИализма. Маруяма Масао (1914–1996) – популяризатор Гегеля, Маркса, Токвиля – пытался соединить индивидуализм со “здоровым национализмом” японцев. Но постепенно интерес к неомарксистским теориям сошел на нет.

После войны появилось целое направление исследований в области проблем мира и безопасности, которое занимает отдельный сегмент японских ТМО. В социально-политическом дискурсе, как свидетельствует “доктрина Ёсиды”, главный акцент был перенесен с военных средств обеспечения безопасности на экономические и дипломатические. Эта доктрина легла в основу японской внешней политики. В конце 1950-х годов политологи Сакамото Ёсикадзу (1927) и Косака Масатака (1934–1996) дали старт дебатам между идеалистическим и реалистическим подходами к безопасности. Первый из них в статье “Подход к обороне Японии как нейтрального государства” (“*Тюрицу Нихон-но боэй косо*”, 1958 г.) развивал концепт “абсолютно нейтрального государства”, доказывая,

что альянсы могут не только укреплять стабильность, но и нагнетать риски. Полицейские силы ООН виделось ему как альтернатива военным базам США. Косака же в работе “Мирная теория реалиста” (“*Гэндзицусюгися-но хэйварон*”, 1963 г.) утверждал, что альянс Японии и США обеспечит поддержание баланса сил и интересов в регионе.

ПЕРИОД НАРЦИССИЗМА: ВЗЛЕТ И ЗАКАТ “ТЕОРИЙ О ЯПОНЦАХ” (1968–1989)

После периода освоения западных теорий на передний план вышли проблемы идентичности. С 1968 г., когда стал очевиден успех “японского чуда”, массовыми тиражами стали выходить книги по японской уникальности, плодятся концепции, которые делали акцент на особую “утонченность японской души” и т.д. Их обычно объединяют под названием *Нихондзин рон* (“теории о японцах”) или *Нихон бунка рон* (“теории о японской культуре”). Безусловно, эти теории были отмечены политическим романтизмом и даже нарциссизмом. Все с японской спецификой объявлялось цельным и гармоничным, а Запад стали упрекать в декадансе и нетерпимости [16, р. 5].

Теоретики (политологи, экономисты) переориентировались на доказательства преимуществ японской модели развития. Власти использовали теории о японцах как инструмент мягкой силы за рубежом и открыли ряд профильных *think tank*’ов. В 1979 г., например, премьер-министр Охира Масаёси дал старт программе “Эпоха культуры” (“*Бунка-но дзидай*”). Другой премьер, Накасонэ Ясухиро, в 1986 г. создал в Киото Международный центр исследований японской культуры.

Обратной стороной японоцентристских теорий стала их жесткая критика со стороны стран Азии, где она воспринималась как претензия на превосходство и реваншизм. То, что японские исследователи именовали теориями “цивилизационного азиатизма”, критики *нихондзин рон* в Китае и странах Юго-Восточной Азии называли “азиатским расизмом”. К началу 1990-х годов все устали от “теорий о японцах”, появились признаки кризиса и наступления “потерянного десятилетия” – нового этапа в истории японских ТМО.

ПЕРИОД ГАРМОНИЗАЦИИ ЯПОНСКОГО И ЗАПАДНОГО ОПЫТА (1990–?)

Усилия японских политологов сфокусировались на осознании нового амплуа страны в условиях роста китайского влияния. Магистральное направление, которое Япония, похоже, нащупала

в ходе начавшейся глобализации, – синтезирование западных социальных наук и региональных исследований [17]. Политологи Японии (как, впрочем, и других крупных незападных стран – Китая, Южной Кореи, Индии), отмечает А.В. Торкунов, долгое время шли по пути “заимствования и освоения американского и европейского дискурса. Но сегодня мы видим, как они наращивают способность воздействовать на содержание глобального дискурса, привнося в него свои темы и видение” [18, с. 10]. Специфика японских работ по ТМО заключается в том, что многие из тех, которые посвящены прикладной регионалистике, имеют и теоретическую составляющую.

Теория мягкой силы. В японских университетах и центрах не утихают отголоски “Великих дебатов” о том, нужно ли опираться в исследованиях на рациональные (чаще силовые) факторы или же на ценностные критерии. Дебаты японских политологов, не столь “великие” и страстные, как на Западе, были нацелены на то, чтобы сочетать баланс сил и присущее японцам стремление к использованию мягкой силы (вспомним *дзюдо* – “мягкий путь”) [19, с. 60].

Среди зачинателей концепции японской мягкой силы выделим культуролога Ивабути Коити, считающего, что трансляция массовой культуры способствует привлекательности образа Японии в регионе [20]. С аналогичными идеями выступает и Кацумата Хиро, который уверен, что с помощью *J-pop* (японской поп-культуры) можно создать восточноазиатское сообщество [21, р. 160].

Понятие “мягкая сила” (*soft power*) легло в основу культурной дипломатии, разработкой которой в 2004 г. занялась по предложению премьер-министра Коидзуми Дзюньитиро группа политологов и культурологов. Они пришли к выводу, что важно распространять за пределами Японии не столько продукты культуры, сколько ценности, среди которых – гармония с окружением. В 2006 г. Абэ Синдзо, второй после Коидзуми премьер с пассионарными амбициями, предложил “дипломатию ценностей”. Но азиатские народы с опаской воспринимают такие “общие ценности”, как “права человека”, “демократия”, когда они исходят от Японии.

Проблемы окружающей среды и ТМО. С 1970-х годов деградация среды вызывает беспокойство многих стран, в том числе и Японии. Интерес японских политологов к этой теме вызван тем, что агенты влияния на высоком уровне и такие организации, как Гринпис (*Greenpeace*) и Всемирный фонд дикой природы (*World Wildlife Fund, WWF*), давили на Токио, чтобы власти изменили экономический курс. Японские адепты постлиберализма изучили механизмы воздействия экологических НПО

на мировую политику⁵ и разработали концепции “низкоуглеродного общества” и “зеленого роста”, которые были призваны стать категорией “дипломатического влияния” и повысить авторитет Японии в мире. В декабре 1997 г. был подписан Киотский протокол, который обязал подписавшие его страны сократить эмиссию диоксида азота, чтобы предупредить “глобальное потепление”. Балансирование Токио “на двух опорах – международного престижа и внутренней поддержки (или отсутствия таковой)”, а также игры лидеров вокруг экологической темы объясняют востребованность научных изысканий теоретиков МО [23, pp. 217–218, 221]. Опираясь на экспертизу политологов, Токио корректирует экологический курс, финансируя проекты по ресурсо- и энергосбережению в развивающихся экономиках и рассчитывая на рост индекса влияния в Азии и мире [24, сс. 148–196].

Теоретические основания помощи развитию. В октябре 1950 г. Япония объявила о присоединении к “плану Коломбо”, дав старт японской помощи странам, пострадавшим в войне на Тихом океане. По сути, это была форма репараций, чуть прикрытая политкорректной фразеологией. Но японская экономика в 1960-е годы продолжала расти как на дрожжах, и США оказали давление, чтобы Токио увеличил помощь странам Юго-Восточной Азии. С 1969 г. Япония предоставляет помощь Таиланду, Камбодже, Лаосу, Южному Вьетнаму, Индонезии, а к 1980-м годам стала крупнейшим в мире донором. В середине 1980-х японские политологи начали разрабатывать теоретические основания, а в июне 1992 г. Кабинет министров принял хартию Официальной помощи развитию (ОПР). Помощь стала рассматриваться в контексте стабильности и международного развития, а не только интересов Японии благодаря трудам Инада Дзюити, Ясутомо Деннис, Хирано Кацуми и др. [25; 26; 27; 28; 29].

Модель глобальной биоэтики для Азии. Профессор Университета Аояма гакуин Сакамото Хякудай, яркий представитель бихевиоралистского подхода к исследованию политики, предложил в 2003 г. применительно к международным отношениям своеобразную *теорию глобальной биоэтики*. Сакамото исходит из того, что менталитет дальневосточного типа предпочитает не акцентировать противоречия, а мягко их обходить. Интересы группы ценнее, чем интересы личности, а презумпция доверия ценится выше, чем формализм демократических процедур. Как считает Сакамото, западная, в частности японская, ментальность

⁵ Эту тему развивали многие японские исследователи, например политолог из Токийского университета Мияока Исао, защитивший в Оксфорде диссертацию с анализом реакции власти и политологов на иностранное давление по глобальным экологическим проблемам [22].

базируется на сопереживании, а западная — на импульсе, обращенном на объект. Японцы, которым важно не “потерять лицо”, стремятся вписаться в контекст, тогда как западные оппоненты — переломить контекст [30, p. 11]. Концепция глобальной этики — это этическое обоснование вполне прагматичных стратегии и тактики японского влияния за пределами собственно Японских островов с помощью мягкой силы. Заслуга Сакамото в том, что он перевел биоэтику на концептуальный уровень международных отношений.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ ЯПОНСКИХ ТМО

Выделим из весьма пестрой картины сегодняшних японских ТМО главные тренды.

Азиатские компаративные исследования, пожалуй, занимают центральное место, и здесь лейтмотив — сравнение с Западом, вечным референтом Японии в глобальном контексте. В последние годы к глобализму сложилось более скептическое отношение. Многие политологи стали вместо прилагательного “глобальный” употреблять термин “мировой” и перенесли акцент на анализ феномена глокализации (термин — *global+local*) — социокультурный гибрид локальных культур с глобальной цивилизацией.

Япония — пример успешной версии глокализации, установившей “красную черту” для экспансионизма глобальных (западных) стандартов. Например, Такахаси Фудзимото, профессор Университета Нихон, пишет: “Однако когда дело дойдет до принятия чужого языка, чужой религии и принципиально иного стиля жизни, то предполагаемая глокализация будет скорее насильственной универсализацией” [31]. Но пока до “красной черты” дело не дошло, склонность теоретической мысли к гибридации позволила сращивать западные идеи с японским культурным ядром в единое целое. Симидзу Косукэ обращает внимание на то, что японская политология включает “элементы, которые, как считается, не имеют отношения к анализу проблем силы и суверенитета” [32, pp. 69–70]. Гибридность подходов признается самими японскими учеными [33].

Ведущим центром компаративных исследований считается основанный в 1960 г. премьер-министром Ёсида Сигэру Японский институт международных проблем (ЯИМП, *Кокумонкэн, Japan Institute of International Affairs, JIA*)⁶, расположен-

⁶ Согласно рейтингу исследовательских центров Университета Пенсильвании на 2018 г., ЯИМП занимает 1-е место в Азии и 14-е место мире. Он издает журнал “Международные проблемы” (“*Кокусай мондай*”). С 1984 г. в рамках Института функционирует Центр советских исследований, который в настоящее время занимается проблемами постсоветского

новый неподалеку от Министерства иностранных дел в токийском районе Касумигасэки. О близости института японскому МИД говорит и то, что его возглавляет кадровый дипломат Сасаэ Кэнъитиро⁷.

Из историков политики широким взглядом на специфику политий и культур Восточной Азии отличается Симотомаи Нобуо⁸, и вершинами его подхода можно считать монографии об отношениях Москвы и Пхеньяна, а также духовных истоках политической колеи России [34; 35].

Яркий пример теоретического осмысления политической истории — Анно Тадаси⁹ и его недавнее исследование российской и японской идентичностей с точки зрения ТМО. Он выдвинул гипотезу относительно “нормативных измерений международных отношений в дискурсе о взлете новых великих держав — *даже если мы подозреваем, что либеральные нормы не оказывают большого влияния на поведение некоторых из этих восходящих великих держав*” (курсив Т.А.) [36, p. 3]. Он блестяще доказывает, что Китай и Россия развенчивают стереотип об универсальности принципов либерального мирового порядка.

Танака Акихико¹⁰ фокусирует внимание на системном подходе к ТМО и политическим процессам в Восточной Азии. Он предлагает создавать институты для предотвращения кризисов до того, как они разразились [37], развивает теорию погружения мировой системы в “новое средневековье” с чертами, напоминающими Средневековье V–XV вв. — от разорения Рима вестготами в 410 г. до

пространства. Центр по Азиатско-Тихоокеанским исследованиям, основанный в 1987 г., изучает страны — соседи Японии. В задачи этого *think tank* входит разработка парадигм внешней политики, составление справок для МИД, проведение ежегодных мозговых штурмов с зарубежными центрами-партнерами (в России — ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН и МГИМО МИД России). См.: *The Think Tanks and Civil Societies Program. TTCSPP Global Go to Think Tank Index Reports*, 31.01.2018. Available at: https://repository.upenn.edu/think_tanks/13/ (accessed 26.02.2020).

⁷ Сасаэ Кэнъитиро — президент и директор Японского института международных проблем (с 2018 г.), Посол Японии в США (2012–2018). Представлял Японию в ходе шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной программе.

⁸ Видный представитель школы регионалистики Симотомаи Нобуо, профессор Университета Хосэй (1988–2018) и Университета префектуры Канагава (с 2019 г.), сфокусировал исследования на проблематике СССР, постсоветского пространства, Корейского полуострова, а также на истории холодной войны в Азии, влиянии религиозного фактора на политику. Постоянный член Валдайского клуба.

⁹ Анно Тадаси — доцент политологии Университета София (Токио).

¹⁰ Танака Акихико — японский политолог, специализирующийся на теориях международных систем. Президент Национального университета политических исследований (GRIPS). Профессор Токийского университета (1990–2012, 2015–2017) и президент Японского агентства международного сотрудничества (2012–2015).

падения Византии в 1453 г. Это время “морových язв” (наиболее свежий пример — эпидемия коронавируса в 2020 г.) и крестовых походов (например, санкционные кампании Запада против России, Ирана и Китая) [38]. Миропорядок ему видится многополярным и конкурентным, а его центр перемещается из Атлантики в АТР¹¹.

*Дуайен японских компаративистов Иногути Такаси*¹². Звезда первой величины в политологии, весьма плодовит [39; 40; 41; 42; 43; 44; 45]. В 2015 г. он также выпустил труд “Политическая теория” [46]. Ученый пришел к выводу о *прагматическом характере* японских ТМО в силу их нацеленности на конкретные задачи Японии, а также на третье — социокультурное измерение международных отношений, в отличие от Запада, отдающего приоритет первому — политико-стратегическому и второму — политико-экономическому измерению. Иногути подразделяет японскую литературу по ТМО на четыре направления, которые, по его мнению, развивались параллельно: 1) государственническое направление — *Staatslehre*; 2) марксистское, имевшее влияние в предвоенные годы и на протяжении двух послевоенных десятилетий; 3) историческое и 4) позитивистское, тяготеющее к американскому стилю.

Иногути подчеркивает такую черту японских ТМО, как отсутствие крупных дебатов, за исключением дискуссии реалистов и идеалистов в начале 1960-х годов между Сакамото Ёсикадзу и Косака Масатака. Он пишет, что вторые “Великие дебаты” между традиционализмом и научной школой — бихейвиоралистская революция, третьи — между неореализмом и неолиберализмом, а также четвертые — между рационализмом и рефлексизмом — по сути не состоялись в Японии [9, р. 376, 383]. Эти дебаты не были драматичными, как на Западе, но они подспудно идут, плавно перетекая из одной фазы в другую.

Нескончаемая дискуссия японских политологов фокусируется на вопросе, насколько и чем западные теории международных отношений отличаются от разработанных в Азии, в том числе Японии¹³. Иногути считает, что нет западной по-

литической науки, как не существует и незападной. По его мнению, можно говорить лишь о политологии, которая “сопрягает две традиции — авраамическую и дхармическую, уравнивая их”¹⁴. Эти две традиции лишь чуть по-разному расставляют акценты. Первая подчеркивает упорядоченность и унификацию теоретического наследия христианства, ислама и иудаизма, а вторая — многообразие феноменов и уважение к различиям, присущим буддизму, синтоизму, а также индуизму и даосизму. Иногути утверждает, что японские ТМО отличаются от западных, если воспринимать эти теории в узком смысле, как в американской науке. “Но мой ответ будет положительным, — подчеркивает ученый, — если теории международных отношений станут включать конструктивизм, нормативные, позитивистские и правовые теории, а также работы, выходящие за рамки строго формального теоретизирования” [9, р. 376].

Сато Ёитиро и Хирата Кэйко¹⁵ делят политологов на два условных лагеря, один из которых опирается в основном на количественные методы исследования и принципы рационализма, а другой — на качественный конструктивистский анализ: «Признавая необходимость множественных подходов и методов, мы считаем важным вести диалог точек зрения с различной теоретической и методологической “оптикой”, чтобы обеспечить изучение полноценно информированными учеными японской внешней политики и международных отношений» [47, р. vii]. Методы компьютерного моделирования в области ТМО применяются с 1970—1980-х годов, но они возродились в XXI в. благодаря работам Сэки Хирохару, Мусьякодзи Кинхидэ и Сакамото Ёсикадзу с использованием регрессионного и кластерного анализа, теории игр, агентного анализа и т.д., а также проектам Иногути [41; 42].

Кризис биполярной мировой системы поставил перед Японией задачу уточнения парадигмы национальной безопасности. Кабинет Абэ Синдзо открыто сформулировал задачу пересмотра мирной Конституции. Сравнение результатов замеров общественного мнения и электорального поведения японцев зафиксировало “устойчивое голосование японцев за правящую партию даже при значимой степени несогласия с ее политикой” [48, с. 53]. Среди экспертов и ученых-международников (Иногути Такаси, Ито Кэнъити, Китаока Синъити) наблюдается сдвиг в сторону изменения подходов к обороне от внешней угрозы [49, р. 124]:

бенной страной”: протагонисты — Иногути Такаси, Сакаи Тэцуя, Симидзу Косукэ, Ямамото Кадзуя и др.

¹⁴ Цитата из переписки автора статьи с Иногути Такаси от 26.04.2016.

¹⁵ Сато Ёитиро — профессор Центра изучения безопасности в АТР; Хирата Кэйко — доцент Калифорнийского государственного университета, Нортридж.

¹¹ Танака А. Доклад на семинаре Российского совета по международным делам (РСМД). 07.02.2020.

¹² Иногути Такаси — японский политолог-энциклопедист и политический философ, почетный профессор Токийского университета, зам. Генерального секретаря ООН по взаимодействию университетов в АТР (1998—2000), председатель Японской ассоциации международных исследований (2000—2002), ректор Университета префектуры Ниигата (2009—2017), ныне почетный профессор-исследователь Института азиатских культур Университета Дж.Ф. Оберлина, главный редактор журнала *Asian Journal of Comparative Politics*, основатель крупнейшего в Азии банка данных *Asian Survey*.

¹³ На микроуровне эта проблема связана с дискурсом: должна ли Япония стать “обычной” или оставаться “осо-

растет толерантное отношение к отмене 9-й статьи Конституции, но с оговоркой, что вооруженные силы могут применяться исключительно в целях обороны и защиты от терроризма.

Главный водораздел в японской политологии — это принадлежность к сторонникам или противникам концепции “обычного государства” (*normal state, фуцу-но кун*). Под этим термином подразумевается оценка: 1) в “терминах ремилитаризации” или 2) превращения Японии в страну, “которой нечего стыдиться и не за что извиняться, причем второе условие предположительно делает необходимым первое” [49, р. 130]. Термин “обычная страна” — некий политологический “оборотень”. Под обычным государством подразумевается система, освобожденная от ограничений “мирной” 9-й статьи Конституции, которая провозгласила отказ от войны как средства решения международных споров. Именно эта статья делает Японию уникальной страной, а не “обычной”.

К правому крылу политического спектра относятся политологи, которые, как Таниути Сётаро, Такахаси Масаюки [50], называют 9-ю статью “большим препятствием” (*окина сисё*) или, отдавая на словах должное пацифизму, подчеркивают, что невозможно обеспечить безопасность страны, не отменив “мирную статью” [51]. Например, Миясита Аkitоси с позиций умеренного рационализма анализирует связи норм и идей в японском пацифизме с их материальными основаниями, такими как наличие угроз. Он считает, что культура антимилитаризма и идентичность Японии как торгово-финансовой державы поддерживались во многом потому, что страна была экономически успешной, а ее безопасность — гарантирована США [52]. Вместе с Идзумикава Ясухиро он утверждает, что “антимилитаристский нарратив” опирается не только на нормы и политическую культуру, комплексы и фобии, но — под стать рационалистам — и на “структурные и материальные факторы” [53].

“Осторожный конструктивист” Китаока Синъити пишет: “Если начинать с вопроса о том, как сохранить Конституцию, то такой подход изначально неверен. Высший приоритет в том, как сохранить мир” [54]. “Убежденные конструктивисты”, например Бэфу Харуми, связывают “пацифистский нарратив” с концептом *ва* (гармонии) [55].

Наименьший общий знаменатель разных политических повесток дня находим в определении шведского японоведа Лануса Хангстрёма: «Япония изображается как “Другой” в международной системе, хотя и с полностью различными коннотациями и следствиями — акцентом на японский пацифизм и исключительность в политическом сегменте

левее центра и на секьюритизации и опасностях японской “ненормальности” на правом фланге» [49, р. 129]. Это говорит о неоднородности японской идентичности или ее затянувшимся кризисе.

* * *

По контрасту с механистическими идеями линейного прогресса, господствовавшими в западных ТМО и определявшимися субстанциональной парадигмой, в Японии доминировали процессуальная парадигма и идеи цикличности развития мира, упор на переживание реальности “здесь и сейчас”. Японские теоретики акцентируют контекст и модальности, связи и отношения, тогда как западные — “вещи” и принципы, объекты и структуры [12, с. 6, 7].

В отличие от американского мейнстрима, японские ТМО в большей мере нацелены на культурно-исторический подход, доминирует региональная тематика. Интерес к теоретической составляющей отражает реактивный и минималистский характер послевоенной внешней политики Японии, а политологи используют различные подходы ситуативного, в зависимости от контекста.

Вопрос о том, насколько самобытна японская школа ТМО, насколько она зависима от западной традиции, отходит на задний план. Гораздо более значимым представляется выявление наиболее продуктивных идей, возникающих на пересечении политических культур и традиций в результате их диалога, а также определение возможностей и границ применения методов и теорий, выработанных западной наукой, для исследования новых реалий собственного политического пространства учеными незападных стран.

В западных ТМО вновь берет верх политический (нео)реализм с его опорой на рациональные (чаще силовые) факторы. Но Япония управляется нормами, направленными на сочетание политического реализма и базового стремления к гармонизации отношений, отдавая предпочтение мягкой силе, которая эффективна, когда применяется тонко и ненавязчиво. (Вместе с тем японское мышление отличается прагматизмом и обеспечивает рационализацию конструктивистских ценностей и идеалов, которые практически сливаются с интересами. То есть японские ценности не абстрактны, а изначально продиктованы интересами, и потому антитеза неореализма и конструктивизма смягчается.)

В этом плане исследование японских ТМО дает интересный материал для адекватной оценки и понимания характера эволюции современной политической теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Ogura K. *Japan's Asian Diplomacy. A Legacy of Two Millennia*, Tokyo, International House of Japan, 2015. 231 p.
2. Shimizu K. Materializing the 'non-Western': two stories of Japanese philosophers on culture and politics in the inter-war period. *Cambridge Review of International Affairs*, 2014, vol. 28, no. 1, pp. 3-20. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/09557571.2014.889083> (accessed 05.02.2020).
3. 佐久間象山, 「海防論」 『日本の名著』第30巻, 東京, 中央公論社、1984年、頁111-187. [Sakuma S. Theory of Maritime Defense. Masterpieces of Japan, vol. 30. Tokyo, Chuokoron-Shinsha, 1984, pp. 111-187 (In Jap.)]
4. 横井小楠, 「大義を世界に」 『日本の名著』第30巻, 東京, 中央公論社、1984年、頁443-505. [Yokoi S. Great justice to the world. Masterpieces of Japan, vol. 30. Tokyo, Chuokoron-Shinsha, 1984, pp. 443-505 (In Jap.)]
5. 陸羯南 「国際論」 『日本の名著』第37巻, 東京, 中央公論社、1984年、頁173-228. [Kuga K. International Theory. Masterpieces of Japan, vol. 37. Tokyo, Chuokoron-Shinsha, pp. 173-228 (In Jap.)]
6. 加藤弘之, 「隣草」 『日本の名著』第34巻, 東京, 中央公論社、1984年、頁 37-327. [Kato H. Notes on the Neighbor. Masterpieces of Japan, vol. 34. Tokyo, Chuokoron-Shinsha, 1984, pp. 37-327 (In Jap.)]
7. Penas-Ibáñez B., Manabe A., eds. *Cultural Hybrids of (Post) Modernism. Japanese and Western Literature, Art and Philosophy*. Bern, Peter Lang, 2017. 240 p.
8. Ikeda J. Japanese Vision of International Society. *Is There a Japanese IR? Seeking an Academic Bridge through Japan's History of International Relations. Research Series 5*. Afrasian Centre for Peace and Development Studies, Kyoto, Ryukoku University, 2008, pp. 5-28.
9. Inoguchi T. Are there any theories of international relations in Japan? *International Relations of the Asia-Pacific*, 2007, vol. 7, no. 3, pp. 369-390. DOI: 10.1093/irap/lcm015
10. 西田幾多郎, 「 国際新秩序の原理」, 『西田幾多郎全集』第12巻、東京, 中央公論社、1950年. [Nishida Kitaro Zensho (Complete Works of Nishida Kitaro), vol. 12. Tokyo, Chuokoron-Shinsha, 1950 (In Jap.)] Available at: https://archive.org/details/aozorabunko_03668/page/ (accessed 01.03.2020).
11. Davis B., Schroeder B., Wirth J.M., eds. *Japanese and Continental Philosophy. Conversations with the Kyoto School*. Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 2011. 331 p.
12. Карелова Л.Б. *Ключевые мировоззренческие проблемы в японской философии XX века (Историко-философские очерки)*. Москва, ИФ РАН, 2017. 126 с. [Karelova L.B. *Klyuchevye mirovozzrencheskie problemy v yaponskoi filosofii XX veka (Istoriko-filosofskie ocherki)*] [Key Worldview Problems in Japanese Philosophy in the Twentieth Century (Historical and Philosophical Essays)]. Moscow, Institute of Philosophy RAS, 2017. 126 p.]
13. Dilworth D.A., Vigieliemo V.H., Maraldo J.C., eds. *Sourcebook for modern Japanese philosophy. Selected documents*. Westport, Greenwood Press, 1998. 1340 p.
14. 戸坂潤, 「世界の一環としての日本」 『戸坂潤全集』第5巻、東京, 勁草書房、1967年、226頁. [Tosaka J. Japan as a Part of the World. Vol. 5. Tokyo, Keiso Shobo, 1967. 226 p. (In Jap.)]
15. Iriye A. *Japan and the Wider World. From Mid-Nineteenth Century to the Present*. London, Longman, 1997. 213 p.
16. Complicit Exoticism: Japan and Its Others. *Continuum: The Australian Journal of Media and Culture*. 1994, vol. 8, no. 2, pp. 1-25.
17. 吉川直人, 野口和彦 編 『国際関係理論』東京, 勁草書房, 2011年, 372頁. [Yoshikawa N., Noguchi K., eds. Theory of International Relations. Tokyo, Keiso Shobo, 2011. 372 p. (In Jap.)]
18. Торкунов А.В. Вызовы социогуманитарной науке в России. *Полис. Политические исследования*. 2018, № 5, сс. 8-16. [Torkunov A.V. Vyzovy sotsiogumanitarnoi nauke v Rossii [Challenges to Social and Human Sciences in Russia]. *Polis. Political Studies*, 2018, no. 5, pp. 8-16.] DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.02>
19. Чугров С.В. Мягкое притяжение Японии. *Полис. Политические исследования*, 2015, № 6, сс. 53-67. [Chugrov S.V. Myagkoe prityazhenie Yaponii [Soft attraction of Japan]. *Polis. Political Studies*, 2015, no. 6, pp. 53-67.] DOI: 10.17976/jpps/2015.06.08
20. Iwabuchi K. Japanese popular culture and postcolonial desire for “Asia”. *Popular Culture, Globalisation and Japan*. Allen M., Sakamoto R., eds. London, New York, Taylor & Francis Group, 2006, pp. 15-35.
21. Katsumata H. Japanese popular culture in East Asia: a new insight interregional community building. *International Relations of the Asia-Pacific*, 2012, vol. 12, no. 1, pp. 133-160.
22. Miyaoka I. Japan's conciliation with the United States in climate change negotiations. *International Relations of the Asia-Pacific*, February 2004, vol. 4, no. 1, pp. 73-96. DOI: 10.1093/irap/4.1.73
23. Shibuya E. The Kyoto Protocol from Formulation to Ratification: Japan's Role in International Climate Negotiations. *Norms, Interests, and Power in Japanese Foreign Policy*. Sato Yo., Hirata K., eds. New York, Palgrave Macmillan, 2008, pp. 211-231. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230615809_10
24. Стрельцов Д.В. Япония как “зеленая сверхдержава”. Москва, МГИМО-Университет, 2012. 212 с. [Strel'tsov D.V. *Yaponiya kak “zelenaya sverkhderzhava”*. [Japan as a “green superpower”]. Moscow, MGIMO-University, 2012. 212 p.]
25. Inada J. Japan's Aid Diplomacy: Economic, Political or Strategic? *The International Relations of Japan*. London, MacMillan, 1990, pp. 100-120.

26. Yasutomo D.T. *The New Multilateralism in Japan's Foreign Policy*. New York, St. Martin's Press, 1995. 230 p.
27. Yasutomo D.T. *The Manner of Giving: Strategic Aid and Japanese Foreign Policy*. Lexington, Lexington books, 1986. 147 p.
28. Yasutomo D.T. Why Aid? Japan as an "Aid Great Power". *Pacific Affairs*, Winter 1989–1990, vol. 62, no. 4, pp. 490-503.
29. Hirano K. TICAD and the National Interest of Japan. *Japanese Studies*, September 2012, vol. 32, no. 2, pp. 183-199.
30. Sakamoto H. Globalization of Bioethics as an Intercultural Social Tuning Technology. *East Asian Culture Seminar "Globalization and East Asian Culture"*. East-West Center, Honolulu, Hawaii, Tokyo, University Research Center, Nihon University, 2003, pp. 11-18.
31. Чугров С.В., Карелова Л.Б. Глобализация: японские интерпретации социокультурных процессов. *Вопросы философии*, 13.08.2009. [Chugrov S.V., Karel'ova L.B. Globalizatsiya: yaponskie interpretatsii sotsiokul'turnykh protsessov [Globalization: Japanese interpretations of sociocultural processes]. *Voprosy filosofii*, 13.08.2009.] Available at: http://vphil.ru/index.php?id=52&option=com_content&task=view (accessed 01.03.2020).
32. *Third Dimension? Is There a Japanese IR? Seeking an Academic Bridge through Japan's History of International Relations*. Research Series 5. Afrasian Centre for Peace and Development Studies. Kyoto, Ryukoku University, 2008, pp. 69-83.
33. Uesugi Yu., ed. *Hybrid Peacebuilding in Asia*. Tokyo, Palgrave Macmillan, 2020. 156 p. DOI: 10.1007/978-3-030-18865-8
34. Симотомай Н. Ким Ир Сен и Кремль: Северная Корея эпохи холодной войны (1945–1961 гг.). Москва, МГИМО-Университет, 2009. 332 с. [Shimotomai N. Kim Il Sung i Kreml': Severnaya Koreya epokhi kholodnoi voiny (1945–1961) [Kim Il Sung and the Kremlin: North Korea in Cold War era (1945–1961)]. Moscow, MGIMO-University, 2009. 332 p.]
35. 下斗米信夫，神と革命，東京，千曲書房，2017年384頁 [Shimotomai N. Gods and Revolution. Tokyo, Chikuma Publishers, 2017. 384 p. (In Jap.)]
36. Anno T. *National Identity and Great-Power Status in Russia and Japan. Non-Western Challengers to the Liberal International Order*. Oxon – New York, Routledge, 2019. 200 p.
37. Tanaka A. *Japan in Asia Post-Cold-War Diplomacy*. Tokyo, JPIC, 2017. 464 p.
38. Tanaka A. *The New Middle Ages: The World System in the 21st Century*, Tokyo, International House of Japan, 2002. 264 p.
39. Inoguchi T., Lien T.Q.L. *The Development of Global Legislative Politics. Rousseau and Locke Writ Global*, Singapore, Springer Verlag, 2019. 288 p.
40. 猪口孝 編，『日本とロシア：真逆か、相違か?』東京，原書房，2015年、頁40-62. [Inoguchi T., ed. Japan and Russia: True or Different? Tokyo, Hara Shobo, 2015, pp. 40-62 (In Jap.)]
41. Inoguchi T. Multiple Modes of Wellbeing in Asia. *Global Handbook of Quality of Life*. Glatzer W. et al., ed. Dordrecht, Springer, 2015, pp. 597-607.
42. Inoguchi T. A Call for a New Japanese Foreign Policy: The Dilemmas of a Stakeholder State. *International Affairs*, July 2014, vol. 90, no. 4, pp. 943-958.
43. Inoguchi T. Japan in 2013: Abenomics and Abegeopolitics. *Asian Survey*, January/February 2014, vol. 54, no. 1, pp. 101-112.
44. Inoguchi T. Japan's Foreign Policy Line after the Cold War. *The Troubled Triangle*. Inoguchi T., Ikenberry G.J., eds. New York, Palgrave Macmillan, 2013, pp. 35-62.
45. *Political Parties and Democracy. Contemporary Western Europe and Asia*. Inoguchi T., Blondel J., eds. New York, Palgrave Macmillan, 2012. 240 p.
46. 猪口孝，『政治理論』ミネルヴァ書房，2015年、278頁 [Inoguchi T. Political Theory. Tokyo, Minerva Publishers, 2015. 278 p. (In Jap.)]
47. Sato Yo., Hirata K., eds. *Norms, Interests, and Power in Japanese Foreign Policy*. New York, Palgrave Macmillan, 2008. 288 p. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230615809_10
48. Чугров С.В., Карелова Л.Б. Специфика и основные тренды политической идентичности японцев: по материалам опросов общественного мнения 1998–2019 гг. *Социологический журнал*, 2019, т. 25, № 4, сс. 38-55. [Chugrov S.V., Karel'ova L.B. Spetsifika i osnovnye trendy politicheskoi identichnosti yapon'tsev: po materialam oprosov obshchestvennogo mneniya 1998–2019 [Profile and Major Trends of Japanese Political Identity: Evidence from 1989–2018 Sociological Surveys]. *Sotsiologicheskii Zhurnal (Sociological Journal)*, 2019, vol. 25, no. 4, pp. 38-55.] DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6816
49. Hagström L. The 'abnormal' state: Identity, norm/exception and Japan. *European Journal of International Relations*, 2015, vol. 21, no. 1, pp. 122-145. DOI: 10.1177/13540661135183563
50. 谷内正太郎 著，高橋昌之，聞き書き 外交の戦略と志：前外務事務次官谷内正太郎は語る』東京，産経新聞出版，2009年、222頁. [Taniuchi Sh., Takahashi M. Hearing and Writing, Strategy and Aspirations of Foreign Affairs: Former Foreign Affairs Secretary, Shotaro Taniuchi Talks. Tokyo, Sankei shimbun shuppan, 2009. 222 p. (In Jap.)]
51. Soeya Y., Tadokoro M., Welch D.A., eds. *Japan as a "Normal Country"? A Nation in Search of its Place in the World*. Toronto, University of Toronto Press, 2011. 211 p. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.4.6816>
52. 北岡 伸一 「憲法に固執して国家の安全を忘れるな： 安保法制懇報告書の意義」『中央公論』掲載巻 129号6，2014年、頁72–79. [Kitaoka Sh. Don't Stick to the Constitution and Remember the Security of the Nation: Significance of the Security Legislative Report. *Chuo koron*, 2014, vol. 129, no. 6, pp. 72-79 (In Jap.)]
53. Miyashita A. Where do norms come from? Foundations of Japan's postwar pacifism. *International Relations of the Asia-Pacific*, 2007, vol. 7, no. 1, pp. 99-120.

54. Izumikawa Y. Explaining Japanese antimilitarism: Normative and realist constraints on Japan's security policy. *International Security*, 2010, vol. 35, no. 2, pp. 123-160.
55. Befu H. *Hegemony of Homogeneity: An Anthropological Analysis of Nihonjinron*. Melbourne, Trans Pacific Press, 2001. 181 p.

SOURCES AND TRENDS OF JAPANESE INTERNATIONAL RELATIONS THEORIES

(World Economy and International Relations, 2020, vol. 64, no. 5, pp. 73-83)

Received 05.02.2020.

Sergey V. CHUGROV (sergeychugrov@gmail.ru),

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation.

Japanese theories of international relations (IR) turn into an increasingly important subject of research by Russian political scientists as Russia progressively orientates toward the East. The research task of this article is to approach the understanding of the origins and current landscape of Japanese theoretical thought in IR, explaining its cultural, historical and political condition. Using the historical-genetic method, the author restores the stages of the genesis of the Japanese theoretical understanding of IR, painting a picture of historical continuity that helps to understand the political thinking of today's Japanese. The author investigates the concepts of the contemporary Japanese theorists – Inoguchi Takashi, Tanaka Akihito, Anno Tadashi, – and other political scientists who determine the main trends of Japanese IR theories, which are the regional comparative studies (primarily Asian studies), specifically Japanese understanding of the soft power concept, political aspects of environmentalism, discourse of differences and a common denominator of Western and non-Western IR theories. Of practical importance is the analysis of the discussion of Japanese international affairs specialists on the transformation of Japan into an “ordinary country”, which has the prospect of rejecting the “peaceful” 9th article of the Japanese constitution and the historically established pacifist identity of the Japanese nation behind it. The author concludes that the most noticeable contribution of Japanese political scientists to world political science is the creative transformation and enrichment of Western concepts with non-Western approaches to world order.

Keywords: theories of international relations, Japan, Russia, traditions, 9th article of the Japanese constitution.

About author:

Sergey V. CHUGROV, Doctor of Sociology, Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-73-83

ЗАКОНТРАКТОВАННОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГАЗОВЫХ РЫНКОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕН НА ПРИРОДНЫЙ ГАЗ

© 2020 г. С. Комлев, Д. Чапайкин

*КОМЛЕВ Сергей Львович, кандидат экономических наук,
ООО “Газпром экспорт”, РФ, 191023 Санкт-Петербург, пл. Островского, 2А, Литера А
(s.komlev@gazpromexport.gazprom.ru).*

*ЧАПАЙКИН Даниил Алексеевич, стажер,
ООО “Газпром экспорт”, РФ, 191023 Санкт-Петербург, пл. Островского, 2А, Литера А (dchapaykin@gmail.com).*

Статья поступила в редакцию 20.01.2020.

Размер спотового сегмента является самостоятельным фактором ценообразования на рынках природного газа в Европе и Азии, поскольку он определяет общий объем спроса, а в случае перекупанности искусственно ограничивает его. Чем менее законтрактрован газовый рынок, тем относительно большие объемы спроса должны покрыть спотовые поставки, и наоборот. Размер спотового рынка непостоянен. Он зависит от соотношения предложения и спроса, а также гибкости контрактных отношений. Если цены спотовых поставок выше цен долгосрочных контрактов, то покупатели полностью выбирают объемы газа, которые им обязались поставить продавцы, а последние стремятся к увеличению поставок газа вне контрактов. Если долгосрочные контракты оказываются дороже спота, то покупатели стремятся свести свои обязательства по контрактам к минимуму и максимизировать закупки незаконтрактрованного газа. Задача статьи – выявление количественной зависимости между уровнем законтрактванности и размерами спреда между контрактными и спотовыми ценами на региональных рынках.

Ключевые слова: природный газ, ценообразование, долгосрочные контракты, спотовые цены, якорные цены, индекс законтрактванности, спред между контрактными и спотовыми ценами, перекупанность рынка, международные агрегаторы.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-84-92

Региональные экспортные рынки природного газа в Европе и Юго-Восточной Азии имеют двухсегментную структуру. В более крупном по объему сегменте рынка поставки осуществляются по долгосрочным контрактам. В другом – на основе спотовых поставок. На азиатском рынке только 25% поставок СПГ приходится на долю спотовых сделок и краткосрочных контрактов с исполнением в течение одного года. В ЕС показатель не превышает 20%, а львиная доля поступает по долгосрочным контрактам в основном в виде трубопроводного газа из третьих стран.

ОСОБЕННОСТИ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ НА РЫНКАХ ГАЗА

Ценообразование на спотовый и законтрактванный газ характеризуется существенными различиями. В первом случае цена является результатом прямой двухсторонней договоренности и/или основана на текущих форвардных котировках торговых площадок от внутридневной до месячной срочности. Долгосрочные контакты, как правило, используют формульное ценообразование, в том числе с привязкой к ценам топлив-субститутов,

а также различные формы усреднения¹. Покупатель и продавец договариваются об уровне цены на много лет вперед с правом ее пересмотра, если она перестает отвечать условиям рынка.

Различие между спотовыми и контрактными ценами объясняется тем, что цены долгосрочных контрактов по своему назначению призваны отражать долгосрочную ценность природного газа, а краткосрочных контрактов и спота – его текущую ценность. Очевидно, что спотовые цены являются более чувствительными к балансу спроса и предложения, чем цены долгосрочных контрактов. Именно в этом сегменте рынка происходит балансировка спроса и предложения. Контрактный сегмент в таком процессе не участвует, так как его цены определены заранее.

Какое влияние оказывают цены долгосрочных контрактов на цены спота? Зарубежные исследователи, как правило, не уделяют этому вопросу особого внимания, ограничиваясь констатацией различий в уровне цен. Утверждается, что если

¹ Это не означает, что цена в долгосрочных контрактах не может быть привязана к ценам день-вперед, а цены спота – к нефтяному индексу. Но это, скорее, исключение, чем правило.

долгосрочные контракты привязаны к ценам субститутов, нефти или угля, то это снижает качество рыночного сигнала (он определяется функциональностью других рынков), создает риски сильного расхождения контрактных и спотовых цен. Но с таким ущербным механизмом ценообразования, использующим цены субститутов, по мнению зарубежных аналитиков, приходится до поры до времени мириться, поскольку в Азии торговые хабы не получили достаточного развития. В любом случае цены, формируемые на торговых хабах, обладают преимуществом перед формульными.

В действительности же спотовые цены находятся в тесной зависимости от цен долгосрочных контрактов, являясь производными от них. В чем заключается этот производный характер?

Доминирующая роль долгосрочных контрактов в импорте природного газа приводит к тому, что они становятся центром притяжения для спотовых цен на незаконтрактованном сегменте рынка. Выражается эта зависимость в том, что цены спота на дефицитном рынке устанавливаются выше контрактных цен, а на профицитном – ниже. Якорная природа цен долгосрочных контрактов по отношению к спотовым ценам проявляется в том, что последние с определенной периодичностью, характерной для состояния газового рынка, демонстрируют схождение и расхождение с контрактными ценами.

Поскольку все существующие на региональном (страновом) рынке дисбалансы сконцентрированы в сегменте спотовых поставок, то цены в этом малом сегменте спроса гипертрофированно реагируют даже на небольшие, гомеопатические с точки зрения всего рынка отклонения спроса от предложения.

Этот тезис можно проиллюстрировать следующим образом. Объем мирового рынка СПГ в 2019 г. оценен аналитиками компании *Shell* в 359 млн т [1]. По оценке ООО «Газпром экспорт», превышение предложения над спросом на этом рынке составило 17 млн т. Относительно всего мирового рынка СПГ разрыв составил всего 5%. Однако по отношению к его спотовому сегменту (89 млн т, или 25% общего объема) разбалансировка составит уже 19%. Неудивительно, что спотовые цены реагируют на дисбаланс более выраженным падением в сравнении с гипотетической ситуацией, когда при отсутствии долгосрочных контрактов равновесная цена отражала бы соотношение спроса и предложения для всего рынка.

Однако специфика двухсегментного мирового рынка природного газа не сводится к мультипликативному эффекту спотовых цен. Размер спотового сегмента становится самостоятельным фактором ценообразования, поскольку он определяет величину спроса. Чем менее законтрактован газовый рынок, тем относительно большие объемы спроса должны быть покрыты спотовыми поставками, и наоборот.

Размер спотового рынка непостоянен. Он зависит от соотношения общих объемов предложения и спроса, а также гибкости контрактных отношений. Если цены спотовых поставок выше цен долгосрочных контрактов, то покупатели полностью выбирают объемы газа, которые обязаны поставить им продавцы, а последние стремятся к увеличению поставок газа вне контрактов. Если долгосрочные контракты оказываются дороже спота, то покупатели стремятся свести свои обязательства по ним к минимуму и максимизировать закупки незаконтрактованного газа.

В таких условиях представляет аналитический и практический интерес выявление зависимости между спредами цен долгосрочных контрактов и спота, с одной стороны, и объемом незаконтрактованного сегмента спроса, с другой. В случае возникновения ситуации превышения спроса над предложением требуется доказать, что такие спреды возрастают по мере уменьшения этого сегмента. Соответственно, в ситуации превышения предложения над спросом они снижаются по мере увеличения незаконтрактованного сегмента. Если удастся подтвердить подобные взаимозависимости и количественно оценить их, то можно сформировать аналитический инструментальный для прогнозирования спотовых цен.

Важно учитывать, что размер спотового сегмента является лишь одним из факторов ценообразования на региональных рынках газа. На ценовые спреды могут оказывать влияние и другие факторы, даже более влиятельные, чем уровень законтрактованности. Это предопределило необходимость проверки вышеизложенной гипотезы на временном интервале, характеризующемся эволюционным характером развития рынка. В качестве такового выбран временной интервал 2014–2018 гг.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Наибольшую сложность при верификации гипотезы о влиянии размера незаконтрактованного сегмента рынка на спотовые цены является определение уровня законтрактованности региональных рынков природного газа. Статистические ряды, характеризующие размеры спотового сегмента спроса на СПГ, предлагают два источника: Международная ассоциация импортеров природного газа (*International Group of Liquefied Natural Gas Importers, GIIGNL*) и консалтинговая компания *IHS Markit*, данные *Waterborne (подразделение)* [2, 3, 4, 5].

Сложнее обстоит ситуация с определением уровня законтрактованности рынка трубопроводного газа в Европе. Для оценки размеров данного сегмента мы воспользовались данными контракт-

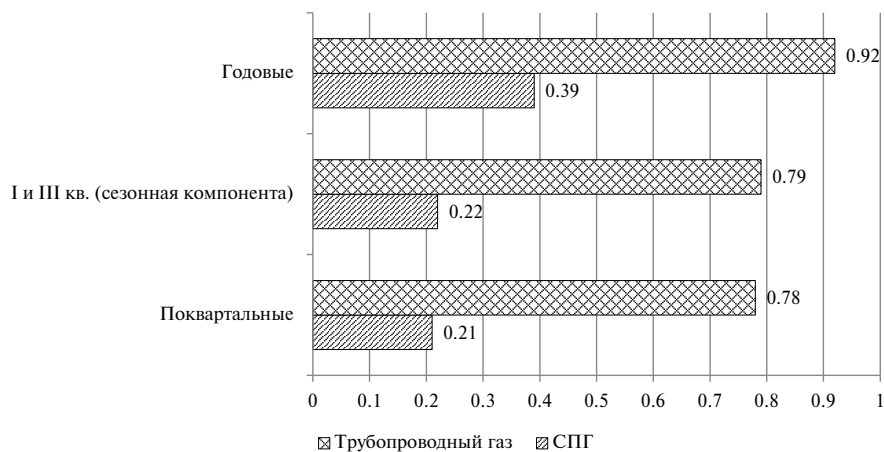

Рис. 1. Корреляция уровня контрактации и ценового спреда на рынке СПГ и трубопроводного газа для различающихся частотных данных, 2014–2018 гг.

Рассчитано авторами по: [2].

ной базы аналитического центра *CEDIGAZ*, которая была дополнена обобщениями публикаций из средств массовой информации. На этой основе был рассчитан индекс законтрактанности мирового рынка газа, а также региональных рынков с разбивкой на контракты по трубопроводному газу и СПГ. Индекс рассчитывается как отношение годовых контрактных количеств (ГКК) к объему фактического импорта:

$$\text{Индекс законтрактанности} = \frac{\text{Общий объем ГКК}}{\text{Фактический импорт}}$$

При этом следует отметить, что абсолютная оценка размеров спотового сегмента рынка СПГ на основе вышеуказанного индекса невозможна, так как она требует очистки объема годовых контрактных количеств от двойного счета, что ограничило бы возможности для анализа роли изучаемого фактора на мировом рынке СПГ.

Для определения цен долгосрочных контрактов² были взяты данные *IHS Markit Connect* (Европа) и *IHS Markit, Waterborne* (Азия), а также экспертные оценки уровня цен долгосрочных контрактов для российского и норвежского газа (*ICIS Heren*) [6]. Для оценки уровня спотовых цен использовалась информация агентства *S&P Global Platts* по котировкам на действующих торговых хабах [7].

ЕВРОПЕЙСКИЙ РЫНОК

Для статистической оценки проверяемой гипотезы рассчитаем разрыв между ценами долгосроч-

² В ходе эконометрического анализа рассматривались долгосрочные контракты продолжительностью от 5 лет.

ных и краткосрочных контрактов/спот по сегментам трубопроводного и сжиженного газа.

Влияние уровня контрактации на механизм ценообразования можно предварительно оценить с помощью коэффициента корреляции. Были проанализированы три массива данных с 2014 по 2018 г.: поквартальные, первого и третьего кварталов и годовые показатели. В рамках проведенного анализа были получены следующие значения, актуальные для европейского газового рынка (рис. 1).

Полученные результаты свидетельствуют о наличии линейной связи между уровнем законтрактанности и ценовым разрывом между спотовыми поставками и ценами долгосрочных контрактов по трубопроводному газу. В качестве первых использовались цены *TTF* (наиболее ликвидного европейского хаба), вторых – *Bafa* (цена импортного газа на границе с Германией). Немецкая импортная цена, которая базируется на индексах *Gaspool* и *NetConnectGermany (NCG)*, отражает среднее значение месячных цен, наблюдаемых в течение предыдущего календарного года.

Дополнительно для расчетов были привлечены экспертные оценки *ICIS Heren* для цен долгосрочных контрактов за аналогичный период. За основу взяты среднемесячные цены немецкого импорта газа по долгосрочным контрактам в разбивке по поставщикам. Для временного диапазона 2014–2018 гг. рассчитан спред между спотовым индикатором *TTF* и этими контрактами. Определен коэффициент корреляции между значениями спреда и индексом законтрактанности (рис. 2).

Если посмотреть на ряды в динамическом разрезе, то станет очевидным, что в среднем чем выше уровень законтрактанности, тем ниже цены на спотовом рынке. Большой акцент на сезонной

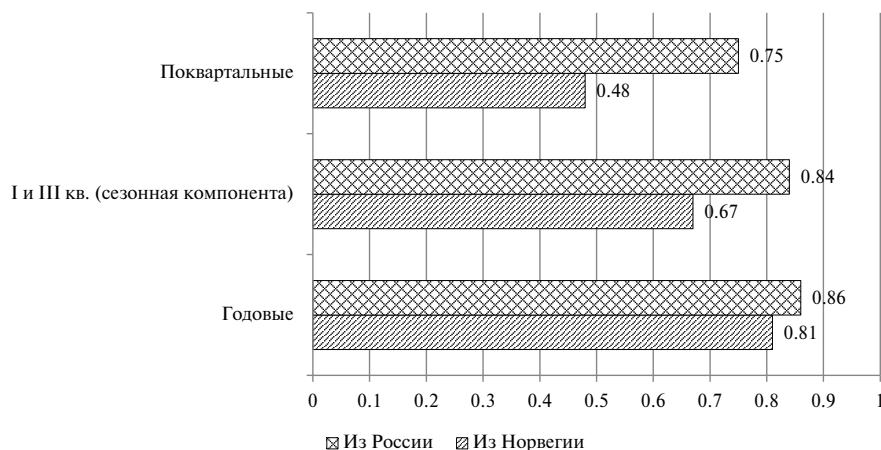

Рис. 2. Корреляция между значениями спреда (цен спота и цен долгосрочных контрактов на границе Германии) и законтрактованностью европейского рынка трубопроводного газа в 2014–2018 гг.

Рассчитано по данным ООО “Газпром экспорт” и [7].

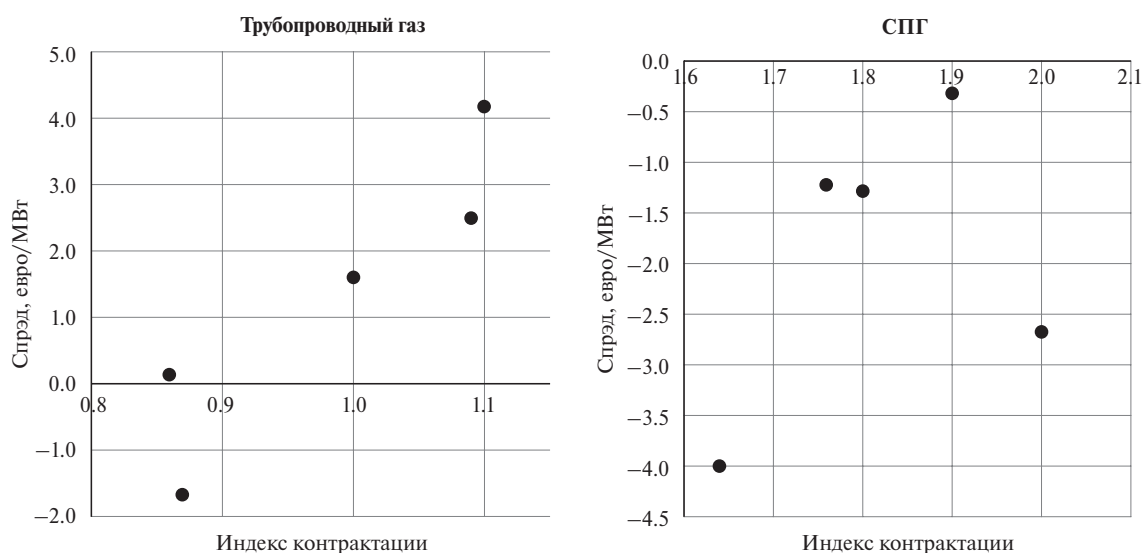

Рис. 3. Характер зависимости уровня контрактации и ценового спреда на рынках трубопроводного газа и СПГ

Рассчитано авторами.

компоненте не сопровождается ощутимыми изменениями в анализируемой связке “незаконтрактованные (спотовые) объемы – цены”. Однако годовые показатели, более динамично отражающие уровень контрактации, показывают линейную зависимость факторов, даже несмотря на относительно малое количество наблюдений (рис. 3).

Облако точек свидетельствует о затухающем эффекте контрактации уровнем выше 1.05 и ниже 0.85. А ценовой разрыв в диапазоне 1–3 евро/МВт можно назвать наиболее эластичным по количеству контрактов.

На европейском рынке сжиженного газа низкий коэффициент корреляции не указывает на наличие

зависимости между размерами незаконтрактованного (спотового) сегмента рынка СПГ и ценовыми спредами на этом рынке. Это, однако, не противоречит гипотезе о наличии такой зависимости ввиду недостатков индекса контрактации для рынка СПГ.

Для моделирования функциональной зависимости между параметрами применим регрессионный анализ. Несмотря на небольшое количество наблюдений, при корректном эмпирическом подходе к подбору факторов и формы их взаимозависимости работа с короткими временными рядами дает достаточно точные результаты.

В случае рынка трубопроводного газа анализ проводился с использованием и линейной, и ку-

бопараболической форм зависимости. Последняя оказалась качественно почти неотличима от линейной, характеризуясь чуть более высоким коэффициентом детерминации (разница – 0.006, то есть менее 1%) и несколько меньшей величиной стандартной ошибки (0.019, то есть около 1.8%). Поэтому отдадим предпочтение более простой линейной модели, статистическая интерпретация которой представлена в таблице.

Таблица. Регрессионная статистика линейной модели

Индикатор	$Spread = 17.8 * CI - 16.2$
Множественный R	0.92
R -квадрат	0.84
Нормированный R -квадрат	0.79
Стандартная ошибка	1.02

Рассчитано авторами.

Примечания.

$Spread$ – величина спреда между ценами спотового сегмента и долгосрочных контрактов.

CI – индекс контрактации, рассчитанный как отношение величины годовых контрактных количеств к объему фактического импорта.

Нулевая гипотеза о незначимости модели, иначе говоря, о равенстве нулю коэффициента при переменной CI (индекс контрактации), согласно статистике Фишера, отвергается на 5%-м уровне (в данном случае значимость по Фишеру – 0.03). Перейдем к расчету доверительного интервала для коэффициента модели. Если подобранное нами уравнение верно, то истинное значение коэффициента при индексе контрактации с вероятностью 90% располагается в интервале:

$$(17.82 - 1.53 * 4.43; 17.82 + 1.53 * 4.43) \\ \text{или } (11.0; 24.6).$$

Указанный интервал не проходит через ноль, что говорит об условной значимости коэффициента при переменной.

В среднем при прочих равных условиях изменение индекса контрактации на 0.1 ведет к изменению ценового разрыва в диапазоне 1.1–2.5 евро/МВт. При росте количества наблюдений в рамках моделирования величина данного интервала будет уменьшаться, а точность повышаться.

ИНТЕРВАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ИНДЕКСА КОНТРАКТАЦИИ НА ЦЕНОВЫЕ РАЗРЫВЫ

Поскольку мы имеем только оценки коэффициентов, стоит заметить, что и прогноз, полученный на основе использованной модели, правильнее давать интервальный.

Предположим, что индекс законтрактованности рынка достиг отметки 1.2. Прогноз значения ценового спреда в точке 1.2 с вероятностью 90% окажется в интервале:

$$(-16.19 + 17.82 * 1.2 - 1.64 * 1.02 * \\ * (0.2 + 0.048/0.053)^{0.5}; \\ (-16.19 + 17.82 * 1.2 + 1.64 * 1.02 * \\ * (0.2 + 0.048/0.053)^{0.5}) \text{ или} \\ \mathbf{(3.44; 6.95) \text{ евро/МВт.}}$$

С вероятностью 70% – в интервале (4.37; 6.02) евро/МВт, с вероятностью 60% – в интервале (4.89; 5.49) евро/МВт.

Конкретное выборочное значение ценового спреда (y) с учетом случайной составляющей:

- с вероятностью 90% попадет в интервал (2.77; 7.62) евро/МВт;
- с вероятностью 75% – (4.05; 6.33) евро/МВт;
- с вероятностью 60% – (4.78; 5.61) евро/МВт.

ОБЪЕМ СПОТОВОГО СПГ КАК ФАКТОР ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ НА ЕВРОПЕЙСКОМ РЫНКЕ

Гипотеза, представленная для верификации статистическими методами, заключается в наличии сильной связи между количественным соотношением законтрактованных и спотовых сегментов рынка и ценовым диапазоном, определяющим колебания спотовых цен вокруг якорных цен долгосрочных контрактов. Данная гипотеза получила подтверждение применительно к рынку трубопроводного газа в Европе, а также количественную оценку. Отсутствие существенной связи между вышеупомянутыми показателями на европейском рынке СПГ, на наш взгляд, объясняется двумя причинами.

Первая – недостатки исходных статистических рядов. На стороне показателя законтрактованности европейского рынка был использован индекс ООО “Газпром экспорт”, отражающий отношение общего объема ГКК на поставку СПГ к фактическому импорту сжиженного газа. Этот индекс указывает на переконтрактованность европейского рынка СПГ в 2018 г. на 64%. Если бы все эти контракты были обязательны для исполнения, то места для спотового сегмента европейского рынка сжиженного газа просто не осталось бы. В действительности спотовый компонент этого рынка был значительным – не менее 30% импорта СПГ [4].

Чтобы служить адекватным индикатором, индекс законтрактованности должен быть очищен от двойного счета, который связан с деятельностью европейских компаний – агрегаторов СПГ. Индекс отражает как объемы контрактов, которые

эти компании заключают с терминалами по сжижению, так и их контрактные обязательства по поставке СПГ европейскими покупателями. Однако и очищенный от двойного счета объемов индикатор не может учитывать гибкость СПГ-контрактов, которая по договоренности европейского покупателя с продавцом СПГ позволяет перенаправлять объемы на другие, более привлекательные рынки.

Вторая причина связана с тем, что в Европе СПГ является дополнительным по отношению к трубопроводному газу источником поставок. Его доля в импорте колеблется в диапазоне 13–17% [4]. Поэтому якорные цены на рынке СПГ определяются не поставками сжиженного газа по долгосрочным контрактам, а условиями доминирующих долгосрочных контрактов.

Для корректного анализа изучаемых зависимостей на рынке Европы более всего подходит относительно изолированный рынок Испании, где доля СПГ в объеме импорта высока. При этом индекс законтрактованности для испанского рынка обладает теми же недостатками, что и общеевропейский индекс.

Тем не менее имеющиеся данные позволяют сделать вывод о влиянии доли незаконтрактованных поставок СПГ на волатильность спотовых цен. Для этого рассмотрим статистику за период с IV кв. 2014 г. по II кв. 2019 г., который характеризовался исключительно высокой волатильностью спотовых цен. В качестве независимой переменной рассмотрим квартальную долю спотовых поставок СПГ на европейском рынке по оценке *IHS* [4]. Динамика этих поставок близка по динамике импорту СПГ Испанией за рассматриваемый период. А зависимым фактором будет спрэд между ценами

долгосрочных импортных СПГ контрактов Испании и котировками *PVB* (*Punto Virtual de Balance*).

Аппроксимирующая осуществленные наблюдения линия тренда показывает, что при росте доли спотовой торговли СПГ изменение волатильности цен происходит разнонаправленно. Спотовый сегмент задает расширенный коридор волатильности, который сужается при приближении доли рынка к 10%. Затем угол разворачивается и вновь наступает период набирающей обороты волатильности, долгосрочные контракты относительно спотовых уверенно дешевеют, пока условно незаконтрактованной не остается треть рынка. Когда рынок переступает отметку 25–30%, происходит ценовое сужение и очередной разворот (рис. 4).

АЗИАТСКИЕ ДИСБАЛАНСЫ

Азиатский рынок, практически полностью ориентированный на потребление СПГ, предоставляет уникальную возможность для верификации гипотезы о влиянии размера спотового сегмента рынка на спрэд контрактных и спотовых цен. На основе данных *S&P Global Platts* и *IHS* был составлен массив данных за период 2016–2019 гг., учитывающий как контрактационную, так и ценовую составляющие азиатского рынка сжиженного газа [5, 7].

Наблюдавшийся на рубеже 2018–2019 гг. рост предложения со стороны австралийских заводов по производству СПГ сработал с обратным эффектом доказанного в предыдущих разделах влияния уровня законтрактованности за цены спота. Хотя размер спотового сегмента рынка вырос, это не привело к повышению спотовых цен относительно контрактных. Напротив, на рынке наблюдалось обрушение цен *JKM* (*Japan Korea Marker*) начиная

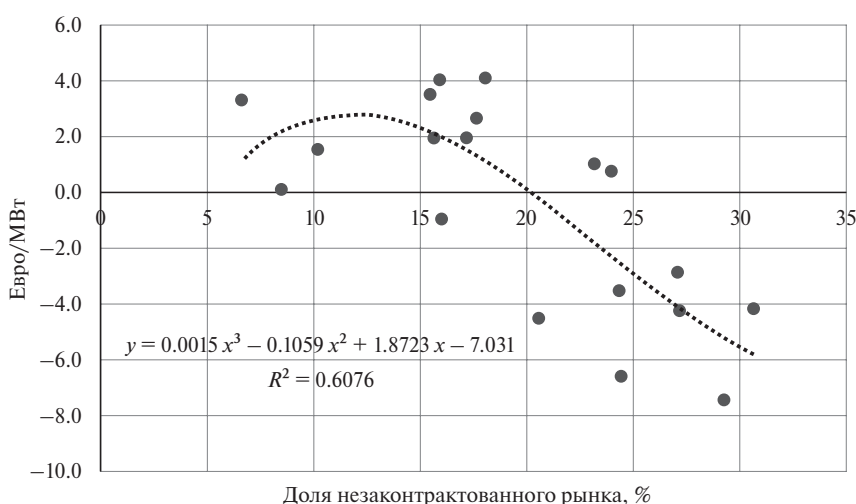

Рис. 4. Испания: динамика ценовой волатильности в зависимости от доли незаконтрактованных импортных объемов СПГ

Рассчитано по: [2, 5].

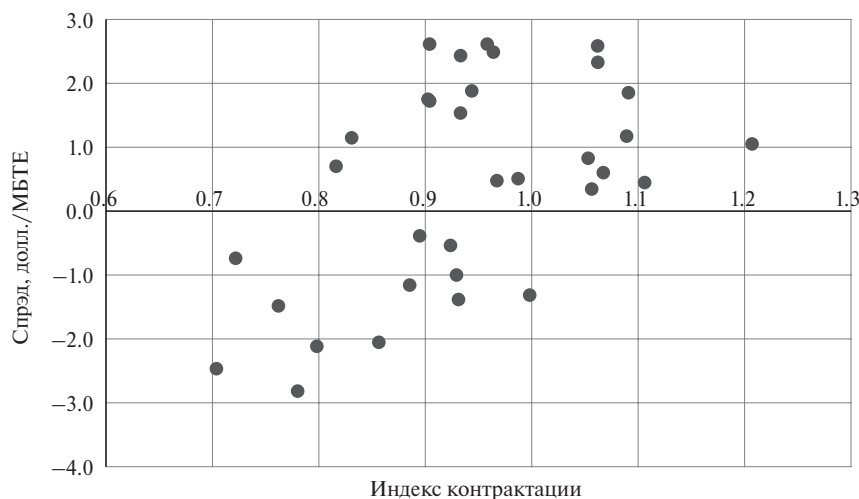

Рис. 5. Структурная неоднородность азиатского рынка

Рассчитано авторами.

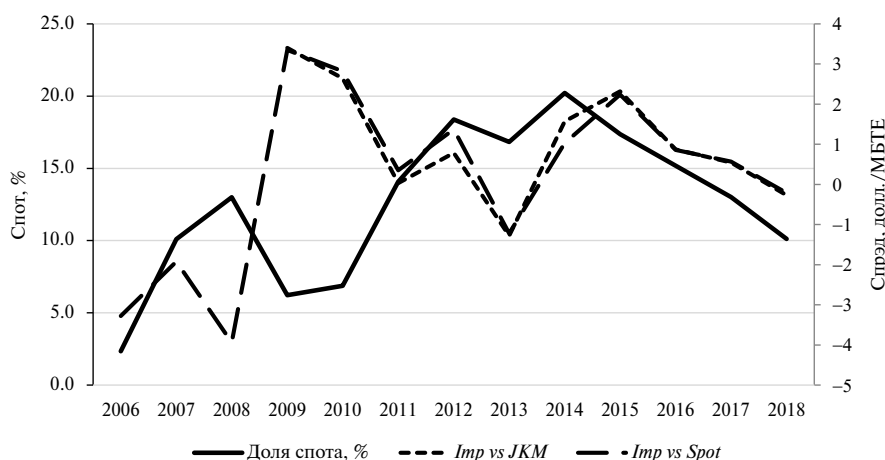

Рис. 6. Япония: взаимодействие законтрактованного и спотового сегментов рынка сжиженного газа

Примечания.

Imp vs JKM – спрэд между среднегодовыми импортными ценами по данным *IHS Markit* и котировками *JKM (Platts)*.

Imp vs Spot – спрэд между среднегодовыми импортными и спотовыми ценами терминала *Sakai* по данным *IHS*.

Рассчитано по: [5, 7].

с последнего квартала 2018 г. Поэтому, несмотря на значительное влияние индекса контракции, прочие факторы, определяющие динамику спроса и предложения, оказали более действенный эффект на цены.

Для оценки чистого эффекта контракции исключим из рассматриваемого диапазона данные после IV кв. 2018 г. В таком случае контур причинно-следственных связей представляется следующим (рис. 5).

Наглядно видны два облака точек, которые являются результатом сезонного тренда. Значения, относящиеся к левому облаку, относятся пре-

имущественно к периоду с января по март 2018 г. Учитывая сложившуюся бифуркацию, используем сезонное моделирование, разделив выборку на две части: январь–март и остальные месяцы. Результаты будут актуальны для соответствующих периодов. Предварительная корреляционная оценка свидетельствует о линейной связи в зимние периоды и о неоднородности на остальном диапазоне (0.93 и 0.65 соответственно). Иными словами, в данном случае наша гипотеза получила только частичное подтверждение и с определенными оговорками.

Очевидна неоднородность азиатского рынка, как и уникальность рыночной модели каждой

страны региона. Если сконцентрироваться на наиболее традиционном импортере – Японии, то графически ярко проявляется эпизодичная сильная взаимозависимость доли незаконтрактованных объемов и ценовых спредов между ценами долгосрочных контрактов и спотовыми котировками (рис. 6).

В послекризисный период 2008–2009 гг. зафиксирована отрицательная корреляция -0.8 , то есть при сужении спотового сегмента в период с 2008–2009 гг. в два раза с 14 до 7%, цены импортных контрактов дешевели быстрее спотовых, что на первый взгляд не укладывается в гипотезу, заявленную в начале статьи. Однако такое поведение спреда имеет свое объяснение, которое заключается в обвале цен на нефть, к которым привязаны цены контрактов.

При существенном увеличении спотового сегмента в 2010–2014 гг. (с 7 до 20%) спред сначала практически исчез, затем в течение 2011 гг. демонстрировал слабую обратно-линейную динамику, что можно объяснить последствиями катастрофы на АЭС Фукусима, что вызвало закрытие атомных электростанций в Японии и всплеск спроса на спотовый СПГ.

С 2012 по 2014 г. индикаторы изменялись параллельно: когда спотовый сегмент сужался, цены спота относительно дешевели, и наоборот. Значение коэффициента корреляции Пирсона – 0.77 . Наиболее линейная динамика просматривается после 2015 г., когда связь максимально приблизилась к верхней отметке, составив 0.96 .

* * *

Верификация гипотезы об уровне законтрактованности как самостоятельном факторе, влияющем на размеры спроса и соответственно цены спота, позволяет заключить, что между размером спотового сегмента и ценами существует прямая линейная зависимость, которая в полной мере проявляется на рынке трубопроводного газа. Это открывает возможность для определения количественных параметров указанной зависимости для европейского рынка, что может быть использовано при прогнозировании цен торговых площадок.

На примере рынка СПГ в Испании сделан важный вывод о том, что волатильность спотовых цен снижается при достижении пропорции между размерами спотового и законтрактованного сегментами рынка как 25:75. Эта пропорция может быть использована при поисках оптимальной архитектуры газового рынка Европы. На азиатском рынке СПГ положительная корреляция между размерами спотового сегмента и спотовыми ценами наблюдалась в периоды стационарной, в том числе сезонной, динамики рынка, отсутствия воздействия внешних дестабилизирующих рынок СПГ факторов со стороны как спроса, так и предложения. В такие периоды связь между рассматриваемыми явлениями меняла знак на противоположный. Расширение спотового сегмента в ситуации вело не к сокращению ценового спреда, а к его увеличению. В периоды восстановления стационарного развития, когда доля спотового сегмента не опускается ниже 10%-го порога, ценовой спред сокращается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Shell LNG Outlook, 2019 edition*. Available at: https://www.shell.com/promos/overview-shell-lng-2019/_jcr_content.stream/1551087443922/1f9dc66cfc0e3083b3fe3d07864b2d0703a25fc4/lng-outlook-feb25.pdf (accessed 23.06.2019).
2. *European Gas Short-Term Price Outlook*. IHS Waterborne, May 2019. Available at: <https://ihsmarket.com/products/eu-energy-forecasts-strategic-analysis-insights-by-fuel.html> (accessed 23.06.2019).
3. *European Gas Long-Term Price Outlook*. IHS Waterborne, May 2019. Available at: <https://ihsmarket.com/products/global-gas-supply-demand-pricing-outlooks.html> (accessed 23.06.2019).
4. *European LNG Spot Market Share*. IHS Waterborne, 2019. Available at: <https://ihsmarket.com/products/global-gas.html> (accessed 23.06.2019).
5. *IHS Markit LNG and Gas Prices*. IHS Waterborne, June 2019. Available at: <https://ihsmarket.com/products/global-gas-supply-demand-pricing-outlooks.html> (accessed 23.06.2019).
6. *Natural Gas Prices, Markets and Analysis*. ICIS Heren, 2019. Available at: <https://www.icis.com/explore/commodities/energy/gas/> (accessed 23.06.2019).
7. *Platts Market Data – Natural Gas*. S&P Global Platts, 2019. Available at: <https://www.spglobal.com/platts/en/products-services/natural-gas/market-data-natural-gas> (accessed 23.06.2019).

CONTRACTED GAS VOLUME AS FACTOR OF PRICE FORMATION ON NATURAL GAS MARKETS

(World Economy and International Relations, 2020, vol. 64, no. 5, pp. 84-92)

Received 20.01.2020.

Sergey L. KOMLEV (s.komlev@gazpromexport.gazprom.ru),

Gazprom export LLC, Litera "A", 2a, Ostrovskogo Sq., St. Petersburg, 191023, Russian Federation.

Daniil A. CHAPAIKIN (dchapaykin@gmail.com),

Gazprom export LLC, Litera "A", 2a, Ostrovskogo Sq., St. Petersburg, 191023, Russian Federation.

Long-term contracts (LTCs) are the hallmarks of the European and Asian gas markets. The dominance of LTCs in international trade leads to their “gravity-center” function in relation to spot prices. When regional gas market is tight, spot prices reside above the LTCs prices. When market is loose they reside below the LTCs prices, but in any case LTCs’ prices serve as anchor for spot gas prices. Taking into account that all market imbalances are concentrated in the spot or non-contracted segment of the market, its prices are overreacting to even insignificant market imbalances. Size of the uncontracted segment thus plays an important role in price formation for natural gas as it becomes a self-sufficient factor determining the volume of demand. Overcontracting, which artificially downscales the size of demand in the uncontracted market segment, often causes a negative spread between spot and contracts price. The paper examines the role of this factor in price formation by measuring correlation between the size of the uncontracted segment and spot price formation. Concerning Europe, the research showed a nearly linear relationship between the LTCs to imports index for pipeline gas and spot/contract price spreads. Such a relationship allows to build up a regression model for forecasting the spot prices. In Asia, overcontracting leads to high volatility of spot prices. Their dependence on the size of uncontracted segment fully reveals itself in the periods of seasonal picks of demand for natural gas.

Keywords: contracted market segment, non-contracted market segment, anchor prices, spot and contract pricing patterns, contract to pricing index, correlation analysis, regression model, international aggregators.

About authors:

Sergey L. KOMLEV, Cand. Sci. (Econ.), Head of Contract Structuring and Price Formation Directorate.

Daniil A. CHAPAIKIN, Intern.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-84-92

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРАТЕГИЙ ЕВРОПЕЙСКИХ АВТОМОБИЛЬНЫХ ТНК НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ

© 2020 г. Ю. Баронина

*БАРОНИНА Юлия Алексеевна, научный сотрудник,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 23 (ubaronina@mail.ru).*

Статья поступила в редакцию 16.10.2019.

Статья посвящена анализу современного российского авторынка и работе европейских автомобильных транснациональных компаний (ТНК) в России. Рассмотрено состояние отечественного автомобилестроения, проанализирована динамика производства, продаж, экспорта и импорта легковых автомобилей. Выявлены кардинальные изменения в структуре российского авторынка, связанные с активным выпуском автомобилей иностранными компаниями. Показано, как европейские автомобильные ТНК корректируют свои стратегии в условиях снижения спроса и в соответствии с особенностями проводимой в стране промышленной политики.

Ключевые слова: автомобилестроение, российский автомобильный рынок, стратегии автомобильных компаний, легковые автомобили, европейские автопроизводители.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-93-100

Современная российская автомобильная промышленность переживает кризисное время и находится под пристальным вниманием экспертов. Перспективам развития отрасли в целом посвящены работы Ю.А. Курилова [1], С.А. Афанасьева [2], А.Ю. Платко, Е.А. Наянова [3] и других ученых. Однако такому важному аспекту современного российского автомобилестроения, как изменение поведения зарубежных компаний на рынке, в отечественной научной литературе внимания уделяется недостаточно. Зарубежные исследователи часто дают негативные оценки перспективам развития отрасли и реализации инвестиционных проектов на территории России. Например, в мае 2016 г. специалисты *Boston Consulting Group* предрекали закрытие нескольких заводов крупнейших автомобильных ТНК [4], активно ведущих деятельность на территории страны с 2005 г., когда было принято постановление Правительства № 166 “О внесении изменений в Таможенный тариф РФ в отношении автокомпонентов, ввозимых для промышленной сборки” (см. подробнее [5]). По прошествии нескольких лет можно проанализировать изменения, произошедшие в стратегиях компаний, и оценить роль, которую для них играет российский рынок в настоящее время.

РОССИЙСКИЙ АВТОМОБИЛЬНЫЙ РЫНОК НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Основания для неблагоприятных прогнозов и возможного ухода с рынка зарубежных автокомпаний, в том числе европейских, действительно были. Едва оправившись от последствий мирового эконо-

мического кризиса, российский рынок вновь стал демонстрировать отрицательную динамику. В 2013 г. продажи и производство легковых автомобилей в России стали плавно снижаться после уверенного роста нескольких послекризисных лет. В 2015 г. на фоне обострения политической ситуации произошло резкое ослабление национальной валюты, платежеспособность населения значительно снизилась, а объем производства и продаж на российском рынке в 2015 г. упал на 28 и 45% соответственно (рис. 1).

Необходимость оценки перспектив дальнейшей деятельности зарубежных автомобильных ТНК на российском рынке в кризисный период связана с тем, что на современном этапе на долю иномарок суммарно приходится 74% всех проданных автомобилей. При этом наибольший вес (57%) имеют автомобили, выпущенные на территории России в рамках реализации инвестиционных проектов ведущих мировых автопроизводителей (табл. 1).

Таблица 1. Структура российского рынка новых автотранспортных средств, %

	2001	2007	2015	2018
Отечественные модели	92	42	25	26
Иномарки, собранные в РФ	0.5	16	52	57
Импорт новых автотранспортных средств	7.5	42	23	17
Всего	100	100	100	100

Источник: [7, 8].

В условиях падения спроса, реализации постановлений о промышленной сборке и активно прово-

Рис. 1. Динамика объема продаж и производства новых легковых автомобилей в России, 2005–2018 гг.

Составлено по: [6].

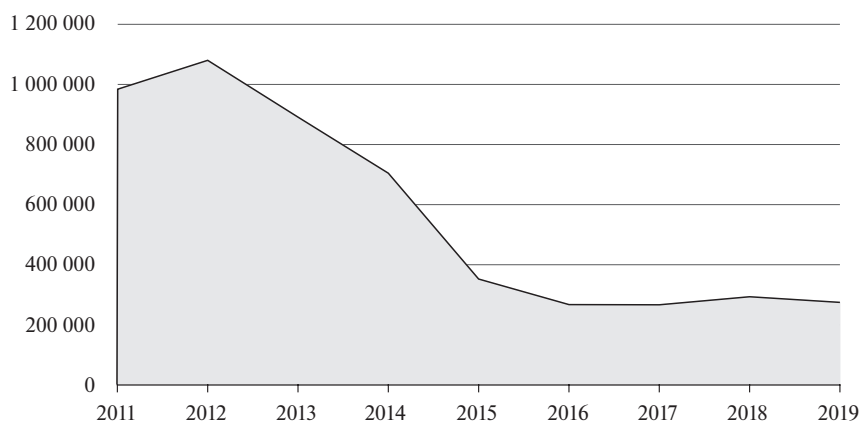

Рис. 2. Динамика импорта легковых автомобилей в Россию, 2011–2019 гг.

Примечание. 2019 г. – данные за январь–ноябрь.

Источник: [9].

димой политики импортозамещения в период 2012–2018 гг. импорт легковых автомобилей в Россию сократился в 3.7 раза (с 1 млн до 293 тыс. ед.) (рис. 2).

По данным аналитического агентства “Авто-стат”, за 9 месяцев 2019 г. среди европейских автомобильных компаний минимальными показателями доли импорта отличаются *Renault* (1.6%), *Skoda* (2%) и *Volkswagen* (12.5%). Доля импорта в продажах *Citroen* составила 57.3%, *BMW* – 58.7%, *Peugeot* – 80.3% [10]. Доля автомобилей *Audi*, собираемых на заводе *Volkswagen* в Калужской области, незначительна – компания импортирует 93% проданных автомобилей. До недавнего времени *Daimler* полностью обеспечивал спрос на легковые автомобили *Mercedes* за счет импорта, однако благодаря открытию в Московской области собственного предприятия 1.5% продаж за рассматриваемый период пришлось на продукцию, выпущенную на территории России. *FiatChrysler* только ввозит небольшое количество уже собранных *Fiat 500*.

По объему продаж лидером в России в 2019 г. стал альянс *AVTOVAZ–Renault–Nissan–Mitsubishi* (36.3% рынка), на втором месте – *KIA–Hyundai* (23.1%). На *Volkswagen Group* пришлось 12.3% продаж, на *Toyota Group* – 7.2%, на *Mercedes-Benz* и *BMW* – по 2.5% [11].

Таким образом, на российском автомобильном рынке параллельно идут три процесса: происходит сокращение объемов импорта за счет увеличения выпуска на территории страны, продукция зарубежных марок доминирует над отечественной, рынок становится более конкурентным [12, с. 193].

Реализация инвестиционных проектов европейскими автомобильными ТНК на территории России играет важную роль в развитии отрасли, что делает гипотетический уход компаний из России крайне нежелательным. Значительные финансовые средства поступают на модернизацию существующих предприятий и строительство новых высокотехнологичных заводов. С учетом того что

европейские, особенно немецкие, компании отличаются высочайшими требованиями к качеству автокомпонентов, в условиях необходимости повышения уровня локализации можно рассчитывать на повышение качества продукции российских производителей.

Компании ведут активную деятельность по подготовке кадров путем создания образовательных центров. Например, *Volkswagen* сотрудничает с одним из калужских технических колледжей, где реализуется программа дуального образования. В программу обучения студентов входит обязательная практика на заводе германской компании, по итогам которой участники наряду с дипломом колледжа получают сертификат от *Volkswagen* [13].

КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СТРАТЕГИЙ АВТОМОБИЛЬНЫХ ТНК

На перспективы российской автомобильной промышленности и характер поведения европейских концернов в России влияет множество факторов, среди них можно выделить: устойчивость курса рубля, мировые цены на нефть, санкции, членство России во Всемирной торговой организации, наличие доступных кредитов на приобретение автомобилей, эффективность принимаемых государством мер поддержки автомобильной промышленности, а также развитие сервисов краткосрочной аренды автомобилей и совершенствование транспортной инфраструктуры. При этом ключевую роль играют меры по ужесточению требований локализации производства и поддержке экспорта в рамках проводимой в стране промышленной политики.

Локализация производства. В 2010 г. на смену принятому в 2005 г. Постановлению № 166 пришли более жесткие требования о локализации производства. Чтобы иностранная компания могла ввозить компоненты в РФ на льготных условиях в течение 8 лет после подписания соглашения, объем выпуска должен составлять не меньше 300 тыс. ед. в год, причем производство должно быть локализовано как минимум на 60%. Помимо этого, 30% автомобилей должны обеспечиваться двигателями, произведенными на территории России. В течение четырех лет с момента вступления в силу соглашения от компаний требовалось создать центр исследований и разработок, а также организовать штамповку кузовных деталей [14].

После того как срок действия положения о промышленной сборке истек, с 2019 г. деятельность зарубежных автопроизводителей регулируется с помощью специальных инвестиционных контрактов (СПИК). Они разрабатываются для каждого инвестора индивидуально с целью зафиксировать усло-

вия реализации проектов, обязательства компаний и государства.

Чаще всего автопроизводителей не удовлетворяет качество продукции, закупаемой у российских поставщиков для повышения уровня локализации. В таких условиях они предпочитают сотрудничать с привычными для них крупными мировыми производителями автокомпонентов, которые вслед за компаниями-сборщиками инвестируют в производство компонентов в России. Строительство заводов иностранных поставщиков позволяет автокомпаниям удовлетворять требованиям по локализации и обеспечивать более эффективный производственный процесс.

Например, в автомобильном кластере Калужской области выпуск автокомпонентов наладили 27 зарубежных поставщиков, из которых 20 относятся к поставщикам первого уровня, 6 – второго, 1 – третьего уровня [15]. При этом некоторые применили стратегию *greenfield*-инвестирования, то есть построили свои заводы “с нуля”, а другие предпочли вложить средства в переоборудование взятых в аренду производственных мощностей. Поставщики второго уровня обычно придерживаются стратегии создания совместных предприятий (СП) с российскими производителями. Так, на базе завода автоэлектроники компания *Cie Automotive* (Испания) создала совместное предприятие с Группой “АВТОКОМ” и осуществляет поставки продукции на заводы компаний *Visteon*, *Faurecia* и *Lear*, которые выступают поставщиками первого уровня для *Volkswagen* [15].

Заводы Калужского кластера снабжают автокомпонентами автосборочные предприятия не только в своем регионе, но и в других. Например, предприятие “Магна Автомотив Рус” поставляет бамперы, решетки радиатора и элементы из пластика для производства автомобилей *Renault* в Москве.

Экспорт. В кризисный период за счет ослабления национальной валюты иномарки, выпущенные на территории России, поначалу получили конкурентное преимущество относительно продукции, произведенной в западных странах. Однако затем оно было нивелировано последовавшим ростом цен на сырье и автокомпоненты, а также индексированием заработной платы работников.

С учетом того что автомобильная промышленность целиком зависит от рыночного спроса, при нынешних показателях без улучшения макроэкономической ситуации в РФ выход на докризисный уровень объема производства маловероятен. В таких условиях восстановление отрасли только за счет внутреннего спроса невозможно. Традиционная государственная поддержка спроса в виде финансирования программ утилизации и льготного автокредитования может быть эффективна только

в краткосрочной перспективе, а для обеспечения стабильного развития отрасли в будущем необходимо расширение экспансии на экспортные рынки (см. подробнее [16]).

Традиционно российская автомобильная промышленность нацелена прежде всего на обеспечение внутреннего спроса, а не на поставки автомобилей в другие страны. Как следствие, для наращивания объемов экспорта требуются серьезные меры государственного стимулирования. В 2017 г. на восьмилетний период была утверждена “Стратегия развития экспорта продукции автомобильной промышленности в Российской Федерации”. В документе предлагаются два сценария развития экспорта продукции автомобильной промышленности: базовый и оптимистический. В первом сумма поддержек экспорта в 2018–2025 гг. предварительно оценивается в 89.6 млрд руб., а во втором – в 139.7 млрд руб. [17]

Благодаря государственной поддержке объем экспорта в 2019 г. превысил 100 тыс. автомобилей. Однако для достижения цели, заявленной в базовом сценарии, необходимо двукратное увеличение этого показателя (рис. 3).

Государственная поддержка и стимулирование экспорта дают возможность загрузить существующие заводы и немного сгладить негативные для развития автомобильной промышленности последствия падения потребительского спроса. Для увеличения объемов поставляемой за рубеж продукции важно, чтобы она удовлетворяла требованиям покупателей на новых рынках сбыта, соответствовала местным условиям эксплуатации и действующему там экологическому законодательству. Также требуется наладить отношения с дилерскими сетями и обеспечить высокий уровень гарантийного и постгарантийного обслуживания проданных автомобилей.

Несмотря на сложность реализации, увеличение объемов поставок готовой продукции за рубеж становится важным инструментом поддержки отечественной автомобильной промышленности. Наибольшую выгоду представляет экспорт моделей, производство которых высоко локализовано. Ключевыми рынками сбыта автомобилей и автокомпонентов выступают Белоруссия, Казахстан, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Алжир, Чехия, Куба, Латвия [18]. Для ведущих автомобильных ТНК приоритетными направлениями экспорта собранных в России автомобилей, помимо стран СНГ (на которые приходится 2/3 всего экспорта), являются Иран, Турция, ЮАР, Египет и другие арабские страны [17].

ИЗМЕНЕНИЯ В СТРАТЕГИЯХ ЕВРОПЕЙСКИХ АВТОМОБИЛЬНЫХ ТНК

В условиях сниженного спроса и изменений в промышленной политике стратегии европейских автомобильных компаний на российском рынке последовательно трансформируются для адаптации к новым условиям. Отмечается рост производства автомобилей на территории России, повышение уровня локализации выпускаемых моделей на уже существующих производственных мощностях, пересмотр продуктовой линейки и наращивание объемов экспортных поставок произведенной в России продукции в другие страны.

Инвестиции в производственные мощности. Высокий потенциал рынка, а также характер промышленной политики способствовали тому, что компания *Daimler* осуществила переход от стратегии импорта к стратегии производства автомобилей на территории России. В 2019 г. состоялось открытие завода в Московской области стоимостью 250 млн евро. *Daimler* стала первой европейской компани-

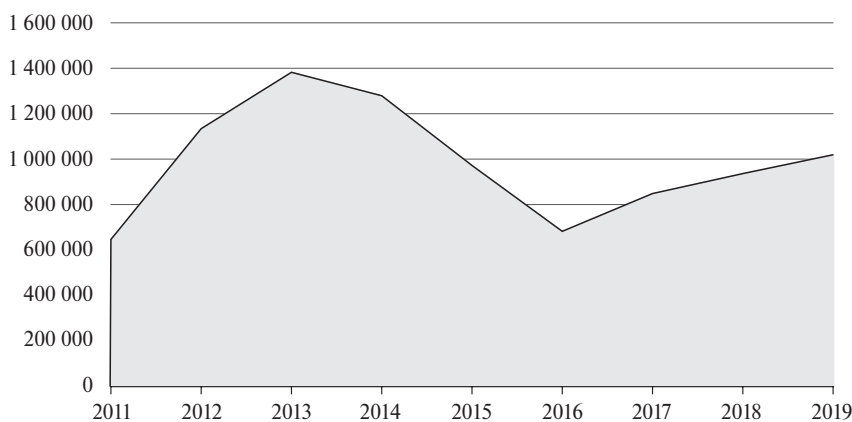

Рис. 3. Динамика экспорта легковых автомобилей из России, 2011–2019 гг.

Примечание. 2019 г. – данные за январь–ноябрь.

Источник: [9].

ей, решившейся на крупные прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в Россию после введения санкционного режима.

Две других германских ТНК, специализирующиеся на производстве автомобилей премиум-класса, пока осуществляют лишь крупноузловую (“отверточную”¹) сборку. Российская компания “Автотор” с 1997 г. занимается “отверточной” сборкой автомобилей *BMW* в Калининградской области. С учетом истечения срока действия льготных условий для поставок компонентов несколько лет обсуждался проект строительства нового завода в рамках автомобильного кластера. Из-за ухудшения экономической ситуации окончательное решение несколько раз откладывалось. В итоге в январе 2020 г. компания *BMW* отказалась от реализации проекта в Калининградской области. Специальный инвестиционный контракт, на основании которого проект должен был быть реализован, так и не был согласован. Одной из причин стало повышение в России утилизационного сбора.

Несмотря на наличие у концерна *Volkswagen* собственных производственных мощностей в Калужской области, выпуск автомобилей *Audi* ограничивается только “отверточной” сборкой. Спрос на автомобили *Volkswagen* меньше, чем у *BMW* и *Daimler*, что не предполагает расширения выпускаемого модельного ряда и не требует кардинальных изменений в стратегии производства.

Значительные изменения за последние годы произошли в стратегии компании *Renault*. Предприятие “Рено Россия” (ранее “Автофрамос”) изначально создавалось как совместное предприятие французской компании с Правительством Москвы, но уже в 2012 г. *Renault* стала единственным владельцем завода. Еще более серьезные трансформации претерпело сотрудничество альянса *Renault-Nissan* с российским “АвтоВАЗом”. С мая 2018 г. СП *Alliance Rostec Auto BV*, созданному альянсом с госкорпорацией “Ростехнологии”, принадлежит 100% акций “АвтоВАЗа”, а доля *Renault* в СП достигла 67.61%. Есть вероятность, что спустя время СП будет упразднено, а *Renault* будет напрямую владеть акциями российского автопроизводителя. Таким образом “АвтоВАЗ” станет российским подразделением французской компании, то есть произойдет окончательная смена стратегии со стратегического партнерства на поглощение.

Оптимизация выпуска продукции. При разработке проектов иностранные инвесторы изначально предполагали, что спрос на автомобили в России будет демонстрировать положительную динамику. В условиях кризиса и стабильно низкого спроса компаниям пришлось существенно скорректи-

ровать стратегии, чтобы оптимизировать выпуск автомобилей. С целью минимизировать издержки перепроизводства и не допустить затоваривания складов компании время от времени останавливали сборочные линии. Из-за недозагруженности заводов потребовалось уменьшить количество смен и рабочих дней [5]. Чтобы адаптироваться к новым условиям, компаниям пришлось также пересмотреть выпускаемый модельный ряд. Например, в июне 2017 г. после реорганизации на заводе концерна *PSA* начался выпуск более востребованных легких коммерческих автомобилей марок *Peugeot* и *Citroen* [19].

Из-за волатильности курса национальной валюты и слабого спроса испанская компания *Seat*, входящая в состав группы *Volkswagen*, в 2015 г. прекратила продажу автомобилей на территории России. С учетом того что ранее *Seat* неоднократно предпринимала попытки выйти на рынок путем поставок автомобилей без налаживания локализованного производства, этим эпизодом можно пренебречь. В целом важно то, что, несмотря на довольно пессимистичные прогнозы в отношении российского авторынка и низкого спроса на современном этапе, европейские концерны не стали замораживать действующие заводы или сворачивать свое присутствие в стране.

Нарастание экспорта. Стимулирование экспорта произведенной на территории России продукции на государственном уровне дает европейским компаниям возможность скорректировать свои стратегии в сторону увеличения объема поставок за рубеж. Например, на основании соглашения, подписанного с Федеральной таможенной службой, с 2018 г. *Volkswagen Group Rus* имеет возможность беспешинно ввозить в Россию автокомпоненты для автомобилей, которые будут направлены на экспорт [20]. В страны ЕС поставляются двигатели экологического стандарта Евро-5 (для последующей установки в автомобили, предназначенные для экспорта в страны, где действует тот же экологический стандарт) и автомобили *Skoda*, собранные по контракту на мощностях Группы ГАЗ в Нижнем Новгороде и укомплектованные импортными двигателями стандарта Евро-6 [21, 22].

Также в 2018 г. *Volkswagen Group Rus* получила статус официального поставщика автомобилей в Казахстан. Среди европейских автопроизводителей, локализовавших свое производство на территории России, именно *Volkswagen* является лидером и экспортирует около 20 тыс. автомобилей российского производства [19].

Renault также последовательно выводит локализованную в России продукцию на новые рынки. В 2016 г. компания начала поставки во Вьетнам и Алжир, а в 2018 г. объявила о начале экспорта

¹ Изготовление готовой продукции из комплектов, поставляемых производителем в готовом виде.

Таблица 2. Проекты европейских автомобильных ТНК в России

Компания	Трансформация стратегий	Локация
<i>Daimler Group</i>	В 2019 г. открыт завод полного цикла (<i>greenfield</i> -инвестиции) Возможен экспорт	Московская область, индустриальный парк “Есипово”
<i>Volkswagen Group</i>	В 2008 г. открыт завод полного цикла (<i>greenfield</i> -инвестиции) Осуществляется экспорт	Калужская область, технопарк “Габцево”
<i>Volkswagen Group</i>	С 2011 г. контрактная сборка на предприятии “Группы ГАЗ” Осуществляется экспорт	Нижний Новгород
<i>Groupe Renault</i>	С 1997 г. совместное предприятие с правительством Москвы С 2012 г. <i>brownfield</i> -инвестиции Осуществляется экспорт	Москва
<i>Groupe Renault</i>	С 2012 г. стратегическое партнерство с “АвтоВАЗ” Возможно полное поглощение Осуществляется экспорт	Тольятти
<i>Groupe PSA</i>	В 2010 г. открыто совместное предприятие с <i>Mitsubishi</i> (70% акций принадлежит <i>Groupe PSA</i> , 30% – <i>Mitsubishi Motors Corporation</i>)	Калужская область, индустриальный парк “Росва”
<i>Fiat Chrysler Automobiles</i>	Неудачная попытка контрактной сборки в 2006 и 2012 гг. Сейчас только импорт готовых автомобилей	

Составлено автором.

в Монголию [23]. Компания *Renault* поставляет за рубеж весь модельный ряд, выпускаемый на территории страны. В 2019 г. объем экспорта увеличился на 14% по сравнению с предыдущим годом и составил 15.8 тыс. ед. [24]. В обобщенном виде все проекты по выпуску автомобилей европейскими автомобильными ТНК и изменения в форме их реализации представлены в табл. 2.

* * *

В условиях низкого спроса на российском рынке европейские автомобильные ТНК не отказываются от реализации своих проектов, однако под влиянием проводимой в стране промышленной политики в их стратегиях происходит ряд существенных изменений. Те автопроизводители, которые раньше начали производство полного цикла на территории России

и чья продукция отличается достаточно высоким уровнем локализации, ищут возможности для экспортных поставок выпущенных в стране автомобилей за рубеж. Прежде всего речь идет о продукции экономического и среднего ценового сегментов. Для компаний, которые ранее осуществляли только импорт или крупноузловую сборку автомобилей более высокого класса, характерно строительство собственных предприятий в России для обеспечения внутреннего спроса на первом этапе и возможного экспорта в последующем.

Статья подготовлена в ИМЭМО РАН в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых (проект № МК-6258.2018.6) “Перестройка экономических связей России и Европейского союза: факторы и перспективы”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Курилов К.Ю. Перспективы развития мировой и российской автомобильной промышленности. *Проблемы прогнозирования*, 2012, № 5 (134), сс. 72-87. [Kurilov K.Yu. Perspektivy razvitiya mirovoi i rossiiskoi avtomobil'noi promyshlennosti [Prospects for the development of the world and Russian automobile industry]. *Studies on Russian Economic Development*, 2012, no. 5 (134), pp. 72-87.]
2. Афанасьев С.А. Перспективы развития российской автомобильной промышленности. *Российское предпринимательство*, 2014, № 12 (258), сс. 92-102. [Afanas'ev S.A. Perspektivy razvitiya rossiiskoi avtomobil'noi promyshlennosti [Prospects for the Russian automotive industry development]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo*, 2014, no. 12 (258), pp. 92-102.]
3. Платко А.Ю., Наянов Е.А. Перспективы устойчивого развития российской автомобильной промышленности. *Автомобильная промышленность*, 2014, № 5, сс. 1-3. [Platko A.Yu., Nayanov E.A. Perspektivy ustoichivogo razvitiya rossiiskoi avtomobil'noi promyshlennosti [Prospects for Russian automotive industry sustainable development]. *Avtomobil'naya promyshlennost'*, 2014, no. 5, pp. 1-3.]
4. Открыть автомобильный завод непросто, но закрыть его намного сложнее. [Opening a car factory is not easy, but closing it is much more difficult (In Russ.)] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2981604> (accessed 02.10.2019).
5. Баронина Ю.А. Иностранные инвестиции в российское автомобилестроение. *Мировая экономика и международные отношения*, 2016, т. 60, № 6, сс. 61-69. [Baronina Yu.A. Inostrannye investitsii v rossiiskoe avtomobilstroenie [Foreign investment in the Russian automotive industry]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, vol. 60, no. 6, pp. 61-69.] DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-6-61-69
6. *World Motor Vehicle Production*. Available at: <http://www.oica.net/production-statistics/> (accessed 05.01.2019).

7. *Инфографика. Аналитическое агентство “Автостат”*. [Infographics. Analytical agency “Avtostat” (In Russ.)] Available at: <http://www.autostat.ru/infographics> (accessed 26.09.2018).
8. *Автомобильный рынок России и СНГ*. [Automotive market in Russia and the CIS (In Russ.)] Available at: [https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-automotive-sector-overview-2019-rus/\\$FILE/ey-automotive-sector-overview-2019-rus.pdf](https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-automotive-sector-overview-2019-rus/$FILE/ey-automotive-sector-overview-2019-rus.pdf) (accessed 02.04.2019).
9. *Экспорт и импорт Российской Федерации по товарам*. [Export and import of the Russian Federation by goods (In Russ.)] Available at: <http://customs.ru/folder/515> (accessed 22.12.2019).
10. *У каких марок выше доля продаж импортных автомобилей?* [Which brands have a higher share of sales of imported cars? (In Russ.)] Available at: <https://www.autostat.ru/news/41501/> (accessed 26.09.2018).
11. *Автомобильный рынок в 2019 г.* [Automotive Market in 2019 (In Russ.)] Available at: <https://aebrus.ru/upload/iblock/bda/rus-car-sales-in-december-2019.pdf> (accessed 15.01.2020).
12. Трауб-Мерц Р. Российский автопром – между взлетом и падением. *Экономический кризис и промышленная политика – альтернативные пути возвращения к росту России*. Москва, Политическая энциклопедия, 2016, сс. 185-205. [Traub-Merts R. Rossiiskii avtoprom – mezhdru vzletom i padeniem [Russian auto industry – between rise and fall]. *Ekonomicheskii krizis i promyshlennaya politika – al'ternativnye puti vozvrashcheniya k rostu Rossii* [Economic crisis and industrial policy – alternative ways to return to Russia's growth]. Moscow, Political Encyclopedia, 2016, pp. 185-205.]
13. *Volkswagen Group Rus запустил в Калуге программу дуального образования*. [Volkswagen Group Rus launched a dual education program in Kaluga (In Russ.)] Available at: <https://vwgroup.ru/press/news/11782/> (accessed 02.06.2019).
14. *Приказ Минпромторга России от 23.04.2010 № 319 “Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2020 года”*. [Order of the Ministry of Industry and Trade of Russia dated April 23, 2010 No. 319. “On approval of the Development strategy of the automotive industry of the Russian Federation for the period until 2020” (In Russ.)] Available at: <http://legalacts.ru/doc/prikaz-minpromtorga-rossii-ot-23042010-n-319/> (accessed 15.12.2018).
15. *VIII международный форум по развитию автомобилестроения и производства автокомпонентов в России*. [VIII International Forum on the development of automotive and automotive component production in Russia (In Russ.)] Available at: <http://arrko.ru/uploads/heralds/143/2a1c16ee23ed5dd57a24.pdf> (accessed 04.09.2018).
16. Баронина Ю.А. *Перспективы зарубежных автомобильных компаний на российском рынке*. [Baronina Yu.A. *Perspektivy zarubezhnykh avtomobil'nykh kompanii na rossiiskom rynke* [Prospects of foreign automobile companies in the Russian market]] Available at: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=2334&p=2 (accessed 23.06.2017).
17. *Стратегия развития экспорта продукции автомобильной промышленности в Российской Федерации на период до 2025 года*. [The Strategy for the development of exports of automotive products in the Russian Federation for the period until 2025 (In Russ.)] Available at: <http://static.government.ru/media/files/Gm80bGAY20Pj1szROuP3rQVF82r3eJvc.pdf> (accessed 04.01.2019).
18. *Заработали миллиарды: куда экспортируют автомобили из России*. [Billions have earned: where cars are exported from Russia (In Russ.)] Available at: <https://www.autostat.ru/articles/38025/> (accessed 18.01.2020).
19. Штанов В., Дербилова Е., Воробьев А. *В Калуге будут выпускать Mitsubishi Pajero Sport и LCV Peugeot и Citroen*. [Shtanov V., Derbilova E., Vorob'ev A. *V Kaluge budut vypuskat' Mitsubishi Pajero Sport i LCV Peugeot i Citroen* [Mitsubishi Pajero Sport and LCV Peugeot and Citroen will be produced in Kaluga]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/auto/articles/2017/06/05/692982-kaluzhskii-psa-group> (accessed 24.11.2018).
20. *Volkswagen Group Rus и Федеральная таможенная служба подписали соглашение, направленное на поддержку экспорта*. [Volkswagen Group Rus and Federal Customs Service signed export support agreement (In Russ.)] Available at: <https://vwgroup.ru/press/news/39838/> (accessed 27.11.2018).
21. *Россия освободит Volkswagen Group от пошлин на детали для экспортной продукции*. [Russia will exempt Volkswagen Group from duties on parts for export products (In Russ.)] Available at: <https://www.vedomosti.ru/auto/news/2018/01/23/748712-rossiya-volkswagen> (accessed 27.11.2018).
22. Штанов В. *Volkswagen начинает экспорт двигателей российского производства*. [Shtanov V. *Volkswagen nachinaet eksport dvigatelei rossiiskogo proizvodstva* [Volkswagen starts exporting Russian-made engines]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/auto/articles/2018/01/24/748764-volkswagen-eksport-dvigateli> (accessed 27.11.2018).
23. *Renault объявила о поставках в Монголию автомобилей из России*. [Renault announced cars deliveries from Russia to Mongolia (In Russ.)] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3713973> (accessed 27.11.2018).
24. *Renault в 2019 году установила рекорд по экспорту автомобилей российской сборки*. [Renault in 2019 set a record for export of cars of Russian assembly (In Russ.)] Available at: <https://www.autostat.ru/news/42610/> (accessed 18.01.2020).

**TRANSFORMATION OF EUROPEAN AUTOMOBILE TNCs' STRATEGIES
ON THE RUSSIAN MARKET**

(World Economy and International Relations, 2020, vol. 64, no. 5, pp. 93-100)

Received 16.10.2019.

Yulia A. BARONINA (ubaronina@mail.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., 117997, Moscow, Russian Federation.

Acknowledgements. The paper was prepared in ИММО RAS within the grant from the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists (project no. МК-6258.208.6) "Restructuring of economic ties between Russia and the European Union: factors and prospects".

Just a few years after the global crisis, the purchasing power of people and the demand for cars decreased significantly again due to the general negative economic and political situation, the slowdown in the national economy and the weakening ruble. Despite this, foreign investors keep interest in the Russian market and continue to develop existing investment projects and invest in new ones. Since the products of foreign automakers account for 3/5 of all cars sold in Russia, the analysis of strategies transformation is especially relevant. The determining factors stimulating changes in the strategies of European car companies in Russia are the dynamics of market demand and government measures to regulate the industry. On the one hand, it stimulates companies to change strategies by themselves, on the other hand, it helps to adapt to the complicated business conditions. In the context of the recession in the Russian market, companies began to look for opportunities to export made in Russia products to other countries. First of all, this option is typical for companies that build their plants in Russia and produce cars with a fairly high level of localization, constantly increasing it, including through the production of engines (Renault and Volkswagen). At the same time, the state is also interested in increasing the volume of deliveries in the future; customs regulation may be mitigated. Increased exports will allow to load production capacities and avoid downtime of plants. Due to the new requirements for localization of production, other companies have to transform their strategies with respect to the Russian market even more radically: switch from importing products and contract assembly to building their own plants. This type of change in strategy is typical for BMW and Daimler, which produce high-class products. Moreover, in conditions of economic instability, the demand for these cars was characterized by a relatively greater degree of stability compared to economy-class cars.

Keywords: automotive industry, Russian automotive market, strategies of automotive companies, passenger cars, European automakers.

About author:

Yulia A. BARONINA, Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-93-100

**АРКТИКА:
НОВЫЙ РЕГИОН МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ**

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА НОРВЕГИИ В АРКТИКЕ

© 2020 г. А. Кравчук

*КРАВЧУК Алексей Андреевич, кандидат политических наук,
Дальневосточный федеральный университет (ДФУ), РФ, 690091 Владивосток, ул. Суханова, 8
(zky3krava@mail.ru).*

Статья поступила в редакцию 09.01.2020.

Исследуются состояние и роль нефтегазовой промышленности в экономике Норвегии, перспективы ее развития в контексте освоения углеводородных ресурсов Арктики, а также особенности современной энергетической политики страны. Дается оценка официальной позиции Осло относительно статуса морских пространств вокруг Шпицбергена и шельфовых месторождений архипелага, а также ее влияния на отношения с другими участниками Парижского договора.

Ключевые слова: Арктика, Норвегия, Шпицберген, газ, нефть, экономика.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-101-108

Экономические интересы Норвегии в Арктике, как и других государств региона, определяются двумя основными факторами: обилием природных ресурсов и транспортным потенциалом морских коммуникаций. В 2017 г. опубликован стратегический документ, в котором изложены приоритеты арктической политики страны [1]. В их числе, наряду с использованием возобновляемых ресурсов арктических морей и развитием инфраструктуры в регионе, указывалось освоение нефтегазовых месторождений континентального шельфа. Однако в последнее время в энергетической политике Норвегии наметились кардинальные изменения, связанные с отказом инвестировать средства своего суверенного фонда в нефтегазовые активы [2, 3]. Это решение получило неоднозначную оценку экспертов, а споры о его возможных последствиях не утихают до сих пор.

**РОЛЬ НЕФТЕГАЗОВОГО СЕКТОРА
В ЭКОНОМИКЕ НОРВЕГИИ**

Нефтегазовая промышленность занимает особое место в экономике Норвегии, а текущее благополучие страны во многом связано с торговлей энергоресурсами [4]. Практически вся нефть и газ королевства добываются на континентальном шельфе (КШ), причем в основном все добытые углеводороды направляются на экспорт. В 2018 г. на долю отрасли пришлось около 17.7% ВВП Норвегии (624 млрд норв. крон ≈ 74.9 млрд долл.¹), а ее вклад в общую экспортную выручку страны составил около 42% (569.4 млрд норв. крон ≈ 68.3 млрд долл.) [5].

Обладая самыми большими запасами углеводородов в Западной Европе, Норвегия является

заметным игроком на мировом энергетическом рынке. В 2018 г. при среднесуточном объеме добычи нефти 1844 тыс. барр. королевство заняло 15-ю строчку в списке стран – производителей нефти (1.9% мирового производства) [6]. Всего в 2018 г. Норвегия добыла 83.1 млн т нефти² [6], из которой около 67.3 млн т было отправлено на экспорт, преимущественно в европейские страны, а оставшиеся 15.8 млн т – на собственные береговые мощности для хранения и дальнейшей переработки. Крупнейшими импортерами норвежской нефти являются Великобритания (23.3%), Нидерланды (18.9%), Германия (8.4%), Швеция (7.2%), США (4.0%) и Франция (3.8%) [7].

Около 81% сырой нефти, добываемой на шельфе Норвегии, транспортируется челночными танкерами, используемыми для перевозки нефти на небольшие расстояния, от добывающих платформ до портов складирования, расположенных преимущественно в Северо-Западной Европе. Там она накапливается и перегружается на крупные танкеры для последующей доставки в страны-импортеры. Оставшиеся 19% нефти доставляются на материк с использованием системы нефтепроводов, соединяющей шельфовые платформы с морскими портами Норвегии (Монгстад, Стура и Карсто) и Великобритании (Тиссайд) [6].

Норвегия входит в топ-8 крупнейших производителей природного газа, обеспечивая около 3.1% общемирового производства (в 2018 г. – 120.6 млрд куб. м) [6]. При этом собственное потребление природного газа в стране невелико – около 4 млрд куб. м (3.3% добытого объема). Практически весь газ (около 116.1 млрд куб. м, 96.7%) направляется на экспорт. Норвегия занимает вто-

¹ Здесь и далее 1 норв. крона = 0.12 долл. США (по курсу на начало 2019 г.).

² Включая сырую нефть, нефтяные пески и природный газоконденсат.

рое место в списке крупнейших экспортеров природного газа, уступая лишь России [7]. Основным потребителем норвежского газа остается Евросоюз, который закупает в королевстве около 25% необходимого ему газа [8].

Транспортировка основных объемов природного газа шельфовых месторождений (около 95%) к приемным терминалам осуществляется посредством разветвленной системы подводных газопроводов, общая протяженность которых составляет 8800 км. Терминалы располагаются не только на побережье Норвегии (Карсто, Коллснес, Нихамна и Тиелдбергроден), но и в Германии (Эмден и Дор-мун), Великобритании (Сейнт Фергюс и Исингтон), Бельгии (Зебрюгге) и Франции (Дюнкерк). С использованием СПГ-танкеров транспортируется менее 5% добытого газа [7].

Важнейшим механизмом государственного регулирования нефтегазового комплекса Норвегии выступает административное лицензирование. С его помощью правительство выбирает компании, допускаемые к работе на шельфе, а также осуществляет полный контроль над всеми видами деятельности, связанными с добычей углеводородов на нем. Распределение лицензий на разработку месторождений осуществляется путем проведения лицензионных раундов, в ходе которых компании получают в аренду отдельные участки (блоки) лицензируемых районов (подробнее см. [9]).

Первый лицензионный раунд состоялся в 1965 г. Тогда были распределены 22 лицензии, покрывающие 78 блоков. Первая скважина на норвежском шельфе была пробурена в 1966 г., а фактическая добыча углеводородов началась в 1971 г. С тех пор Норвегией были проведены 24 лицензионных раунда и введены в строй 111 месторождений нефти и газа, 87 из которых по-прежнему действуют: 66 – в Северном, 19 – в Норвежском, два – в Баренцевом море. Кроме того, на конец 2018 г. в стадии разработки находились еще 13 месторождений: восемь – в Северном, четыре – в Норвежском, одно – в Баренцевом море [10].

По расчетам компании *British Petroleum*, при нынешних объемах добычи Норвегии доказанных запасов нефти и газа должно хватить приблизительно на 13 лет (табл. 1). Однако Осло рассчитывает получать прибыль от нефтегазового сектора экономики в течение более длительного периода

времени. По данным Нефтяного директората Норвегии, за 50 лет промышленность страны освоила и реализовала около 47% общего объема оценочных ресурсов углеводородов королевства. В связи с этим ожидается, что оставшиеся запасы позволят сохранить высокие показатели производства на протяжении последующих 50 лет [7].

Наиболее эффективные месторождения Северного и южной части Норвежского моря в значительной степени близки к исчерпанию [4, 11]. Сохранение нынешних объемов добычи углеводородов возможно только при условии открытия новых месторождений, прежде всего в Арктике. По норвежским оценкам, общий объем неразведанных запасов углеводородов на КШ составляет 4 млрд куб. м нефтяного эквивалента, при этом около 2/3 этого объема залегает на шельфе Баренцева моря [12]. Добыча углеводородов в климатических условиях Арктики – сложное дело, однако Норвегия обладает необходимым для этого технологическим, управленческим и финансовым потенциалом [11]. Тем не менее следует учитывать, что рентабельность освоения арктических месторождений достижима при цене на нефть около 90 долл. за баррель [13].

ПОЗИЦИЯ НОРВЕГИИ ПО СТАТУСУ МОРСКИХ ПРОСТРАНСТВ ВОКРУГ ШПИЦБЕРГЕНА

Отдельного внимания заслуживает стремление Норвегии отстаивать свой суверенитет в Арктике, возведенное в ранг одного из приоритетных направлений политики в регионе. Это проходит красной нитью через все стратегические документы, касающиеся Арктики. Необходимость решения указанной задачи напрямую соотносится с возможностью максимизации прибыли от ведения экономической деятельности в регионе, так как суверенитет воспринимается Осло в качестве законного права свободно и беспрепятственно реализовывать свои национальные интересы. При этом позиция Норвегии относительно пространственных пределов ее суверенитета в Арктике оставляет немало вопросов. Речь идет прежде всего о статусе морских пространств вокруг архипелага Шпицберген (норвежское название – *Svalbard*).

Таблица 1. Доказанные запасы углеводородов Норвегии

Показатель	1998	2008	2017	2018	Доля в мировых запасах, %	Отношение доказанных запасов к годовой добыче
Доказанные запасы нефти, млрд барр.	11.7	7.5	7.9	8.6	0.5	12.8
Доказанные запасы газа, трлн куб. м	1.2	2.2	1.7	1.6	0.8	13.3

Составлено автором по: [6].

Международно-правовой статус Шпицбергена закреплен Парижским договором 1920 г. Согласно ему за Норвегией признавался полный и абсолютный суверенитет над архипелагом всех островов в так называемом шпицбергенском квадрате, ограниченном 10 и 35 градусами восточной долготы, 74 и 81 градусами северной широты. В то же время государства – участники договора получили равное с Норвегией право на осуществление хозяйственной деятельности по освоению природных ресурсов в обозначенных местностях и в их территориальных водах [14]. В 1925 г. Норвегия официально объявила о вхождении архипелага в состав королевства, в 1935 г. к договору присоединился СССР (с 1991 г. – РФ как его правопреемница) [15].

В 1996 г. Норвегия ратифицировала Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. (КМП-82), согласно которой прибрежное государство обладает полным суверенитетом над прилегающими к побережью внутренними водами и территориальным морем, а также имеет суверенные права и юрисдикцию в сфере разведки, разработки, сохранения природных ресурсов и управления ими в исключительной экономической зоне (ИЭЗ) и на КШ [16]. В 2006 г. Норвегия и Дания провели делимитацию морских пространств между Гренландией и Шпицбергеном [17], определив западную границу континентального шельфа и рыбоохранной зоны Норвегии (аналог ИЭЗ). В том же году Норвегия обратилась в Комиссию ООН по границам шельфа с заявкой на расширение его границ в трех районах (Северном Ледовитом океане, Баренцевом и Норвежском морях) [18], которая была одобрена в 2009 г. [19]. В 2010 г. была проведена делимитация морских пространств между РФ и Норвегией [20], в результате которой стороны определили восточную границу шельфа и рыбоохранной зоны Норвегии. Таким образом, процесс определения границ морских пространств Норвегии, предусмотренных Конвенцией 1982 г., был завершен к концу 2010 г.

Поскольку в Парижском договоре используется, но конкретно не раскрывается понятие “территориальные воды” Шпицбергена (*territorial waters*), Норвегия фактически приравнивала его к понятию “территориальное море” страны (*territorial sea*), содержащемуся в КМП-82. Эта позиция нашла отражение в официальных документах королевства [21] и работах многих европейских исследователей, которые расценивают эти дефиниции в качестве синонимов [22, 23]. К тому же Договор о Шпицбергене не содержит упоминаний о рыбоохранной зоне, исключительной экономической зоне и континентальном шельфе³. Значит, как считают в Осло,

³ Строго говоря, Парижский договор не мог содержать их, поскольку становление правового института исключительной экономической зоны и континентального шельфа началось лишь в середине XX в.

его действие распространяется исключительно на внутренние воды и территориальное море, прилегающие к сухопутной территории островов архипелага, но не далее. Следовательно, в соответствии с нормами Конвенции-82 Норвегия обладает суверенными правами и юрисдикцией в рыбоохранной зоне и в шельфовой зоне вокруг Шпицбергена.

С позицией Норвегии не согласны многие государства – участники Парижского договора. Одни из них (РФ) считают, что пространственное действие договора ограничено шпицбергенским квадратом [24], другие (Великобритания, Испания, Исландия и др.) – что он применим ко всем морским пространствам Шпицбергена [25], определяемым в соответствии с нормами КМП-82.

Позиция Норвегии в этом споре весьма противоречива. С одной стороны, Осло утверждает, что в плане геологии архипелаг не имеет своего шельфа, а морское дно и недра, прилегающие к нему, – это естественное продолжение подводной окраины материковой части страны, простирающейся на север вокруг и за пределы Шпицбергена [26]. Стало быть, шельфовая зона вокруг Шпицбергена – это часть континентального шельфа Норвегии, на которую не могут распространяться требования Парижского договора. Указанная позиция закреплена в официальных документах королевства [27], а также в Заявке на расширение границ КШ 2006 г. [18]. С другой стороны, в той же Заявке северные границы шельфа отмеряются от исходных линий самого Шпицбергена на расстояние, превышающее базовые 200 морских миль. В результате получается, что шельф Норвегии простирается на север более чем на 800 морских миль от ее материковой территории.

Политика манипулирования понятиями принесла Норвегии ожидаемые ею плоды. Королевство практически безболезненно завершило процесс делимитации и расширения морских пространств, получив возможность беспрепятственно вести там экономическую деятельность. Однако вопрос о пространственных пределах действия Парижского договора по-прежнему открыт. Как отмечают эксперты, с юридической точки зрения позиция Осло далеко не безупречна, поэтому руководство страны стремится избежать публичного обсуждения международно-правовой основы своих притязаний [28].

ШЕЛЬФОВЫЕ РЕСУРСЫ ШПИЦБЕРГЕНА – ИСТОЧНИК НАПРЯЖЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

После подписания договора о разграничении морских пространств с РФ активность Норвегии на шельфе Баренцева моря возросла. Королев-

ство провело геологические исследования участка шельфа между 74 и 77 градусами северной широты восточнее архипелага Шпицберген, общая площадь которого составила 170 тыс. кв. км. Результаты исследований показали, что на Баренцево море приходится 65% неразведанных запасов углеводородов континентального шельфа королевства, а не 50%, как считалось ранее [29].

В 2012 г. при проведении 22-го лицензионного раунда Норвегия предложила 20 лицензий на осуществление деятельности в Баренцевом море, две из которых (723 и 615 В) включали участки шельфа в пределах шпицбергенского квадрата [30]. РФ выступила против распределения участков шельфа Шпицбергена и направила в Осло ноту протеста по дипломатической линии. С устным осуждением действий Осло выступили Франция и Великобритания [31].

Позднее в 2015 г. в рамках 23-го раунда было предложено еще 10 лицензий на участки шельфа в Баренцевом море. Три из них распределяли блоки вдоль линии разграничения морских пространств с РФ, а одна (№ 859) снова затронула участки в границах шпицбергенского квадрата [30]. Страны — участницы Парижского договора никак не препятствовали компаниям в получении распределяемых Норвегией лицензий, лишь РФ направила ноту по этому поводу. Позднее министр иностранных дел Норвегии Берге Бренде заявил, что Осло не будет консультироваться с другими странами по вопросу о распределении лицензий на норвежском КШ, поскольку “единственная сторона, которая занимается управлением ресурсами континентального шельфа Норвегии, — это правительство Норвегии” [31].

Подобная реакция со стороны Осло стала закономерным результатом подписания российско-норвежского договора 2010 г., о чем предупреждали многие российские эксперты [32, 33]. Договор полностью основан на внутреннем законодательстве двух стран и положениях КМП-82, в нем никоим образом не оговорен особый статус морских пространств вокруг Шпицбергена. Фактически с его подписанием РФ приняла правовую позицию Норвегии по отказу от соблюдения норм Парижского договора и взяла на себя обязательство соблюдать установленную договором линию разграничения морских пространств и не претендовать на осуществление суверенных прав или юрисдикции прибрежного государства в морских пространствах за ее пределами [20]. Это обстоятельство существенно ослабляет российскую позицию в случае обращения в Международный суд ООН.

В июне 2017 г. в рамках 24-го раунда из девяти лицензионных участков сразу три (№ 963, № 964 и № 966) полностью или частично охватывали шельф шпицбергенского квадрата [30]. На этот раз

правительство РФ решило предать широкой огласке свое нежелание мириться с проводимой Норвегией политикой. Так, в октябре 2017 г. в российских СМИ были опубликованы отрывки доклада Минобороны РФ “О комплексной оценке состояния национальной безопасности РФ в области морской деятельности в 2016 г.”. В нем в качестве отдельной угрозы национальной безопасности РФ в Арктике выделены планы Норвегии по одностороннему пересмотру в свою пользу достигнутых ранее международных договоренностей. В докладе подчеркивается, что власти королевства стремятся к установлению “абсолютной национальной юрисдикции над архипелагом Шпицберген и прилегающей 200-мильной акваторией” [34].

Двумя неделями позже в ходе совместной пресс-конференции по итогам 16-й министерской сессии Совета Баренцева/Евроарктического региона министр иностранных дел РФ С. Лавров подчеркнул, что политика Норвегии в отношении Шпицбергена не соответствует духу Северного сотрудничества. По его словам, РФ уже несколько раз обращалась к Норвегии с официальными нотами, в которых выражала озабоченность складывающейся ситуацией, но до сих пор не получила ответов на них, а все попытки российского руководства начать диалог по этой проблеме натолкнулись на отказ со стороны норвежских партнеров [35].

Текущую политику Норвегии по отношению к РФ действительно нельзя назвать дружественной. Отношения двух стран существенно осложнились в посткрымский период. Высшие должностные лица королевства открыто заявляют, что рассматривают РФ в качестве главной угрозы безопасности страны. К тому же Норвегия, входящая в НАТО, выступает в качестве главного инициатора усиления альянса в Арктике (подробнее см. [36]). Осло стремится укрепить свои позиции в регионе, опираясь на военную мощь НАТО, что негативно воспринимается Москвой.

Судя по всему, Шпицберген останется основным раздражителем в отношениях двух стран, поскольку их долгосрочные устремления на архипелаге имеют диаметрально противоположную направленность. Норвегия стремится получить полный суверенитет над архипелагом и прилегающей к нему акваторией, фактически пытаясь денонсировать положения Парижского договора. А РФ старается не допустить этого и сохранить свое право ведения там хозяйственной деятельности. При этом руководство НАТО полностью поддерживает Норвегию, отмечая, что “Шпицберген входит в ее состав, а следовательно, остается частью НАТО, и все натовские гарантии безопасности распространяются и на этот архипелаг”, тем самым еще больше подливая масла в огонь.

Вместе с тем в вопросе освоения ресурсов шельфа Шпицбергена Норвегия занимает непреклонную позицию и по отношению к своим партнерам по НАТО. В январе 2017 г. в морских пространствах архипелага было задержано латвийское судно *Senator*, осуществлявшее добычу краба-стригуна (опилио) по разрешению, выданному ЕС. Все попытки латвийских рыбаков обжаловать действия норвежских властей не увенчались успехом [37]. Безусловно, в этом споре речь шла не столько о крабе, сколько о нефти и газе, поскольку крабы относятся к оседлым видам биоресурсов, то есть к объектам шельфа, как и углеводороды [16]. Таким образом, своими решительными действиями Норвегия продемонстрировала, что она ни с кем не намерена делить шельфовые ресурсы Шпицбергена.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НОРВЕГИИ

Высокая прибыльность нефтегазовой отрасли позволила Норвегии аккумулировать неиспользуемые активы в учрежденном в 1990 г. суверенном фонде (*Government Pension Fund – Global, GPFG*), который также известен как Нефтяной фонд. В конце 1990-х годов ожидалось, что объем фонда достигнет 500 млрд долл. через 20 лет, на деле уже в октябре 2017 г. он перевалил за 1 трлн долл. [38].

Сегодня *GPFG* – один из крупнейших институциональных инвесторов мира, на долю которого приходится около 1.4% общего объема торгуемых на мировых фондовых рынках акций [39]. Согласно официальной информации на сентябрь 2019 г. около 69% инвестируемых фондом средств вложены в акции международных компаний, около 28% – в портфель активов с фиксированной доходностью, а оставшиеся 3% приходятся на объекты недвижимости [38].

Несмотря на то что экономическое благополучие Норвегии во многом основано на торговле углеводородами, нефтегазовый сектор ее экономики постоянно подвергается критике со стороны за-

щитников окружающей среды [2]. По их мнению, норвежский парадокс заключается в том, что страна, занимающая лидирующие позиции в борьбе с загрязнением окружающей среды и изменениями климата, в то же время остается крупным производителем углеводородного сырья [40].

В политической культуре Норвегии движение “зеленых” традиционно отличается повышенной активностью и оказывает серьезное влияние на решения органов государственной власти. Многие из них принимаются с оглядкой на возможную реакцию экологов. Это прослеживается и в инвестировании государственных средств. *GPFG* с середины 2000-х годов придерживается концепции “этичного инвестирования”, то есть отказа вкладывать средства в экологически грязные активы, функционирование которых наносит ущерб окружающей среде. Аналогичный подход реализуется в потреблении энергоресурсов – на долю экологически чистых источников энергии приходится 68% общего объема энергопотребления страны (табл. 2).

В ноябре 2017 г. *GPFG* заявил о намерении продать все свои активы, связанные с нефтью и газом, обосновав это необходимостью снижения финансовых рисков в условиях падения цен на углеводороды. При этом руководитель курирующего фонд департамента Государственного банка Норвегии заявлял, что диверсификация таких рисков – единственная цель данной меры [41]. Правда, в августе 2018 г. правительственная комиссия указала, что фонд должен продолжать инвестировать средства в бумаги энергетических компаний, поскольку полный отказ от них нельзя рассматривать в качестве эффективного механизма страхования от снижения цен на углеводороды [3]. В июне 2019 г. норвежский парламент проголосовал за сокращение инвестиций фонда в компании, добывающие ископаемые виды топлива, в пользу увеличения вложений в проекты по производству электроэнергии из возобновляемых источников. В частности, предусматривается вывод более 13 млрд долл. из акций фирм, добывающих традиционные виды

Таблица 2. Потребление энергии Норвегией по видам топлива

Наименование вида топлива	Потребление за год, млн т нефтяного эквивалента						Потребление за 2018 г., %
	2008	2010	2012	2014	2016	2018	
Нефть	10.2	10.6	10.5	10	9.9	10.4	22
Природный газ	3.7	3.5	3.4	3.7	3.8	3.9	8.3
Уголь	0.7	0.8	0.8	0.9	0.8	0.8	1.7
Гидроэнергетика	31.5	26.4	32.1	30.6	32.2	31.3	66.1
Возобновляемые источники энергии ¹	0.3	0.3	0.4	0.6	0.5	0.9	1.9
Итого	46.4	41.6	47.2	45.8	47.2	47.4	100

¹ Включает ветряную, геотермальную и солнечную энергетику, а также энергию, полученную от сжигания бытовых отходов.

Составлено автором по: [6].

топлива, и инвестирование до 20 млрд долл. в бизнес более экологичных компаний [3].

Решение вызвало неоднозначную реакцию со стороны местного бизнеса. По одним оценкам, в результате политической уступки “зеленым” норвежцы рискуют навредить сами себе в долгосрочной перспективе, поскольку сокращение инвестиций в углеводороды приведет к падению уровня их добычи и, как следствие, к росту цен на них [2]. Согласно другой точке зрения, королевство должно постепенно готовиться к истощению запасов углеводородов и диверсифицировать инвестиционные риски с тем, чтобы доходы *GPF* продолжали приносить пользу населению страны за счет дивидендов, получаемых от вложений в другие отрасли экономики [42].

В любом случае задан новый вектор развития экономической политики Норвегии, последствия чего для ее собственной и мировой энергетической отрасли пока сложно предсказать. Согласно оценкам Международного энергетического агентства, эра углеводородов еще далека от своего завершения. Современный глобальный тренд на электрификацию транспорта приведет лишь к некоторому замедлению темпов роста спроса на нефть в ближайшие десятилетия, однако он продолжит возрастать и достигнет своего пика уже после 2040 г., что обусловлено высокой потребностью в углеводородном топливе для грузовых автомобилей, судов, авиации и нефтехимии [43].

В этой связи решение *GPF* представляется оправданным по нескольким причинам. Во-первых, оно направлено на постепенный переход страны от сырьевой экономики к инновационной, а это очень длительный процесс даже при наличии солидной финансовой подушки безопасности. Во-вторых, обусловленный сокращением инвестиций рост цен на углеводороды, о котором предупреждают некоторые специалисты, в долгосрочной

перспективе может сыграть в пользу нефтегазовой промышленности Норвегии, поскольку с ростом цен на углеводороды возрастет рентабельность арктических месторождений в Баренцевом море, где сконцентрировано около 65% неразведанных запасов углеводородов страны.

* * *

Нефть и газ не только составляют основную статью экспорта Норвегии, но и позволяют ей занимать особое место в Европе за счет существенного вклада в ее энергетическую безопасность. Активная политика в Арктике по установлению и защите своих суверенных прав и юрисдикции над шельфом Шпицбергена свидетельствует о том, что Норвегия не намерена отказываться от имеющихся там ресурсов углеводородов и рассчитывает на дальнейшее получение доходов от их добычи и продажи.

Вместе с тем разногласия относительно статуса морских пространств вокруг Шпицбергена по-прежнему не урегулированы, оставаясь источником серьезной напряженности в отношениях Норвегии с другими участниками Парижского договора. Осло в этом вопросе занимает довольно жесткую позицию, не ограничиваясь декларацией национальных интересов, а осуществляя решительные действия для их защиты. Пока такая политика работает, однако ее успешность в большей степени определяется пассивностью других участников Парижского договора, которые не принимают конкретных мер для защиты своих собственных интересов. Несмотря на многочисленные угрозы обратиться в Международный суд ООН, ни одно из государств, чьи права по Договору о Шпицбергене неоднократно ущемлялись Норвегией, этого так и не сделало. Исход подобного спора может оказаться далеко не в пользу Норвегии, поскольку с юридической стороны ее позиция по Шпицбергену оставляет немало вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Norway's Arctic Strategy – between Geopolitics and Social Development*. Available at: <https://www.regjeringen.no/contentassets/fad46f0404e14b2a9b551ca7359c1000/arctic-strategy.pdf> (accessed 13.12.2019).
2. *Перегрелась: Почему Норвегия отказалась от нефтяных триллионов*. [Overheated: Why Norway refused oil trillions (In Russ.)] Available at: <https://lenta.ru/articles/2017/11/22/norfund/> (accessed 13.12.2019).
3. *Норвежский фонд продаст активы нефтегазовых компаний на \$6 млрд*. [Norwegian fund will sell assets of oil and gas companies for \$6 billion (In Russ.)] Available at: <https://oilcapital.ru/news/markets/03-10-2019/norvezhskiy-fond-prodast-aktivy-neftegazovyh-kompaniy-na-6-mlrd> (accessed 13.12.2019).
4. Рыжова А.В. *Норвегия осваивает ресурсы Арктики*. РИСИ, 2016. [Ryzhova A.V. *Norvegiya osvivaet resursy Arktiki* [Norway develops Arctic resources]. RISI, 2016.] Available at: <https://riss.ru/analytics/28154/> (accessed 13.12.2019).
5. *Statistics Norway*. Available at: <https://www.ssb.no/en/knr> (accessed 13.12.2019).
6. *BP Statistical Review of World Energy 2019*. Available at: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf> (accessed 13.12.2019).
7. *Norwegian Petroleum Production and Exports*. Available at: <https://www.norsketroleum.no/en/production-and-exports> (accessed 13.12.2019).
8. Offerdal K. Arctic Energy in EU Policy: Arbitrary Interest in the Norwegian High North. *Arctic*, 2010, vol. 63, no. 1, pp. 30-42.

9. Швец Н.Н., Белякова М.Ю. Основные принципы функционирования системы административного лицензирования в нефтегазовом комплексе Норвегии. *Вестник МГИМО-Университета*, 2015, № 1 (40), сс. 176-181. [Shvets N.N., Belyakova M.Yu. Osnovnyye principy funkcionirovaniya sistemy administrativnogo licenzirovaniya v neftegazovom komplekse Norvegii [The main principles of administrative licensing in oil and gas sector of Norway]. *MGIMO Review of International Relations*, 2015, no. 1 (40), pp. 176-181.]
10. *Norwegian Petroleum Fields*. Available at: <https://www.norskpetroleum.no/en/facts/field/> (accessed 13.12.2019).
11. Антюшина Н.М. *Арктический вызов для национальной и международной политики*. Москва, Институт Европы РАН, Русский сувенир, 2012. 136 с. [Antyushina N.M. *Arkticheskii vyzov dlya nacionalnoi i mezhdunarodnoi politiki* [Arctic challenges in the national and international politics]. Moscow, IE RAS, Russian Souvenir, 2012. 136 p.]
12. *The Shelf in 2018*. Available at: <http://www.npd.no/en/news/News/2019/The-Shelf-in-2018/> (accessed 13.12.2019).
13. *The Automation of Arctic Oil: Good for Companies, Hard for Communities*. Available at: <http://www.cryopolitics.com/2018/02/14/automation-may-make-arctic-oil-likely/> (accessed 13.12.2019).
14. *Договор о Шпицбергене от 09.02.1920 г.* [The Svalbard Treaty of 09.02.1920 (In Russ.)] Available at: <http://docs.cntd.ru/document/902038168> (accessed 13.12.2019).
15. Лукин Ю.Ф. Договор между Россией и Норвегией – шаг к мирному разделу морского пространства Арктики. *Арктика и Север*, 2011, № 2, сс. 59-96. [Lukin Yu.F. Dogovor mezhdu Rossiei i Norvegiei – shag k mirnomu predelu morskogo prostranstva Arktiki [The contract between Russia and Norway – a step to peaceful repartition of Arctic sea space]. *Arctic and North*, 2011, no. 2, pp. 59-96.]
16. *United Nations Convention on the Law of the Sea of 10 December 1982*. Available at: https://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/convention_overview_convention.htm (accessed 13.12.2019).
17. *Agreement between the Government of the Kingdom of Norway on the one hand, and the Government of the Kingdom of Denmark together with the Home Rule Government of Greenland on the other hand, concerning the delimitation of the continental shelf and the fisheries zones in the area between Greenland and Svalbard of 20.02.2006*. Available at: <http://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%202378/v2378.pdf> (accessed 13.12.2019).
18. *Continental Shelf Submission of Norway in Respect of Areas in the Arctic Ocean, the Barents Sea and the Norwegian Sea*. Available at: http://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/nor06/nor_exec_sum.pdf (accessed 13.12.2019).
19. *Size of Norwegian Continental Shelf to the North Clarified*. Available at: <http://www.npd.no/en/Topics/Geology/Temaartikler/Size-of-Norwegian-continental-shelf-to-the-north-clarified-/> (accessed 13.12.2019).
20. *Treaty between the Kingdom of Norway and the Russian Federation concerning Maritime Delimitation and Cooperation in the Barents Sea and the Arctic Ocean of 15.09.2010*. Available at: <https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATION-ANDTREATIES/PDFFILES/TREATIES/NOR-RUS2010.PDF> (accessed 13.12.2019).
21. *Act No. 57 of 2003 Relating to Norwegian Territorial Waters and the Contiguous Zone*. Available at: http://www.un.org/Depts/los/doalos_publications/LOSbulletins/bulletinpdf/bulletin54e.pdf (accessed 13.12.2019).
22. Churchill R., Ulfstein G. The Disputed Maritime Zones around Svalbard. Nordquist M.H., Heidar T.H., Moore J.N., eds. *Changes in the Arctic Environment and the Law of the Sea*. Martinus Nijhoff, 2010, pp. 551–594.
23. Wolf S. *Svalbard's Maritime Zones, their Status under International Law and Current and Future Disputes Scenarios*. SWP Berlin, Working Paper FG 2, no. 2, 2013. 37 p.
24. Vylegzhanin A., Zilanov V. *Spitsbergen. Legal Regime of Adjacent Marine Areas*. Utrecht, Eleven International Publishing, 2007. 167 p.
25. Anderson D.H. The Status under International Law of the Maritime Areas Around Svalbard. *Ocean Development & International Law*, 2009, no. 40:4, pp. 373-384.
26. *Continental Shelf – Questions and Answers*. Available at: <https://www.regjeringen.no/en/topics/foreign-affairs/international-law/continental-shelf-questions-andanswers/id448309/> (accessed 13.12.2019).
27. *Royal Decree of 1963 No. 1 Relating to the Sovereignty of Norway over the Sea-Bed and Subsoil outside the Norwegian Coast*. Available at: http://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/NOR_1963_Decree.pdf (accessed 13.12.2019).
28. Савва В.М. Практика Норвегии и Договор о Шпицбергене (современные международно-правовые вопросы). *Московский журнал международного права*, 2016 (3), сс. 95-103. [Savva V.M. Praktika Norvegii i Dogovor o Shpiczbergene (sovremennyye mezhdunarodno-pravovyye voprosy) [Norwegian State Practice and the Treaty Relating to Spitsbergen (Current International Law Issues)]. *Moscow Journal of International Law*, 2016 (3), pp. 95-103.]
29. *Норвежские запасы нефти в Арктике удвоились*. [Norwegian Arctic oil reserves doubled (In Russ.)] Available at: <https://regnum.ru/news/2267873.html> (accessed 13.12.2019).
30. *Licensing rounds*. Available at: <https://www.npd.no/en/facts/production-licences/licensing-rounds/> (accessed 13.12.2019).
31. *МИД РФ: решения Норвегии, касающиеся шельфа Шпицбергена, вызывают озабоченность*. [Russian Foreign Ministry: Norway's decisions regarding Svalbard offshore cause concern (In Russ.)] Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1946286> (accessed 13.12.2019).
32. Орешенков А.М. Арктический квадрат возможностей. *Россия в глобальной политике*, 2010, № 6. [Oreshenkov A.M. Arkticheskii kvadrat vozmozhnostei [Arctic Square of Opportunities]. *Russia in Global Affairs*, 2010, no. 6.] Available at: <https://globalaffairs.ru/number/Arkticheskii-kvadrat-vozmozhnostei-15069> (accessed 13.12.2019).

33. Кобышев В.Н. Что потеряла Россия в Баренцевом море? *Военно-промышленный курьер*, 2012, № 31 (448). [Konyshov V.N. Chto poteryala Rossiya v Barencevom more? [What did Russia lose in the Barents Sea?] *VPK*, 2012, no. 31 (448).] Available at: <https://vpk-news.ru/articles/9130> (accessed 13.12.2019).
34. *Геополитика в помощь снабжению*. [Geopolitics to help supply (In Russ.)] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3428044> (accessed 13.12.2019).
35. *Совместная пресс-конференция по итогам 16-й министерской сессии Совета Баренцева/Евроарктического региона*. [Joint press conference following the 16th ministerial session of the Barents Euro-Arctic Council (In Russ.)] Available at: https://www.mid.ru/vizity-ministra/-/asset_publisher/ICoYBGcCUgTR/content/id/2912476 (accessed 13.12.2019).
36. Кравчук А.А. Неореалистский подход к анализу военно-политической обстановки в Арктике. *Политические исследования*, 2019, № 1, сс. 136-148. [Kravchuk A.A. Neorealistskii podkhod k analizu voenno-politicheskoi obstanovki v Arktike [Neo-Realistic Approach to Analysis of Military-Political Situation in the Arctic]. *Polis. Political Studies*, 2019, no. 1, pp. 136-148.]
37. *Abide by the Claw: Norway's Arctic Snow Crab Ruling Boosts Claim to Oil*. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-norway-eu-snowcrab/abide-by-the-claw-norways-arctic-snow-crab-ruling-boosts-claim-to-oil-idUSKCN1Q3115> (accessed 13.12.2019).
38. *Norway Wealth Fund Grows to Record 10 Trillion Crowns*. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-norway-swf-record/norway-wealth-fund-grows-to-record-10-trillion-crowns-idUSKBN1X41AO> (accessed 13.12.2019).
39. *The Fund Market Value*. Available at: <https://www.nbim.no/en/the-fund/market-value/> (accessed 13.12.2019).
40. *Norway Flaunts its Green Credentials – so why is It Drilling More Oil Wells?* Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/nov/12/norway-flaunts-green-credentials-drilling-more-oils-wells> (accessed 13.12.2019).
41. *World's Biggest Wealth Fund Wants out of Oil and Gas*. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-11-16/norway-s-1-trillion-wealth-fund-wants-out-of-oil-and-gas-stocks> (accessed 13.12.2019).
42. *Нефть в Норвегии закончится, а благосостояние останется*. [Norway will run out of oil, but welfare will remain (In Russ.)] Available at: <https://www.warandpeace.ru/ru/commentaries/view/140804/> (accessed 13.12.2019).
43. *US Will Become a Net Oil Exporter within 10 Years, Says IEA*. Available at: <https://www.theguardian.com/business/2017/nov/14/us-net-oil-exporter-iea-international-energy-agency> (accessed 13.12.2019).

NORWAY'S ECONOMIC POLICY IN THE ARCTIC

(World Economy and International Relations, 2020, vol. 64, no. 5, pp. 101-108)

Received 09.01.2020.

Aleksey A. KRAVCHUK (zkv3krava@mail.ru),

Far Eastern Federal University (FEFU), 8, Sukhanova Str., Vladivostok, 690091, Russian Federation.

Over the past few years, Norway's energy policy has seen a remarkable turnaround related to the kingdom's refusal to invest the Government Pension Fund's money in the petroleum industry. This decision received mixed reviews from experts, who were arguing about its causes and possible consequences. In this paper the author intends to study the current state of the oil and gas sector of the Norwegian economy and development prospects for it. Oil and gas not only make up Norway's main export item, but also allow it to occupy a more significant place in the European system of international relations due to its significant contribution to the EU's energy security. Given the fact that the most efficient fields in the North Sea and the southern part of the Norwegian Sea are pretty close to exhaustion, Oslo needs new fields, and most of them are expected to be discovered in the Arctic. But there's still considerable disagreement among the parties to the Treaty of Paris over the status of maritime areas around Svalbard, which remain the main obstacle in Norway's way to arctic resources. Oslo takes a tough stance on this issue, which is not limited only by the declaration of its national interests, but is reinforced by decisive actions to protect them. As analysis shows, this policy works, but its success is largely determined by the passivity of other nations, which do not take specific measures to protect their own interests. Despite numerous threats to appeal to the UN International Court of Justice, none of the countries whose rights under the Svalbard Treaty were repeatedly violated by Norway have done it yet. Although the results of such a dispute may not be in favor of Norway, since its position on Svalbard, which was examined in the work, leaves many questions from the international law perspective. In conclusion, the modern energy policy of Norway was studied, as a result the author suggests that hydrocarbons will remain country's principle export item in years to come, and changes in the state investment program should not be seen as an attempt to abandon oil and gas industry, but as the desire to diversify its economy.

Keywords: Norway, Arctic, gas, oil, Svalbard, economy.

About author:

Aleksey A. KRAVCHUK, Cand. Sci. (Political Science), Freelance Researcher, Asia Pacific International Institutions & Multilateral Cooperation Studies Center of Oriental Institute – School of Regional and International Studies of FEFU.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-101-108

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Данная публикация представляет новые материалы научного семинара “Современные проблемы развития”, который возглавляет д.и.н., руководитель Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН В.Г. Хорос. На 28-м заседании семинара был заслушан доклад к.полит.н., с.н.с. Д.Б. Абрамова “Особенности индийской модели развития: опыт и перспективы”. В обсуждении приняли участие д.и.н., гл.н.с. Е.Б. Рашковский (ИМЭМО РАН), д.э.н., гл.н.с. А.И. Салицкий (ИМЭМО РАН), м.н.с. Я.О. Садовникова (ИМЭМО РАН), зав. сект. Г.И. Мачавариани (ИМЭМО РАН), В.Г. Хорос.

ОСОБЕННОСТИ ИНДИЙСКОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2020 г. Д. Абрамов

*АБРАМОВ Дмитрий Борисович, кандидат политических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 23 (dimaodin@gmail.com).*

Статья поступила в редакцию 22.12.2019.

В статье рассмотрены индийская модель развития, опыт ее применения и перспективы дальнейшей экономической и социально-политической модернизации страны. Автор прослеживает становление в Индии нового среднего класса на сложном пути осознания им собственной субъектности. Приводит описание особенностей коррупции и способов злоупотребления демократическими институтами со стороны кастовых партий, определяет характерные черты секуляризма, возникшего на индийской почве.

Ключевые слова: средний класс, Индия, коррупция, кастовые партии, “политика позитивной дискриминации”, модернизация, политическая культура, секуляризм.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-109-117

Размышляя о месте Индии в современном мировом хозяйстве, нельзя обойти вниманием тот факт, что индийская экономика в последние годы растет темпами примерно 7% ВВП в год, которые превосходят подъем любой другой экономики мира. Несмотря на сказывающийся эффект низкой базы и недостаточно устойчивый характер роста, индийская модель развития демонстрирует завидный динамизм и адаптивность. Исследовать индийский опыт важно в плане не только экономических достижений, но и социально-политических преобразований. Уникальный культурно-исторический и религиозный пласт индийской цивилизации может послужить мировой творческой “лабораторией” для разработки модели, способной преодолеть острейшие противоречия современности и постсовременности. Неслучайно индийский пример модернизации вызывает интерес ряда исследователей, в том числе в рамках семинара “Современные проблемы развития” [1].

Если обратиться к первым шагам, предпринятым Индией как независимым государством в экономической сфере, то здесь очевидна доминанта государственного сектора. Тому было несколько причин. Особое место среди них занимал интерес к социалистическому проекту СССР, успехи которого в индустриализации страны индийское руко-

водство намеревалось повторить. Другой причиной стала необходимость значительных капитальных вложений в основные фонды предприятий, поскольку в рамках частной инициативы невозможно обеспечить их рентабельность.

К моменту обретения Индией независимости в стране оформилось политически активное меньшинство. Индийские политические элиты включали в себя преимущественно представителей высших каст, компрадорской буржуазии и духовной аристократии мусульманской общины страны. Большинство из них получили европейское образование в университетах бывшей метрополии и опыт политической борьбы с колониальной администрацией. Однако внутри крайне неоднородного в религиозном, этническом, языковом, кастовом отношениях социума недостающим элементом, который мог бы стабилизировать общество, оказался не успевший сложиться средний класс.

Конституция Индии значительно опередила уровень политического сознания большинства ее граждан. В государстве доминировали традиционные отношения и ценности. Индия — страна многонациональная, поликонфессиональная, в ней проживает множество этносов, религиозных общин, языковых групп, каст и племен. Поэтому

уже в 1950 г., то есть всего три года спустя после обретения независимости, в стране была принята светская Конституция. Принцип секуляризма, отстаиваемый ее автором Б.Р. Амбедкар и первым премьер-министром страны Дж. Неру, не допускал дискриминации граждан или отдельных групп по различным признакам и должен был способствовать формированию общеиндийской идентичности. Тем самым закладывался фундамент для развития “большого общества”, гражданской нации и ее основы – среднего класса.

ПОЛИТИКА “ПОЗИТИВНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ”

Одной из первых острейших проблем, которую предстояло решить Индии, оказалась проблема бедности. Наименее социально защищенными слоями индийцев были этнорелигиозные меньшинства. Поэтому с середины 70-х годов прошлого века в Индии стала проводиться политика так называемой позитивной дискриминации. В рамках этой политики на государственную поддержку могли рассчитывать не только представители *далитов*, или неприкасаемых, которые относятся к “списочным кастам и племенам” (*scheduled casts and scheduled tribes*)¹, но и весьма широкие слои “прочих отсталых классов” (*other backward classes*).

Первоначально в Конституцию Индии были внесены списки “зарегистрированных каст и племен”, для которых была определена обязательная квота при распределении мест в государственных учреждениях и учебных заведениях: 15% – для “зарегистрированных каст”, 7.5% – для “зарегистрированных племен”. С 1978 г. в Индии начала работу комиссия Мандала, определяющая состав (списки) нуждающихся в помощи государства и ее размер. По подсчетам комиссии оказалось, что к концу 1980-х годов к категории “прочие отсталые классы” относится уже 52% населения страны, из которых 43.8% приходится на “отсталые” индусские касты и общины и лишь 8.4% принадлежит “угнетенным” неиндусским общинам [2]. В дальнейшем в списки включалось все большее число каст, племен и иных этнонациональных сообществ. В итоге “меньшинства”, противореча самому смыслу этого понятия, стали составлять подавляющее большинство: по некоторым оценкам более 80% населения Индии.

Проводимая таким образом политика “позитивной дискриминации” не могла не повлечь за собой негативные последствия. К их числу относятся открывшиеся широкие возможности для

¹ К “зарегистрированным племенам” в Индии относят этносы, оказавшиеся вне кастовой системы. Преимущественно это *адиваси*, или автохтонное население страны, практикующее шаманизм, анимизм и некоторые иные мифо-ритуальные практики.

прямых коррупционных сделок, а также различные варианты использования своего статуса самими “угнетенными”. Политика “позитивной дискриминации” приучила индийских граждан к патернализму и социальному иждивенчеству, ослабила современные гражданские институты и тем замедлила формирование в Индии среднего класса.

ОСОБЕННОСТИ КОРРУПЦИИ В ИНДИИ

Коррупция в Индии является устойчивой исторической традицией, пронизывая и скрепляя большую часть социальных коммуникаций. В быту рядового индийца она приобрела системный и весьма самобытный характер. Часто в этой связи цитируется Архашастра – древнейший индийский политический трактат III в. до н.э., который утверждает, что как “невозможно уследить за тем, как пьет воду плавающая в ней рыба, также невозможно проследить за тем, как ворует государственный чиновник”. Жалование современного индийского чиновника среднего и низшего звена не способно обеспечить современный уровень его потребностей и значительно уступает заработной плате в частном секторе. Основной доход большинства государственных служащих составляет хорошо продуманная и, по сути, легитимированная система взяток.

Борьба с коррупцией в Индии не носила систематического характера вплоть до августа 2018 г., когда вступил в силу “Закон о борьбе с коррупцией”. Попытки обуздать коррупцию, предпринимаемые со времени премьерства Раджива Ганди и до проводимой правительством Нарендры Моди монетарной реформы в 2016 г., не смогли переломить ситуацию. Хотя такая цель и значилась среди основных задач. В 2017 г. рейтинг Индии снизился еще на две позиции по Индексу восприятия коррупции (*Transparency International*), переместившись с 79-го на 81-е место; при этом система взяток осталась такой же социальной нормой, как и прежде, тысячелетия назад.

Дело в том, что одной из важных религиозных обязанностей варны брахманов, тщательно разработанных еще в Ведах, является получение даров. Если учесть, что даже мелкие индийские чиновники на местах принадлежат к высшим кастам, становится более понятно, почему для современного индийца, относящегося к низкому социальному статусу, кажется столь естественным сопровождать свою просьбу о подключении телефонной линии или помощи с оформлением вполне законных субсидий подношением [3, p. 115].

Большинство индийцев все еще склонны позиционировать себя, сообразуясь с тем местом, которое они занимают в традиционной социальной иерархии, что формирует отношение к совре-

менным индийским политическим институтам как надстройке над ней. Политика “позитивной дискриминации”, постепенно охватившая подавляющую часть индийского населения, фактически узаконивала межобщинные границы, вместо того чтобы уничтожить их. В этой связи выглядят законономерными высказывания Б.Р. Амбедкара, автора индийской Конституции и лидера неприкасаемых, который еще в период борьбы за независимость в большей мере опасался создания независимой Индии, руководимой выходцами из высших каст, нежели продолжения британского *радж* (господства). Он полагал, что если не найти способ утвердить Индию как независимое государство с равными правами и возможностями для всех своих граждан *de facto*, а не только *de jure*, то сделать это в дальнейшем будет намного труднее.

Способность государства проводить “политику умиротворения обездоленных классов”, как ее принято определять в Индии, напрямую зависит от финансирования соответствующих статей расхода в бюджете. Начатое в конце 1970-х годов вовлечение в этот процесс все новых групп обездоленных, расширение помощи и поддержки становятся чем-то вроде снежной лавины, которую очень сложно остановить или тем более развернуть в обратную сторону. Увеличение объема субсидий с учетом серьезного прироста населения столь велико, что даже заметный рост экономики ставит под вопрос перспективы развития этих программ. Кроме того, наметившаяся тенденция может спровоцировать недовольство привыкших к политике патернализма групп граждан, которые отнюдь не всегда оправданно пользуются преференциями со стороны государства.

Модель индийской экономики смешанного типа с преобладанием госсектора, с жестким регулированием и определенной степенью закрытости постепенно исчерпала возможности для роста. Вместе с тем без опоры на современные отношения либеральные реформы способны натолкнуться лишь на неприятие и непонимание со стороны традиционалистски настроенных избирателей. Груз накопившихся социально-экономических проблем в совокупности с ростом социальных дисбалансов, включая недостаточную эффективность госуправления, привел Индию в конце 80-х годов прошлого века к глубокому экономическому кризису.

НАЗРЕВШАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА М. СИНГХА

Еще в последние годы нахождения у власти кабинета Индиры Ганди (1980–1984 гг.) в правительственных комитетах предпринимались попытки провести необходимые реформы госсектора. Первые половинчатые шаги в их реализации, не принесшие, впрочем, существенных результатов, были

сделаны лишь во время премьерства Раджива Ганди (1984–1989 гг.). В начале 1990-х годов страна столкнулась с кризисом, который уже невозможно было преодолеть в рамках парадигмы прежней, слишком закрытой и протекционистской экономической модели. Стратегическая ставка на импортозамещение при сохранении жесткого правительственного контроля над импортом не оправдала себя. Индийский опыт продемонстрировал, что даже широчайшая потребительская база не гарантирует достижение успеха в собственном производстве при наличии контроля над частной инициативой и отсутствии реальной конкуренции госпредприятиям. Страна жила не по средствам, что привело к небывалому для Индии росту внешних и внутренних государственных долгов – с 23 млрд долл. в 1980/81 ф.г. до 82 млрд долл. в 1990/1991 ф.г.

“Манмоханомика”, названная так по имени автора реформы Манмохана Сингха, означала снятие ограничительных мер, улучшение делового климата, защиту капитала и развитие банковской системы с прицелом на кредитование малого и среднего бизнеса. Множество индийских предприятий среднего звена, как государственных, так и частных, основные фонды которых не обновлялись с колониальных времен, требовали модернизации. Именно малый и средний бизнес и соответственно индийский средний класс были особо заинтересованы не только в отмене государственных ограничений, жесткого правительственного контроля, системы лицензирования, но и в приватизации недостаточно эффективно управляемой части госпредприятий.

В начале пути либеральные реформы неизбежно приводят к формированию социальных дисбалансов, банкротству неконкурентоспособных производств, а следовательно, к росту безработицы и социальной напряженности. Поэтому в Восьмой пятилетний план (апрель 1992 – март 1997 гг.) были заложены важные социальные гарантии и принцип защиты наиболее обездоленных групп населения. В то же время эти меры создавали возможности для коррупции и иных форм злоупотреблений.

Реформа М. Сингха существенно улучшила деловой климат в стране за счет отмены систем промышленного лицензирования, ручного управления ценами и т.д. Кроме того, она позволила открыть отечественный рынок товаров и капитала для инвесторов, упростила формат работы иностранных компаний в Индии. Но одновременно власти были вынуждены расширить сферу деятельности по социальной поддержке значительных групп населения².

² К числу подобных программ можно отнести: “Объединенную программу сельского развития” (1979), “Общегосударственную программу занятости сельского населения” (1980) и пр.

ПОДЪЕМ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРТИЙ

Важным следствием проведения политики умиротворения “списочных” каст и племен стал подъем региональных партий, множество из которых заняты в первую очередь лоббированием интересов своих каст, этнических групп или иных локальных сообществ, готовых голосовать за тех, кто способен предложить им наибольшие преференции. Эти партии и межобщинные партийные альянсы в значительной степени паразитируют на демократических политических институтах в стране, порой оказываются тесно связаны с миром криминала. Тем не менее региональные партии постепенно заставили считаться с собой даже самые крупные общеиндийские политические объединения, возглавляемые Бхаратия джаната парти (БДП) и Индийским национальным конгрессом (ИНК).

Большинство кастовых партий имеют ряд сходных черт. Обычно они формируются вокруг харизматических лидеров, которые не склонны к внутрипартийной демократии и требуют подчинения. Основа их благополучия – система госрегулирования, которую они отстаивают, поскольку она позволяет им беспрепятственно распределять субсидии, рабочие места или контракты внутри своей касты. Наконец их характеризует высокая способность к мобилизации сторонников. Многие аналитики и пресса, привыкшие рассматривать индийскую политику сквозь призму западных политических ценностей и представлений, склонны относить региональные партии низших каст к левому движению в связи с тем, что они выступают на стороне угнетенных, отсталых и обездоленных. Такое понимание неверно, поскольку каждая партия низшей касты выступает только за одну определенную группу, а именно за “своих” обездоленных.

Пример успешной кастовой партии – “Самаджвади парти” (“Социалистическая партия”, СП), регулярно оказывающаяся в числе победителей в наиболее крупном и притом одном из беднейших индийских штатов Уттар-Прадеш. Партию создал и более двух десятилетий возглавлял Муляем Сингх Ядав, который благодаря союзу с другим этнорелигиозным меньшинством – мусульманским находился на посту главного министра этого штата с небольшим перерывом на протяжении четырех избирательных циклов (с 1989 до 2012 г.).

Один из крупнейших в Индии “прочих отсталых классов” – *ядавы*, каста, принадлежащая к варне шудр. Это каста пастухов, проживающих преимущественно в северо-восточной части Индии, где этнонациональная разобщенность ощущается максимально остро. Каста ядавов обладает довольно низким статусом в традиционной социальной иерархии, но из-за своей многочисленности представляет серьезную политическую силу. С мусуль-

манами ядавов объединяет неприязнь к брахманам и в значительно большей степени к далитам, что привело к возникновению одного из наиболее устойчивых в современной Индии межкастовых альянсов. Дело в том, что индийских мусульман, христиан или парсов, хотя и не принадлежащих к “религиям индийского истока”, зачастую также причисляют к определенным кастам согласно их происхождению.

Стоит отметить, что как раз далиты – наиболее обездоленная группа населения – составляют основную политическую конкуренцию СП в штате Уттар-Прадеш. Третья по величине национальная политическая партия “Бахуджан самадж парти” (“Партия большинства народа”, БСП), представляющая оппозицию союзу ядавов и мусульман, вовсе не является радикальной альтернативой последним. БСП подобно СП опирается на “списочные” касты и племена, “прочие отсталые классы” как на свой ядерный электорат. Таким образом, каждая из обеих партий ищет поддержку среди своих групп “угнетенных классов”. От того, как проголосуют представители региональных кастовых партий даже в штатах, где они не пользуются широкой поддержкой, зачастую зависит успех крупных политических игроков³.

Индийская кастовая политика – крайне нестабильная субстанция. В политическом пространстве союзы каст возникают и распадаются с удивительными (для непривыкшего к индийским политическим реалиям наблюдателя) скоростью и непредсказуемостью. Разобщенность, которую пытались преодолеть Б.Р. Амбедкар и Дж. Неру, создавая и утверждая текст Конституции, по-прежнему сохраняется. Далиты и “прочие отсталые классы” ожесточены не только против высших индусских каст, но и друг против друга; высшие и низшие касты – против мусульман и т.п. Вместе с тем в Индии возможны неожиданные этнические союзы давних врагов, альянсы между врагами общих врагов и руководством извечно конкурирующих партий, готовых объединиться против нового политического соперника [4, pp. 98-99].

Лидерам низших каст потребовались десятилетия, чтобы поставить на службу в своих интересах сложный механизм функционирования индийской демократии. Их деятельность возвращает в текущую повестку традиционные политические представления, консервирует ценности и нормы, характерные для индийского прошлого. Со-

³ В декабре 2018 г. в штате Мадхья-Прадеш ИНК и БДП выиграли 114 и 109 мест соответственно, что ниже отметки в 116 мест, необходимых для формирования правительства большинства. Тем не менее партии БСП и СП, которые по результатам голосования получили два и одно место соответственно, выразили свою поддержку ИНК и ему удалось сформировать правительство штата.

временные избиратели из низших каст обладают преимуществом по численности. Более половины индийских граждан, имеющих право голоса, принадлежат к далитам и низшим кастам. Если к ним прибавить по меньшей мере 400 млн индийских мусульман и христиан, а также десятки миллионов избирателей, представляющих иные меньшинства, то получится огромная электоральная масса.

Общность политических задач подкрепляется общностью символики, свойственной мифам. Так, все ядавы объединены во Всеиндийскую Махасабху (ассамблею) ядавов, которая провозгласила своих членов прямыми потомками бога Кришны — пастуха, согласно древнеиндийскому эпосу Махабхарата. Пастушество является кастовой функцией ядавов, которые утверждают, что из-за интриг брахманов они лишились законного высокого места в кастовой иерархии.

Подобное мифотворчество является частью более сложного процесса “санскритизации” — продвижения средних и низших каст вверх по иерархической лестнице. Этот механизм выражается в том, что более низкие касты начинают перенимать образ жизни, пищевые привычки, социокультурные и религиозные обычаи высших каст. Сейчас в крупных городах Индии далеко не всегда можно определить кастовую принадлежность индийца, ориентируясь только на уклад его жизни.

Экономическая составляющая процесса “санскритизации” предполагает повышение уровня образования и доходов, качества жизни, изменение потребительского поведения и политических предпочтений значительного числа представителей нового среднего класса. В результате среди угнетенных слоев формируется отчетливый запрос на получение доступа к социальным лифтам, что привело к взрывному росту антикоррупционного спонтанного (*grassroots*) движения во главе с Анной Хазаре, пик которого пришелся на 2011 г. Им оказался охвачен главным образом новый индийский средний класс.

НОВЫЙ СРЕДНИЙ КЛАСС В ИНДИИ

Кисан Бабурео Хазаре, известный как Анна Хазаре, начал свою деятельность в конце 1970-х годов, демобилизовавшись из армии, но истинной общенациональной популярности его “Народное движение против коррупции” (НДПК) достигло в 2011 г. Об уровне поддержки А. Хазаре говорит такой факт: в защиту его требований о свободе собраний, антикоррупционных митингов и акций протестующие вышли на центральные площади в 570 индийских городах [5]. Свои законопроекты, молчаливо отвергавшиеся властями, Анна Хазаре продвигал благодаря публичным голодовкам

в окружении и при опоре на единомышленников. В частности, в Нью-Дели акция с его участием проходила у мемориала Махатмы Ганди, чьим принципам он старается следовать. Несмотря на личную популярность и рост материальных пожертвований в пользу НДПК, Анна Хазаре ведет жизнь аскета на выплачиваемую ему государством скромную пенсию.

Важно понимать, что борьба индийца за свои права часто сопряжена с серьезным внутренним конфликтом, поскольку принципы “ахимсы” (ненасилия) вместе с понятиями “кармы” (воздаяния) и “дхармы” (духовного пути) составляют суть его мировоззрения. Комплекс традиционных представлений, истоком которых являются древнеиндийские тексты, побуждал низы покорно принимать существующий иерархический социальный уклад как естественный и данный на века. Поэтому угнетенные слои индийского населения с большим трудом, чем это происходило на Западе, обретали собственные формы социального протеста.

Терпимое отношение к коррупции среди представителей среднего класса и бизнеса, которое преобладало до начала протестов, было продиктовано тем, что в ходе экономических реформ М. Сингха в 1990-е годы эта страта была избавлена от более жестких форм контроля со стороны государства в виде системы лицензирования, элементов “ручного регулирования” и пр. Для представителей же низов работа на государство — это не только абсолютная гарантия занятости, но и возможность продвинуться по социальной лестнице. Госслужащего в Индии в силу действия системы социальных гарантий, провозглашенных еще в эпоху Дж. Неру, зачастую невозможно уволить или сменить.

Движение Анны Хазаре нашло деятельную поддержку не столько у социальных низов, сколько со стороны растущего индийского среднего класса на рубеже 2010–2020 гг. Этот новый класс наконец осознал свою субъектность, а также то, что ни одна из политических партий в стране не отстаивает его интересы. В отличие от него против засилья коррупции в стране не выступили ни политически пассивные беднейшие слои, занятые преимущественно проблемами выживания, ни элиты, получающие свою долю дивидендов в условиях сложившегося *status quo*.

Индийские социологи в последние годы активно ищут возможность отойти от западных критериев определения границ среднего класса [6], задающих основную рамку потребления от 10 до 100 долл. в день на человека по паритету покупательной способности (ППС). Их исследования показывают, что индийцы демонстрируют многие особенности поведения, характерные для среднего класса, несмотря на их гораздо более низкий

уровень потребления. Интересный подход к оценке границ “нового индийского среднего класса” предложили ученые А. Кришна и Б. Баджпай [7]. По их мнению, продуктивной может считаться методика, определяющая границы среднего класса на основе владения транспортным средством. Нижний средний класс имеет в собственности скутер или мотороллер, в то время как верхний средний класс обладает уже собственным автомобилем.

Американские экономисты А. Банерджи и Э. Дуфло [8] пытаются положить в основу оценки низов индийского среднего класса уровень потребления начиная с 2–4 долл. в день на человека, тогда как верхам “начисляют” 6–10 долл. — показатель, который для западного среднего класса считается нижним. При этом эксперты пересчитывают доход в рупии, не только исходя из ППС, но и вводя особые индексы, например для городских и сельских регионов. Исследования А. Банерджи и Э. Дуфло социологически подтвердили возникновение в Индии “нового среднего класса”, общественного слоя, не только характеризующегося особенностями потребительского поведения, но и готового отстаивать свои политические права.

Если руководствоваться приведенными критериями при определении индийского среднего класса, то можно отметить быстрый рост его численности с 2004–2005 гг. К 2011–2012 гг. численность нового среднего класса почти удвоилась — с 304 млн до 604 млн человек. Доля низов среднего класса при этом увеличилась максимально и составила 3/4 от общей численности. Особенно показательна динамика расширения среднего класса в сельских районах по сравнению с его урбанизированной частью. В этот период происходит повсеместно рост доли нового среднего класса в общем населении Индии, за исключением штатов Бихар, Джаркханд, Орисса и Чхаттисгарх. Повышение благосостояния происходит во всех его религиозных и кастовых группах, хотя здесь по-прежнему лидируют представители высших индийских каст.

Что касается профессионального состава нового среднего класса, то его верхние страты отличает хорошее высшее образование: зачастую это так называемые белые воротнички, инженеры, связанные с ИТ-индустрией или высокотехнологичным производством. Выходцы из среднего класса не только представлены в банковском и финансовом секторах на менеджерских позициях, но и являются владельцами небольшого собственного бизнеса, торговцами или чиновниками низшего и среднего ранга. В последнее время к ним все более активно присоединяются преуспевающие фермеры и строители. Верхние слои индийского среднего класса по-прежнему занимают такие ниши, как образование, наука и здравоохранение.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Индийской политической культуре присуща особо тесная связь с народом, его историко-культурными корнями и религией. Постепенный, эволюционный характер модернизации, практика общественного примирения, диалога и компромисса исторически главенствуют в политической системе страны. Эти принципы получили дальнейшее развитие в виде трансформации института президентства, который может повысить качество исполнительной власти за счет более тонкой настройки взаимодействия всех политических структур.

Согласно Конституции, президент Республики Индия, главным образом осуществляющий представительские функции, является главой исполнительной власти и главнокомандующим вооруженными силами страны. Его одобрение требуется при назначении премьер-министра и министров, губернаторов штатов в случае роспуска Народной палаты. Полномочия президента включают право издавать указы, имеющие силу закона (в период между сессиями парламента); право законодательной инициативы; право вето; право окончательно решать вопрос о судьбе закона штата, представленного губернатором. Президент участвует в процессе назначения членов Верховного суда, в его прерогативы входит объявление чрезвычайного положения, прямого президентского правления в штатах, чрезвычайного положения в области финансов, а также право помилования. Во внешней политике роль президента ограничивается участием в официальных мероприятиях. В этом свете перераспределение части полномочий президента из формальной в действительную юрисдикцию представляется шагом, который способен изменить расстановку политических сил в стране.

Нынешний президент Индии Р.Н. Ковинд (от партии БДП) — из касты ткачей “кари”, относится к неприкасаемым, занимающим самое низкое положение в кастовой иерархии. Его главным оппонентом на выборах 2017 г. была Мейра Кумар (от партии ИНК), которая также является неприкасаемой. Эта тенденция подчеркивает возросшую роль социальных низов в управлении страной. Наряду с повышением значимости региональных кастовых партий, при всех издержках и злоупотреблениях многих из них, заметен курс на перераспределение полномочий в направлении от “центра к штатам”. Но это сложный и нелинейный процесс. Поэтому важной категорией для политической системы Индии, нуждающейся в выверенном балансе, остается принцип федерализма.

Для индийской политической культуры характерен партийный плюрализм. Вместе с тем по мере модернизации политической системы наметился

переход от привычной двухкоалиционной, многопартийной системы к двухпартийной. С учетом успехов БДП на местных выборах встает вопрос о ее заинтересованности в союзнических отношениях с младшими партнерами по Национально-демократическому альянсу (НДА). С 2014 г. БДП прошла полный и достаточно успешный региональный избирательный цикл. Она самостоятельно сформировала правительства в 12 штатах и союзных территориях из 31, являясь партнером в коалициях еще в 6 штатах. Тем не менее было бы преувеличением утверждать, что вступление в выборы в составе НДА не способно принести БДП никаких политических дивидендов. Младшие союзники по НДА заинтересованы в нем в гораздо большей степени, а следовательно, их политический вес в альянсе в будущем снизится.

Объединенный прогрессивный альянс (ОПА), центром которого с момента возникновения в 1998 г. всегда была партия ИНК, в последние годы теряет привлекательность для своих членов. Снижение популярности партии ИНК, значительная утрата авторитета на фоне череды коррупционных скандалов, а также отсутствие идеологической последовательности в отстаивании декларируемых ею общегражданских ценностей поставили ОПА в сложное положение аутсайдера в предвыборной гонке. Однако в декабре 2018 г. в ходе региональной избирательной кампании ИНК одержала победу в трех из пяти штатов⁴. Еще более примечательно то, что ИНК удалось вступить в успешный коалиционный союз с партиями СП и БСП. Союз с влиятельными партиями низших каст открывает для ИНК дополнительные электоральные перспективы в масштабах всей страны. Таким образом, можно утверждать, что в кратко- и среднесрочной перспективе построение альянсов по-прежнему останется залогом успеха электоральной кампании для обеих ведущих индийских партий.

Традиционно в индийской культуре и массовом сознании отсутствовали или занимали второстепенное положение устремления, сконцентрированные лишь на достижении личных успехов и создании материального благосостояния. В последние годы вместе с ростом численности среднего класса большинство исконно присущих индийской традиции поведенческих матриц испытывает нарастающее влияние со стороны культуры модерна. Новый индийский средний класс склонен рассматривать модель поведения, предполагающую участие в политической жизни и потребительскую активность, как основную и не требующую дополнительной религиозной санкции. При этом ошибкой было бы

считать, что в быту, матримониальных отношениях или вопросах выбора политических предпочтений рядовой индеец лишен религиозных ориентиров — часто они имеют определяющее значение. Поэтому в столь разнообразной по своему этническому, религиозному, кастовому, языковому составу стране принципиально важно тщательно рассматривать вопросы веры и политическую культуру Индии. Одним из знаковых конфликтов стала в современной индийской политической традиции проблема вокруг мечети Бабура в г. Айодхья.

Драма, разыгравшаяся в декабре 1992 г. в связи с окончательным разрушением мечети Бабура, привела к тысячам жертв среди мирного населения: как мусульман, так и индусов. Разрушение мечети Бабура совсем неслучайно совпало с началом реформы и может рассматриваться как один из ответов традиционалистов на вызовы происходящих в стране изменений. Реформа М. Сингха, затронувшая социально-экономический уклад и отношение государства к предпринимательскому сообществу, неизбежно расширяла границы среднего класса и модернизировала его традиционные ценностные установки, что в правоконсервативной среде⁵ и мусульман, и индусов однозначно воспринималось как угроза.

Разумеется, рост индийской экономики способен временно сглаживать острые углы межконфессиональных взаимодействий. В значительной степени опыт последнего десятилетия подтверждает этот тезис. Вместе с тем надежной основой для преодоления этносоциокультурных противоречий может и должна служить политика выстраивания адекватной иерархии идентичностей. При этом общеиндийская идентичность должна оставаться главенствующей и не ставиться под сомнение государством в зависимости от текущих политических интересов.

Принцип секуляризма, закрепленный в Конституции Индии, не был осмыслен большинством населения в качестве максимы, строго разделяющей сферы религии и политики. Это утверждение относится к политической культуре Индии в целом вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности. Устоявшаяся в стране гандистская интерпретация древнего принципа “сарва дхарма самбхава” (“*sarva dharma sambhava*”) провозглашает право на равно внимательное и равно уважительное отношение к любой вере на основа-

⁴ В штатах Мадхья-Прадеш, Раджастан и Телангана партия ИНК неожиданно одержала победы в основном благодаря резкой критике политики, проводимой БДП в области занятости и поддержки местных фермеров.

⁵ Прежде всего речь идет о Раштрия сваямсвак сангх (“Союз добровольных служителей индусской нации”, РСС) — массовом правом социальном движении, существующем с 1925 г. и являющемся прародителем целого “семейства” индусских организаций (Сангх Паривар), в том числе партии БДП и ВХП (Всемирного совета индусов), которые сыграли особенно негативную роль в развитии драматической ситуации в г. Айодхья.

нии представления индийской традиции об общем корне всех религий, дает наиболее близкое представление о понимании секуляризма [9].

Основной вызов, приводящий к зарождению межэтнических конфликтов, — не в “оскорблении чувств верующих” одной этнорелигиозной группы действиями другой, а в преднамеренной эскалации и политизации этих чувств. В силу цивилизационных особенностей в индийской культуре на уровне массового сознания крайне затруднен переход от “дискурса аффекта” к “дискурсу понимания”. Поэтому ментальные изменения, вызванные процессом модернизации, развитием новых форм самоорганизации гражданского общества снизу, происходят на фоне пассионарных вспышек этнических чувств. Вместе с тем можно прогнозировать, что становление среднего класса и в дальнейшем не окажется для Индии простым линейным процессом.

РЕФОРМА НАРЕНДРЫ МОДИ

Политическая система Индии в последних электоральных циклах переживает период жесткого стресс-теста. Вероятно, что кульминацией процесса обретения индийской политической системой более устойчивого положения и своеобразным стресс-тестом для кабинета Н. Моды станет избирательный цикл 2019—2024 гг. Индия переживала период бурного экономического роста, в чем, несомненно, личная заслуга действующего премьер-министра. Обещание снять торговые барьеры между штатами, данное им еще во время избирательной кампании, вступило в законную силу 1 июля 2017 г. Это событие явилось важнейшим шагом на пути либерализации индийского рынка со времени реформ М. Сингха. Прекращение работы Плановой комиссии в январе 2014 г. четко обозначило вектор смещения регуляторных функций правительства страны в сторону косвенных монетарных механизмов влияния на экономику. Такой подход способствовал привлечению иностранных инвестиций на индийский рынок, а правительственная программа “Сделай в Индии” предоставила действенные механизмы и определила правовые рамки активизации иностранных высокотехнологичных компаний на территории Индии и реэкспорта их продукции.

Расширение общего торгово-экономического пространства за пределы отдельных штатов привело к укреплению экономических связей между

ними, росту более чем вдвое объемов внутренней торговли и оживлению общей предпринимательской деятельности. Увеличились инфраструктурные вложения в шоссейные дороги, альтернативную энергетику, строительство аэропортов и модернизацию железнодорожной сети. Долгое обсуждение пакета законов антикоррупционной направленности в августе 2018 г. завершилось подписанием его президентом Индии Рам Натх Ковиндом. Все эти меры стимулируют и развитие индийского среднего класса, рост его субъектности в индийской политической жизни, создают предпосылки для отказа от порочной практики патернализма и социального иждивенчества.

Итоги общенациональных выборов весной 2019 г. четко обозначили решающую роль многочисленных низов среднего класса (*lower-middle class*), который обретает все больший политический вес и влияние (10). Кредит доверия проводимому курсу реформ Нарендры Моды достаточно велик. Средний класс в целом признал необходимость болезненной для него монетарной реформы 2016 г. и заинтересован в полной реализации обещанных шагов по либерализации рынка недвижимости, доступу к энергосетям, изменению законов о труде и трудовых ресурсах, купле/продаже земли и ряде других.

Однако ряд предвыборных обещаний Н. Моды, в частности касающихся социальной политики и особенно сокращения безработицы среди молодежи, все еще остается серьезным вызовом как для его кабинета, так и для большинства индийцев, которые проживают главным образом за пределами крупных городских агломераций. В период бурного экономического роста индийская политическая система накопила большой груз системных рисков.

Складывается устойчивое ощущение трудного поиска правительством страны наиболее эффективных рычагов управления. Преодоление коррупции в стране по-прежнему относится к числу приоритетных задач, но выполнение ее требует не только принятия законодательной базы, но и отлаживания механизма вынесения судебных решений и защиты прессы при их освещении. В конечном счете реализация задуманного Н. Моды зависит от того, насколько высоко оценит новый средний класс промежуточные итоги реформы и перспективу преодоления социальных рисков, что определит в дальнейшем успешность индийского модернизационного проекта в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Брагина Е.А. Take-off по-индийски. *Современные проблемы развития*. Москва, ИМЭМО РАН, 2010, сс. 123-141. [Bragina E.A. Take-off по-indiiski [Take-off in Indian]. *Sovremennye problemy razvitiya* [Modern Problems of Development]. Moscow, IMEMO, 2010, pp. 123-141.]

2. *Report of The Backward Classes Commission (Mandal Commission). First Part. Volumes I & II. Government of India.* Available at: [http://www.ncbc.nic.in/Writereaddata/Mandal%20Commission%20Report%20of%20the%201st%20Part%20Eng-lish635228715105764974.pdf](http://www.ncbc.nic.in/Writereaddata/Mandal%20Commission%20Report%20of%20the%201st%20Part%20English635228715105764974.pdf) (accessed 10.03.2019).
3. Mehta P.B. *The Burden of Democracy.* New Delhi, Penguin Books, 2003. 178 p.
4. Luce E. *In Spite of the Gods: The Strange Rise of Modern India.* New York, Doubleday, 2007. 400 p.
5. *Anna Hazare's Anti-Corruption Movement and the Limits of Mass Mobilization in India.* Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14742837.2013.860025?scroll=top&needAccess=true&journalCode=csms20> (accessed 10.03.2019).
6. Homi Kharas. The Emerging Middle Class in Developing Countries. *Global Development Outlook*, January 2010. 61 p. Available at: https://www.researchgate.net/publication/46457345_The_Emerging_Middle_Class_in_Developing_Countries (accessed 10.03.2019).
7. Anirudh Krishna, Bajpai Devendra. Layers in Globalising Society and the New Middle Class in India: Trends, Distribution and Prospects. *Economic & Political Weekly*, 2015, January, vol. 50, no. 5, pp. 69-77.
8. Abhijit V. Banerjee, Duflo Esther. What Is Middle Class about the Middle Classes around the World? *The Journal of Economic Perspectives*, 2008, Spring, vol. 22, no. 2, pp. 3-28.
9. Абрамов Д.Б. *Светское государство и религиозный радикализм в Индии.* Москва, ИМЭМО РАН, 2011. 187 с. [Abramov D.B. *Svetskoe gosudarstvo i religiozni radikalizm v Indii* [Secular State and Religious Radicalism in India]. Moscow, ИМЭМО, 2011. 187 p.]
10. Krishnan S., Hatekar N. Rise of the New Middle Class in India and Its Changing Structure. *Economic & Political Weekly*, 2017, June, vol. 52, no. 22, pp. 40-48.

FEATURES OF THE INDIAN DEVELOPMENT MODEL: EXPERIENCE AND PROSPECTS

(World Economy and International Relation, 2020, vol. 64, no. 5, pp. 109-117)

Received 22.12.2019.

Dmitry B. ABRAMOV (dimaodin@gmail.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (ИМЭМО), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The article is devoted to the features of the Indian development model, describes the experiments and prospects for its further economic and sociopolitical modernization. The growth of the Indian economy outstrips the growth of any other economy in the world, demonstrates enviable dynamism and adaptability. The successes of Indian modernization are associated not only with its economic achievements, but also with peculiarities of its path of sociopolitical and cultural transformations. The particular religious experience of Indian civilization can serve as a world laboratory for overcoming the most acute contradictions of modernity and postmodernity. One of the first acute problems faced by India was poverty. Ethno-religious minorities were the least socially protected stratum of Indians. Therefore, since the mid 1970s in India the Positive Discrimination policy was established. Within this policy, not only representatives of Dalits are the subjects for the state support of the Scheduled Castes and Scheduled Tribes, but also Other Backward Classes. The specifics of its implementation had a number of negative consequences, such as corruption and the growing influence of regional caste parties. A significant place in the article is devoted to the growth of a new middle class in India and its role in the liberalization of the country. A sharp increase of the middle class occurred at the turn of 2010–2020s. Particularly indicative is its high growth dynamics in rural areas, where, unlike in previous periods, it grew faster than its urbanized part. The results of the 2019 elections clearly indicated the decisive role of the lower middle class, which is gaining increasingly political weight.

Keywords: middle class, India, corruption, caste parties, Positive Discrimination policy, modernization, political culture, secularism.

About author:

Dmitry B. ABRAMOV, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-109-117

ИНДИЯ: ОТ “РЕФОРМЫ М. СИНГХА” К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ Н. МОДИ

© 2020 г. Я. Садовникова

САДОВНИКОВА Яна Олеговна, младший научный сотрудник,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 23 (khoobsurat_90@rambler.ru).

Статья поступила в редакцию 22.12.2019.

В начале 1990-х годов “реформа Манмохана Сингха” выступила в роли ускорителя социальных и политических перемен, которые были вызваны необходимостью разрешения противоречий, препятствовавших дальнейшему развитию страны. В статье подчеркивается, что экономические преобразования достигают желаемого эффекта только тогда, когда сопровождаются надлежащими изменениями политических механизмов и институтов. В фокусе внимания автора — основные движущие мотивы и факторы пореформенной стратегии развития, трудности на пути ее реализации, а также возможности их преодоления правительством Нарендры Моды.

Ключевые слова: Индия, “реформа М. Сингха”, отношения “центр—штаты”, Нарендра Моди, региональные диспаритеты, стратегия развития.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-118-123

Как справедливо отмечено Д.Б. Абрамовым, эволюция индийской модели развития включает в себя различные этапы. Она берет начало со времен Джавахарлала Неру — первого премьер-министра страны, чья масштабная созидательная деятельность вошла в историю под названием “эпоха Неру”. В течение примерно четырех десятилетий стабильное функционирование отношений “центр—штаты” — узлового компонента политической системы Республики Индия — базировалось на принципах унитаризма и поддерживалось доминированием партии Индийский национальный конгресс (ИНК). Но в начале 1990-х годов в общественно-политическом устройстве страны произошли изменения, связанные с осуществлением “реформы М. Сингха”¹.

Эти реформы повлияли на изменение существовавшей с момента достижения независимости модели развития. Действие преобразующих сил в условиях многосоставного, социально поляризованного индийского общества неизменно сопровождается различными трудностями, преодоление которых требует политической адаптации к условиям формирующейся рыночно ориентированной экономики.

ИСТОКИ И ПРИЧИНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ 1991 г.

Необходимость трансформации модели развития индийского государства была вызвана теми про-

¹ Экономическая реформа 1991 г. в Индии вошла в историю под названием “реформа М. Сингха” по имени проводившего ее министра финансов.

тиворечиями и кризисными явлениями, которые явно обозначились на рубеже 1980—1990-х годов.

Нараставшие весь 1990/1991 ф.г. негативные признаки в экономике достигли в июле 1991 г. своей наивысшей точки, вылившись в острый платежный кризис. Валютные резервы Индии сократились до предельно низкого уровня, и экономика страны впервые за всю историю независимости оказалась на грани дефолта. Трудности индийской экономики были вызваны рядом причин и обстоятельств как внешнего, так и внутреннего характера. К внешним факторам следует отнести колебания цен на нефть в течение 1990—1991 гг. из-за войны в Персидском заливе, а также то обстоятельство, что с распадом Советского Союза индийские отрасли промышленности, в основном ориентированные на экспорт, утратили в его лице надежного торгового партнера и огромный рынок сбыта. Внутренние факторы были связаны прежде всего с тем, что господствовавший в хозяйственной сфере госсектор в значительной мере исчерпал мобилизационные возможности для дальнейшего роста.

После того как по итогам десятых парламентских выборов весной 1991 г. партия ИНК получила возможность сформировать “правительство меньшинства” во главе с премьер-министром П.В. Нарасимха Рао, был дан старт новой экономической политике. Ее цель состояла в том, чтобы не только добиться текущей макроэкономической стабильности, но и запустить долгосрочный процесс, который придаст бы всем сферам индийской экономики новый импульс развития. Основной массив пакета структурных изменений охватывал наиболее “зарегулированные” области торговой практи-

ки, а также промышленной импортной политики. Он включал следующие шаги:

– *во-первых*, допуск частных предприятий в некоторые ранее зарезервированные за государственным сектором отрасли промышленности²;

– *во-вторых*, создание благоприятных условий для увеличения притока инвестиций (в том числе иностранных);

– *в-третьих*, снятие количественных ограничений на импортные товары и услуги;

– *в-четвертых*, упразднение процедуры обязательного лицензирования почти во всех отраслях промышленности³.

В результате для частного бизнеса значительно был упрощен процесс открытия и закрытия предприятий, больше не требовалось предварительного одобрения правительства на расширение производственных мощностей и согласования с ним ассортимента продукции.

Представляя перед парламентом первый план бюджета на 1991/1992 ф.г., новый министр финансов Манмохан Сингх выделил существенные аспекты экономических реформ: “повышение эффективности и международной конкурентоспособности промышленного производства; использование для этой цели иностранных инвестиций и технологий в гораздо большей степени, чем раньше; повышение результативности инвестиций; обеспечение быстрой модернизации финансового сектора Индии, а также улучшение производительности государственного сектора с тем, чтобы ключевым секторам экономики было позволено достичь соответствующих технологических и конкурентных преимуществ в быстро меняющейся мировой экономике” [1, р. 3].

Истоки “реформы М. Сингха” обнаруживаются еще во второй половине 60-х годов прошлого века. Но тогда первый эксперимент по усилению рыночных механизмов регулирования не был реализован. Наоборот, тогдашнее руководство страны, решая конкретные политические задачи, предприняло прямо противоположный шаг: в 1969 г. национализировало 14 крупнейших коммерческих банков и ряд страховых компаний. Еще одна попытка отхода от избыточного вмешательства государства была сделана в период правления Раджива Ганди (1984–1989 г.) и выражалась в упрощении ряда бюрократических процедур для частного

предпринимательства, повышении самостоятельности предприятий госсектора, стимулировании отраслей, обладающих экспортным потенциалом.

Благодаря “реформе М. Сингха” удалось достичь высоких темпов экономического роста, увеличения (пусть и умеренного) доходов населения, а также упрочить положение среднего класса и повысить влияние страны на мировой арене. Тем не менее практика показала, что реформы нуждаются в продолжении. Требуется постоянное изменение/корректировка социально-экономического курса для того, чтобы плоды роста “не застаивались” в верхних прослойках общества или наиболее развитых регионах, а относительно равномерно распределялись на уровне штатов и среди широких слоев населения.

ОБНОВЛЕНИЕ ПЛАНОВЫХ ПОДХОДОВ

Для сбалансированного роста отраслей и устранения диспропорций в социально-экономическом развитии на уровне штатов и федеральном уровне государством использовался такой рычаг управления, как планирование, что является одной из важных характеристик модели развития Республики Индия. Экономические реформы затронули и структуры планирования. *Во-первых*, начиная с десятого пятилетнего плана стало выделяться измерение целевых показателей роста по штатам. Это связано с тем, что в ходе эволюции индийской модели развития штаты значительно увеличили удельный вес в экономической и политической жизни. В отношениях “центр–штаты” постепенно усиливается тенденция к сотрудничеству. *Во-вторых*, был сделан упор на улучшение планового механизма не только в разработке, но и контроле, наблюдении и оценке результата намеченных схем и проектов. *В-третьих*, была поставлена задача учитывать в планировании конкретные потребности и проблемы людей. Так, после вступления в силу в 1993 г. 73-й и 74-й поправок о сельском и городском самоуправлении штатам предписывалось создание “Плановых комитетов дистрикта”⁴. Дистрикт представляет собой связующее звено между штатом и местными институтами власти. Налаживание механизма планирования с самых нижних уровней управления крайне важно для того, чтобы при составлении общегосударственных планов, разработке инициатив по развитию отсталых районов и социальных программ для беднейших групп населения наиболее полно была представлена

² После реформы за госсектором осталось несколько базовых отраслей – атомная энергетика, добыча и производство радиоактивных минеральных ресурсов, железнодорожный транспорт, производство оружия, боеприпасов и военной техники, угольная промышленность, нефтепродукты.

³ Исключением являются те отрасли, которые представляют стратегический интерес.

⁴ Дистрикт – административно-территориальная единица индийских штатов. В соответствии со ст. 243 ZD Конституции Республики Индия в обязанности “Планового комитета дистрикта” входит составление общего проекта плана на основе подготовленных органами сельского и городского самоуправления планов по развитию.

местная специфика. “Повышение продуктивности за счет быстрого внедрения современных технологий, а также более эффективного распределения и использования имеющихся ресурсов и усиления воздействия такого повышения продуктивности на условия жизни более слабых слоев населения должно достигаться через децентрализованное планирование” [2, р. 42]. Хотя в официальных документах правительства неоднократно подчеркивается значимость децентрализации планирования, в действительности же передача полномочий от штатов к местным органам власти продвигается очень медленно.

Устранение административных барьеров и расширение частной инициативы способствовало оживлению экономической деятельности в штатах. Однако в силу разных стартовых условий развития, которые достались в наследство от колониального прошлого, региональные диспаритеты в ходе реформ углубились. Дело в том, что те штаты, которые всегда развивались более динамично, имеют тенденцию сохранять этот темп. Чтобы преодолеть увеличивающийся разрыв между более развитыми и отсталыми штатами и не допустить углубления неравенства внутри самих штатов в условиях развития направляемой рынком экономики, требовалось сделать упор на институциональные реформы и усиление органов местного самоуправления. Это стало задачей последующих преобразований.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА Н. МОДИ

Можно с уверенностью утверждать, что процесс преобразований на современном этапе есть продолжение “реформы М. Сингха” в новых условиях. Победа на 16-х парламентских выборах в мае 2014 г. Бхаратия джаната парти (БДП) во главе с ее лидером Нарендрой Модии открыла следующую фазу в истории индийских экономических реформ. Партия получила 31,34% голосов, завоевав 282 (без учета союзников по коалиции “Национально-демократический альянс”) из 543 депутатских мандатов [3]. Впервые за последние 25 лет нахождения у власти коалиционных сил во главе страны оказалось правительство, обладающее абсолютным большинством мест в нижней палате парламента — Лок сабха. В 2014 г. БДП смогла уловить потребности дальнейшего общественно-политического развития. Но сумела ли партия за время пребывания у власти выработать полноценную преобразовательную стратегию развития, в которую были бы вовлечены все наиболее уязвимые с социальной и экономической точек зрения слои и группы общества?

После прихода к власти БДП продолжила реформы по укреплению экспортно ориентированных секторов и либерализации экономики,

начатой еще в 1990-е годы. Экономический курс нынешнего правительства был выстроен вокруг следующих задач, требующих решения:

- увеличение притока инвестиций;
- расширение благоприятных условий для предпринимательской деятельности;
- достижение высоких темпов роста экономики с возможностью выхода на уровень двузначных показателей;
- уменьшение инфляции.

Успешный опыт Н. Модии на посту главного министра штата Гуджарат, превратившегося за годы его правления в одно из самых комфортных мест для занятия бизнесом, позволял ожидать, что эти цели будут достигнуты.

Одним из первых решений нового кабинета, привлечших к себе внимание со стороны широкой общественности и экспертов, стало упразднение института с более чем полувековой историей — Плановой комиссии. В начале января 2015 г. по распоряжению премьер-министра была учреждена новая организация под названием *NITI (National Institution for Transforming India) Aayog*, или “Общенациональный институт по преобразованию Индии”. Важно подчеркнуть, что предложенная руководством страны стратегия социально-экономического и политического развития нуждалась в собственном “мозговом центре”, похожем на свою предшественницу (неслучайно некоторые функции Плановой комиссии достались новой организации), но в то же время являвшемся “творением” партии БДП. Учитывая важность контроля над реализацией различных проектов развития, при *NITI Aayog* было создано ведомство оценки и мониторинга, заменившее два аналогичных органа, один из которых функционировал в структуре Плановой комиссии, а другой был создан в период премьерства М. Сингха. Различные комментарии экспертов в СМИ, а также регулярные отчеты самой комиссии свидетельствуют, что *NITI Aayog* принимает активное участие в разработке и продвижении программ и инициатив правительства. Одним из последних мероприятий можно назвать программу по улучшению качества жизни в 115 наименее развитых дистриктах, расположенных в разных уголках страны [4]. Подобным образом планируется улучшить позиции Индии в рейтинге по индексу человеческого развития, а также смягчить дисбалансы как внутри штатов, так и между ними.

Согласно данным Всемирного банка, Индия поднялась со 134-го на 100-е место в рейтинге стран мира по показателю создания ими благоприятных условий ведения бизнеса и осуществила самый большой рывок среди оцениваемых экономик

[5]. За период с 2014/2015 по 2017/2018 ф.г. средний рост ВВП составил 7.3%, удалось замедлить инфляцию, сократить фискальный дефицит и увеличить валютные резервы [6]. Руководство страны реализовало несколько важных законопроектов, которые привлекли внимание широкой индийской общественности, в том числе провели реформы в банковском секторе и денежную в 2016 г., ввели единый налог на товары и услуги. Эти государственные мероприятия, среди прочего, нацелены на то, чтобы подать сигнал иностранным торговым партнерам о намерении Индии продолжить предпринятые в 90-е годы прошлого века изменения в экономике, а также совершенствовать свою социально-экономическую стратегию для придания новых импульсов развитию.

В ночь на 8 ноября 2016 г. по телевидению премьер-министр страны объявил об изъятии из обращения купюр номиналом 500 и 1000 рупий, составлявших наибольший процент использования среди населения. Основной целью денежной реформы являлась борьба с “теневой экономикой”. Кроме того, еще в предвыборном манифесте БДП ставила задачу стимулировать вовлеченность граждан в финансовую сферу. Первым шагом в этом направлении стало утверждение 28 августа 2014 г. правительственной схемы *Jan Dhan Yojana*, которая способствовала расширению участия граждан в экономической жизни страны и повышению их финансовой грамотности. По официальным данным, в первый день реализации программы было открыто около 10.5 млн счетов по всей стране [7], а к концу 2017 г. их число увеличилось до 307 млн [8]. Этими мерами правительство рассчитывает укрепить доверие к своей экономической политике, чему способствуют также открытость и предсказуемость политических действий.

Пока остается неясной окончательная реакция в индийской экономической среде на проведенную правительством БДП денежную реформу и принятие закона о едином налоге на товары и услуги. Предполагалось, что после вступления в силу закона о едином налоге на товары и услуги (*Good and Services Tax Bill*, 1 июля 2017 г.) ускорится рост ВВП на 2%, будут привлечены дополнительные инвестиции в производственный сектор [9]. Обращает на себя внимание тот факт, что, находясь в оппозиции в 2009 и 2013 гг., БДП выступала против предложенного правившим тогда блоком партий “Объединенный прогрессивный альянс” во главе с ИНК варианта налогового законопроекта. В ходе дискуссий в нижней палате парламента Н. Модии ответил, что у него как главного министра штата Гуджарат имелись сомнения по поводу введения единого налога на товары и услуги. Но в конечном счете именно это и помогло ему, оказавшись в кресле премьер-министра, доработать проект

таким образом, чтобы именно штаты получили от него наибольшую выгоду [10]. В индийской прессе подчеркивается, что после “реформы М. Сингха” введение единого налога на товары и услуги является следующим важным шагом в деле создания прочных экономических связей между штатами и воплощения в жизнь принципов “кооперативно-го федерализма”.

При принятии каждого нового проекта бюджета правительство отчитывается о ходе выполнения тех или иных социальных программ, оценивает их эффективность. Ведь важно не только выделить средства, но и сделать так, чтобы они дошли до каждого адресата. Привязка карточки с персональным идентификационным номером (*Aadhaar card*) к личному банковскому счету открывает новые возможности для доступа граждан к различным финансовым услугам, в частности прямому получению государственных субсидий, пенсий, социальных выплат и т.п., а также позволяет лучше контролировать получение нуждающимися социальной помощи от государства. В ходе апробации этой схемы в процессе реализации программы предоставления семьям, живущим за чертой бедности, бесплатного сжиженного углеводородного газа — *Pradhan Mantri Ujjwala Yojana*, май 2016 г. — были доказаны ее преимущества. За это около 30 млн хозяек сказали премьер-министру “спасибо”, так как раньше им приходилось разжигать очаг подручными средствами, рискуя своим здоровьем и дыша вредными продуктами горения.

Некоторое сокращение темпов экономического роста за последние четыре года, вероятнее всего, подтолкнуло индийские власти в конце лета 2017 г. к усилению предложенных ранее мер по поддержанию подконтрольных правительству банков. В октябре того же года было заявлено о вливании 2.11 трлн рупий в государственный банковский сектор для стимулирования роста экономики и кредитования. Глава Резервного банка Индии Урджит Патель⁵ назвал это решение “монументальным шагом вперед в деле сбережения экономического будущего Индии”, добавив, что “только здоровые банки, кредитующие здоровые фирмы и заемщиков, создают эффективный цикл инвестиций и расширения занятости” [11].

Прямым продолжением политики преобразований в банковском секторе стал план министерства финансов по консолидации государственных банков. С 1 апреля 2017 г. в структуру Государственного банка Индии (*State Bank of India*) официально влились пять его “дочек” вместе с Бхаратия Махила Банк, после чего новая организация может войти в число 50 крупнейших мировых кредиторов, а ее

⁵ Урджит Патель занимал должность главы Резервного банка Индии с сентября 2016 г. по декабрь 2018 г.

доля по активам на внутреннем банковском рынке составила 23% [12]. В сентябре 2018 г. министерство финансов объявило о слиянии еще трех госбанков – Банк Бароды, Виджая Банк и Дена Банк. В результате этой сделки планируется создать более устойчивую и конкурентоспособную банковскую структуру с увеличенной клиентской базой, более высокой операционной эффективностью, расширенным спектром услуг и предложений [13]. Позиция индийского правительства состоит в том, чтобы оставить несколько крупных госбанков, которые будут способны «отвечать кредитным потребностям растущей экономики, абсорбировать “шоки” и самостоятельно привлекать ресурсы без чрезмерной зависимости от государственного казначейства» [14].

Оценивая итоги деятельности Н. Моди на посту премьер-министра, следует подчеркнуть, что, несмотря на проводимые мероприятия в области сельского хозяйства, индийские штаты продолжают сотрясать протестные выступления фермеров. Обещание центрального правительства увеличить доходы сельхозпроизводителей остается невыполненным. Протестующие сигнализируют властям о том, что нужно безотлагательно активизировать процесс комплексного решения проблем в аграрном секторе, создать необходимые условия для увеличения прибыльности хозяйств, помочь малоимущим фермерам, которые не могут исполнять свои долговые обязательства, стимулировать переход землевладельцев на выращивание высокоурожайных и востребованных рынком культур.

В условиях ослабления курса рупии и роста цен на топливо в июле 2018 г. кабинет министров одобрил повышение минимальных поддерживаемых цен на 14 видов культур сезона хариф⁶ [15]. Ряд индийских экспертов полагает, что этот шаг может спровоцировать всплеск инфляции. Чтобы избежать негативных последствий, по мнению специалистов из *NITI Aayog*, “штаты должны вложить средства в развитие аграрной инфраструктуры, создать эффективные цепочки поставок, конкурентные рынки и улучшить логистику. Однако... эта задача слишком амбициозная, чтобы быть выполненной за один год” [16]. Власти учитывают возможные риски, но твердо намерены выполнить свои предвыборные обещания, чтобы обрести поддержку этой части электората.

Убедительная победа БДП на общенациональных выборах 2019 г. показала, что в глазах избирателей она является той политической силой, которая способна провести эффективные реформы и обеспечить стране стабильность. За прошедшие пять лет кабинету во главе с Н. Моди удалось воплотить в жизнь ряд важных программ и законопроектов, направленных на достижение высоких темпов роста экономики. Однако повышение экономической эффективности должно органически сочетаться с результативными социальными мерами. Эта задача остается актуальной для правящей партии в Индии.

⁶ Сезон хариф – муссонный сезон, период сева и сбора бобовых культур; приходится на июнь – середину октября.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Budget 1991–1992 Speech of Shri Manmohan Singh Minister of Finance. 24th July 1991.* Available at: <https://www.indiabudget.gov.in/doc/bspeech/bs199192.pdf> (accessed 03.01.2018).
2. Mishra S.N., Mishra S., Pal Ch. *Decentralised Planning and Panchayati Raj Institutions.* New Delhi, Mittal Publications, 2000. 191 p.
3. *Election Commission of India. “General elections, 2014 (16th Lok Sabha)”.* Available at: http://eci.nic.in/eci_main1/statistical_reportge2014.aspx (accessed 12.03.2018).
4. *NITI Aayog. About the Aspirational Districts Programme.* Available at: <http://niti.gov.in/about-aspirational-districts-programme> (accessed 17.01.2019).
5. *India’s Doing Business Achievements. Report 2018. Government of India. Ministry of Commerce and Industry. Department of Industrial Policy and Promotion.* Available at: <http://dipp.nic.in/doing-business-report-2018-highlights> (accessed 18.07.2018).
6. *An Overview of India’s Economic Performance in 2017–2018. Chapter 1.* Available at: https://www.thehinducentre.com/multimedia/archive/03223/Economic_Survey_20_3223794a.pdf (accessed 18.07.2018).
7. PM ‘Jan Dhan’ Yojana Launched; 1.5 Crore Bank Accounts Opened in a Day. *Economic Times*, 2014. Available at: <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/policy/pm-jan-dhan-yojana-launched-1-5-crore-bank-accounts-opened-in-a-day/articleshow/41093413.cms?from=mdr> (accessed 14.05.2018).
8. *More than 30 Crore Accounts Opened under Pradhan Mantri Jan Dhan Yojana. Press Information Bureau.* 20.12.2017. Available at: <https://pib.gov.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=174575> (accessed 14.05.2018).
9. GST to Boost GDP by 2%, Attract Foreign Investors: Industry Leaders. *Business-standard*, 2016. Available at: https://www.business-standard.com/article/economy-policy/gst-to-boost-gdp-by-2-attract-foreign-investors-industry-leaders-116080401042_1.html (accessed 15.05.2018).
10. Panicker R.S. “I Doubted GST as Chief Minister”: PM Modi Answers Critics. *NDTV*, 2016. Available at: <https://www.ndtv.com/india-news/i-had-concerns-on-gst-as-gujarat-chief-minister-says-pm-modi-1441730> (accessed 14.07.2018).

11. Bank Recapitalisation Plan “Monumental Step Forward”: Ujrit Patel. *NDTV*, 2017. Available at: <https://www.ndtv.com/business/urjit-patel-lauds-bank-recapitalisation-plan-1766905> (accessed 14.05.2018).
12. SBI to See Consolidation Gains in 2–3 Years. *The New Indian Express*, 2018. Available at: <https://www.newindianexpress.com/business/2018/nov/13/sbi-to-see-consolidation-gains-in-2-3-years-1897435.html> (accessed 17.01.2019).
13. The Government Logic behind the Proposed Merger of Three Banks. *Economic Times*, 2018. Available at: <https://economictimes.indiatimes.com/industry/banking/finance/banking/the-government-logic-behind-the-merger-of-three-banks/articleshow/65844701.cms> (accessed 16.01.2019).
14. Cabinet Agrees to Merge PSU Banks after SBI Consolidation, Appoints Panel to Supervise. *Business Today*, 2017. Available at: <https://www.businesstoday.in/sectors/banks/cabinet-agrees-to-merge-psu-banks-after-sbi-consolidation-pnb-bank-of-india-arun-jaitley/story/258907.html> (accessed 16.01.2019).
15. Union Cabinet Approves Proposal to Hike MSP by 50 Per Cent for 14 Crops for Kharif Season. *The New Indian Express*, 2018. Available at: <https://www.newindianexpress.com/nation/2018/jul/04/union-cabinet-approves-proposal-to-hike-msp-by-50-per-cent-for-14-crops-for-kharif-season-1838072.html> (accessed 18.07.2018).
16. Shukla A. NITI Aayog Fears Increase in MSP May Add to Inflation. *The New Indian Express*, 2018. Available at: <https://www.newindianexpress.com/business/2018/apr/12/niti-aayog-fears-increase-in-msp-may-add-to-inflation-1800237.html> (accessed 18.07.2018).

INDIA: FROM “M. SINGH’S REFORM” TO ECONOMIC POLICY OF N. MODI

(World Economy and International Relation, 2020, vol. 64, no. 5, pp. 118-123)

Received 22.12.2019.

Yana O. SADOVNIKOVA (khoobsurat_90@rambler.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

In consequence of the 1991 economic reform, India has become one of the world’s fastest growing economies and evolved into a new center of attraction regionally and globally. Meanwhile, the postreform development model has accumulated a lot of constraints, particularly a high percentage of the people living below poverty line and exacerbation of regional disparities. These unresolved problems hamper geopolitical and geoeconomic aspirations of the country. The architects of reforms have ever emphasized the need to accompany high economic growth by more equitable distribution of income among the general population. This means that economic reforms must be provided with appropriate changes of political institutions reflecting cooperative nature of “centre–state relations”. In 2014, Bharatiya Janata Party was able to perceive an urgent request of the Indian society for changes. The government primary tasks emanated from progressive trends of socio-economic and political development were as follows: firstly, to strength the infrastructure; secondly, to attract the foreign direct investments; thirdly, to attain the financial inclusion of the people; fourthly, to create an enabling business environment; and fifthly, to encourage the manufacturing sector. Despite the ongoing efforts improvement in the agricultural sector, some Indian states continue to be shaken by farmers’ protests. In that way the farmers appeal to the authorities to intensify the implementation of a comprehensive problem solution in the farm sector. It was suggested that this theme will be one of the key issues of the BJP’s strategy plan in apre-election phase. The article points out that under present-day conditions, transformation development model includes the continuation of economic reforms initiated in the early 1990s. The author reveals that the main intention of the transformative development strategy after the 1991 reform was to engage the most vulnerable (in economic and social regard) population groups and sections as well as backward states in economic growth. The article also examines the initiatives of Narendra Modi’s government and their results attained in terms of strengthening the socio-economic integration.

Keywords: India, “M. Singh’s reform”, “centre–state relations”, Narendra Modi, regional disparities, development strategy.

About author:

Yana O. SADOVNIKOVA, Junior Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-118-123

2–6 октября 2019 года на базе Университета Киото Санге (Япония) состоялась 2-й Всемирный конгресс “Восток–Запад: пересечения культур”. В конгрессе приняли участие более 200 ученых из 36 стран мира, в том числе: России, Японии, США, Канады, Грузии, Армении, Бельгии, Вьетнама, Италии, Польши, Словакии, Финляндии, Китая, Казахстана, Узбекистана, Украины, Южной Кореи. Обсуждался широкий круг вопросов, связанных с проблемами международной миграции, в том числе экономической, и демографической политики, межкультурной коммуникации и образования, а также проблемы адаптации и экономической интеграции мигрантов в принимающее сообщество.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ И ДЕМОГРАФИИ

© 2020 г.

Материал поступил в редакцию 10.12.2019.

Редакция публикует материал о работе секции “Социокультурные исследования международной миграции и демографии”, на которой обсуждались современные тенденции и особенности демографических, в том числе миграционных, процессов в различных странах мира. Важнейшая тенденция такова, что экономическое развитие приводит в том числе и к росту продолжительности жизни, и это является причиной демографического старения населения развитых стран. Возникает вопрос: является ли данная тенденция угрозой дальнейшему социально-экономическому развитию? В значительной мере обусловленный ею миграционный прирост населения в экономически развитых странах обостряет проблему интеграции новых граждан, осложняет межкультурное взаимодействие. В этой связи большое значение приобретает позитивный опыт решения отмеченных проблем.

Ключевые слова: демографическая политика, старение населения, интеграция мигрантов, международная трудовая миграция, кросскультурное взаимодействие.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-124-129

Одна из секций Конгресса “Социокультурные исследования международной миграции и демографии” (сопредседатели: **О.Д. Воробьева**, доктор экономических наук, профессор МГИМО МИД РФ, Москва, Россия; и **В.В. Константинов**, доктор психологических наук, профессор Пензенского государственного университета, Россия) была посвящена обсуждению процессов миграции населения в современном мире, исследование которых в возрастающей степени приобретает междисциплинарный характер. Представленные доклады отличались широтой тематики, что типично для исследований по международной миграции.

Чрезвычайно актуальные проблемы демографического старения населения развитых стран, в особенности стран, переживших экономический бум во второй половине XX в., и успешное решение появившихся там демографических вызовов на примере Республики Корея были рассмотрены в докладе **О.Д. Воробьевой** и **В.В. Майкова** (магистрант, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия). В условиях мощного экономического роста и модернизации экономики социально-демографические процессы в этой стране копировали модели демографического поведения западных стран.

Под влиянием изменения образа и качества жизни, трансформации традиционных ценностей общества изменились процессы воспроизводства населения. Вместо естественного прироста наблюдаются сокращение рождаемости и естественная убыль населения, меняются направления и масштабы миграционного движения населения. Главным вызовом стали изменение возрастной структуры населения в направлении его демографического старения (роста доли старших возрастных групп в общей численности населения) и связанные с этим социально-экономические проблемы. В настоящее время в Республике Корея разработаны и реализуются следующие основные меры в сфере социального обеспечения: налоговые льготы для опекунов в целях поощрения ухода и заботы за рассматриваемой возрастной группой; льготная социально-медицинская помощь, выражающаяся в предоставлении бесплатных услуг данной категории лиц в случае, если они не способны самостоятельно их оплатить; обеспечение данной возрастной группы прожиточным минимумом; организация мест совместного времяпрепровождения для пенсионеров в целях продления их активной жизнедеятельности; создание программ занятости, развитие на

рынке труда новой ниши для “активных пенсионеров”. Развитие данной сферы позволяет снизить количество лиц старшей возрастной группы, находящихся на так называемом иждивении у лиц трудоспособного возраста, а также привлечь большое число гражданских некоммерческих структур в сферу социальной поддержки лиц старших возрастов. Это важно, поскольку усилий исключительно правительственных организаций в условиях старения общества недостаточно для поддержания высокого качества жизни пенсионеров и пожилых лиц. Но главное достижение южнокорейского общества в решении проблемы старения населения заключается в создании и развитии такого экономического сегмента, которое получило название “серебряной индустрии”. Данный подход является уникальным, берущим свое начало именно в странах Восточной Азии, переживших экономический бум во второй половине XX в. Среди направлений развития “серебряной индустрии” в Южной Корее выделяются: производство товаров и услуг, способствующих охране здоровья; выпуск современной фармацевтической продукции и лечебного питания (особой популярностью в данной стране пользуются биологически натуральные лекарственные средства); создание специального оборудования для престарелых; развитие сферы производства, выпускающей для них специфическую одежду, обувь, туристические услуги. В целом “серебряную индустрию” нельзя рассматривать как часть системы социального обеспечения, поскольку одной из ее целей является извлечение экономической прибыли производителями товаров и услуг. Производство их осуществляется исходя из индивидуальных экономических возможностей, платежеспособного спроса со стороны лиц пенсионных и предпенсионных возрастов, высокий уровень которого создан за время активной трудовой жизни. *Создание и функционирование “серебряной индустрии” не рассматривает демографическое старение населения как дополнительную угрозу, но, напротив, способно превратить этот процесс в фактор экономического развития.*

Исследование и доклад **Э.М. Думновой** (доктор философских наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Россия) были посвящены анализу проблемы трансформации идентичности мигрантов в глобализирующемся социокультурном пространстве. Формирование новых видов идентичности иммигрантов позиционируется в дихотомическом ключе: транснационализм—ассимиляция. Расширение жизненного пространства в результате миграционных практик приводит к замещению традиционной национальной идентичности новыми видами идентичности, наиболее распространенным из которых становится транснациональная идентич-

ность. Ее уникальность состоит в универсализме, способности субъекта идентифицировать себя с различными культурами и народами одновременно. Транснационализм отражает возможность развития и укрепления мультикультурализма в макро- и метасоциальном масштабах. Альтернативой транснационализму является ассимиляция. Транснационализм в большей степени присущ западным обществам, ассимиляция как тип социокультурной адаптации характерна для стран Востока. Культура и менталитет восточных обществ менее гибкие. Поэтому, стремясь к сохранению своей самобытности и уникальности, эти общества ориентированы на ассимиляцию инокультурных элементов. Выделяется особый тип идентичности — дрейфующая идентичность, формирующаяся у представителей второго поколения иммигрантов.

В контексте данного исследования обосновывается методологическая целесообразность исследования миграции и ее социокультурных последствий в рамках мультидисциплинарного подхода.

Глобализация обусловила новые тенденции и перспективы социального развития, одной из которых стал современный номадизм. Международная миграция имеет целый комплекс факторов-детерминант и представляет собой весьма сложный и многогранный социокультурный феномен, изучаемый сразу несколькими современными социальными и гуманитарными науками.

Выступление **В.В. Константинова** было посвящено проблеме социально-психологической адаптации детей младшего школьного возраста из семей мигрантов и беженцев в новой социокультурной среде. Вооруженные конфликты на территории Украины обусловили миграционные потоки на территорию Российской Федерации в 2014—2018 гг. В результате войны происходит рассеивание Донбасской агломерации — одного из наиболее консервативных как в технологическом, так и в социальном отношении районов Украины. За последние 6 лет около 1.5 млн жителей Донбасса бежало во внутренние районы Украины, а около 1 млн — в Россию. Столь разнонаправленные потоки беженцев открывают перед исследователями необходимость сравнительного анализа процессов их адаптации в России и на Украине. Хорошо известны, например, наблюдения за процессом адаптации студентов Львовского университета, переведшихся из донбасских вузов. Если в первые годы они отличались демонстративным поведением, в частности использованием русского языка, то к концу обучения оказались ничем не отличимы от студентов из Галиции и других районов Западной Украины. Российские общеобразовательные школы столкнулись с необходимостью приспособления детей из семей мигрантов и беженцев к ре-

алиям учебного процесса и обеспечения условий для преодоления трудностей школьной адаптации в короткие сроки. Мы вправе были бы ожидать определенных проблем с адаптацией детей вынужденных мигрантов из Донбасса, вызванных попаданием в иную образовательную среду. Подобные проблемы, впрочем, чисто эмоционального, а не сущностного характера наблюдаются у взрослых мигрантов. Но среди детей таких проблем не наблюдалось. Их адаптация и интеграция в российское общество проходят относительно легко и безболезненно.

Исследованию факторов миграции населения, связанных с климатическими изменениями, был посвящен доклад **Е.М. Моисеевой** (младший научный сотрудник, ИСПИ РАН, Москва, Россия) и **А.С. Лукьянца** (кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, ИСПИ РАН, Москва, Россия). Изменения климатических условий окружающей среды являются относительно новым и малоисследованным фактором формирования миграционных процессов в современном мире. В социальной сфере массовые экологические миграции значительно повышают риск структурных дисфункций общества. Они ведут к скоплению населения в областях с более благоприятными природно-климатическими условиями, а также способны значительно ускорить процессы урбанизации, обострив присущие им проблемы. Проведенное исследование подтвердило, что климатические миграции сопряжены с серьезными рисками не только для социально-экономической, но и для социокультурной сферы жизни общества. При этом акт миграции является реакцией на экологические риски и одновременно продуцирует новые риски. Поэтому целесообразно рассмотрение климатической и экологической миграции в качестве отдельного феномена.

Специфика экологических рисков заключается в том, что объективно они в равной степени серьезны для представителей всех социальных классов и культур, проживающих на определенной территории. Реакция на них может заметно изменить отношение общества к вопросам окружающей среды, места человека в природе, цены технического прогресса, дальнейшего вектора развития и даже к формам политического управления. Таким образом, на примере климатической миграции мы можем наблюдать тесную взаимосвязь эмпирически наблюдаемых и измеряемых “объективных” рисков и опосредствующее их действие субъективного восприятия, которое, в свою очередь, предопределяет поведение человека во внешнем мире.

Выступление **С.В. Рязанцева** (чл.-корр. РАН, доктор экономических наук, профессор, директор ИСПИ РАН, Москва, Россия) и **Г.Н. Очировой**

(младший научный сотрудник, ИСПИ РАН, Москва, Россия) было посвящено острой проблеме трудовой миграции в Россию. В нем нашли отражение ключевые вопросы трудовой миграции в Россию, такие как география происхождения миграционных потоков, их социально-демографическая структура и особенности занятости трудовых мигрантов. Отмечалось, что они происходят из стран бывшего СССР, некоторые хорошо говорят по-русски, ориентированы на жизнь в России, разделяют социокультурные ценности местного населения.

Мигранты – это не только дешевая рабочая сила, что в первую очередь принимается во внимание работодателями. Преодоление мигрантами в период временного пребывания на территории принимающей страны стадии адаптации упрощает дальнейший процесс их интеграции в российское общество и превращение из временных в долгосрочных мигрантов. К их числу относятся главным образом близкие россиянам в социокультурном отношении группы мигрантов из бывших союзных республик СССР, расположенных западнее России, а также группы, имеющие общие с россиянами экономические интересы и стремление жить в России.

Одна из ключевых проблем, требующих скорейшего решения, – нарастающие языковая и культурная дистанции, которые должны преодолеваются с помощью гуманизации миграционных практик, сближения их с потребностями мигрантов и принимающего сообщества. Мигранты нуждаются в прохождении интеграционных программ, изучении русского языка, повышении общего культурного уровня. России необходима государственная политика интеграции мигрантов для получения категории “новых граждан” в интересах демографического развития страны. Она должна включать и процедуры оформления первоначального правового статуса на территории России, поддержку в поиске рабочих мест, интеграционные программы по изучению ее истории, культуры и законодательства (в отличие от существующего контроля знаний – экзаменов – по этим направлениям). Неадекватная миграционная политика России становится камнем преткновения для социально-экономического и демографического развития российского общества. Изменение центра тяжести в управлении миграцией с контрольных и административных мер на социально-экономические решения, основанные на гуманитарном компоненте, поможет России ускорить развитие. Однако на пути решения этой задачи существует еще одна сложная проблема. К сожалению, в настоящее время высококвалифицированными специалистами Россия не рассматривается как приоритетная страна для массового въезда. Напротив,

в процессе эмиграции отмечаются большие потери качественного человеческого капитала.

В сообщении **С. Пайчадзе** (доцент, *PhD*, Университет Хоккайдо, г. Саппоро, Япония) были представлены основные результаты редкого по тематике и методам исследования феномена русскоязычной миграции в Японию 1950–1970-х годов. Репатриация японского населения в конце 1950-х – начале 1970-х годов как для Японии, так и для СССР была перемещением исключительно японского населения. Это была группа людей со сложной самоидентификацией, которые являлись носителями нескольких языков. Из трех стадий миграционного процесса (согласно теории Т.И. Заславской и Л.Л. Рыбаковского) наиболее длительной и сложной является третья, стадия адаптации и интеграции мигрантов. Опыт всех принимающих стран показывает отсутствие в настоящее время универсальных рецептов эффективной интеграции. Слишком различны как условия в принимающих странах, так и дифференциация категорий долгосрочных мигрантов. В исследовании рассматривается уникальный опыт репатриации и сложной интеграции японского населения, который может быть использован другими странами при проведении внешней и внутренней миграционной и социально-экономической политики. В настоящее время данная ситуация имеет много общих черт с проблемами репатриации соотечественников в Россию.

Первое поколение репатриантов стояло перед выбором ассимиляции в японском обществе или интеграции в корейскую диаспору. Для второго поколения проблема была еще сложнее, поскольку, имея японско-корейские этнические корни, многие из них были носителями русского языка и менталитета. Однако политическая ситуация того времени не давала им возможности ни вернуться в СССР, ни продолжать пользоваться русским языком в Японии. Некоторым из них удалось воспользоваться русским языком и уехать в Россию уже будучи взрослыми, другие потеряли свой русский язык. Была группа мигрантов – японских репатриантов с Сахалина, которые переехали в Японию в конце 1950-х – начале 1970-х годов, но эта группа была забыта и оставлена без внимания в истории русскоязычной миграции. Опираясь на результаты интервью со вторым поколением сахалинских репатриантов в 1960-х годах, автором был осуществлен анализ самоидентификации данной категории жителей Японии, а также описаны процессы интеграции в японское общество. В то же время, хотя подобные исследования имеют уникальный характер, их материалы позволяют раскрыть важные тенденции, характерные для процессов интеграции граждан одной этнической группы в новом для себя, достаточно закрытом обществе.

Это преодоление языкового барьера и культурной дистанции, несмотря на принадлежность к одной этнической группе, при сохранении сложившихся традиций и обычаев и ряд других. Известно, что на протяжении последнего десятилетия в Дальневосточных регионах России осуществляется проект по привлечению русскоговорящих представителей старообрядческих общин из стран Латинской Америки. Пока видимых позитивных результатов достигнуть не удается. В этом контексте исследование процессов интеграции в японское общество имеет несомненный практический интерес.

Рассматривая проблему миграции высококвалифицированных кадров, **Т.В. Куприна** (кандидат педагогических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург) и **С.М. Минасян** (кандидат педагогических наук, доцент, Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна, Ереван, Армения) сделали вывод о том, что академическую и профессиональную миграцию можно рассматривать как человеческий потенциал в системе развития общества. Высококвалифицированная миграция обеспечивает принимающему обществу колоссальный выигрыш, основанный на сложном взаимодействии приехавших с местным населением и остальным миром. Такая миграция способствует распространению и обмену передовыми идеями в самых разных областях жизни общества: от экономики до культуры. Она делает принимающее общество более богатым и динамичным. Высококвалифицированные мигранты способствуют повышению производительности труда коренного населения. Они приносят с собой знание зарубежных рынков и обширные связи на своей родине.

В нашем мире высококвалифицированные мигранты – самые подвижные. Только 20% из них перебирается в соседние страны (в отличие от беженцев, среди которых так поступают 80%, и низкоквалифицированных мигрантов – 50%). Половина из них уезжает на расстояние свыше 4000 км. Две трети высококвалифицированных мигрантов направляются всего в четыре страны: США, Великобританию, Канаду и Австралию. В этих странах мигранты предпочитают селиться в крупных городах. Доля родившихся за границей среди жителей Торонто составляет 46%, Сиднея – 45, Нью-Йорка – 38, Лондона – 38%.

45% из списка *Fortune 500* крупнейших американских компаний основаны иммигрантами и их детьми. После 2000 г. две пятых американских нобелевских лауреатов по научным дисциплинам – иммигранты. В целом по планете мигранты получают патенты в три раза чаще, чем коренные жители.

В современном мире необходима тщательная организация приема, поддержки и адаптации миграционных потоков. Высококвалифицированные профессионалы более толерантны и готовы к адаптации в новых кросскультурных условиях. Например, как отмечают участники европейской программы *Erasmus+*, она позволила им повысить уровень своих адаптивных возможностей, открытости и толерантности. Есть данные, свидетельствующие о том, что мобильность европейских учащихся расширяет их возможности для трудоустройства. Однако в настоящее время не хватает не только программ адаптации, но и персонала для их реализации, способного к сложной работе в условиях кросскультурной среды. В отмеченной ситуации важную роль играет система образования, которая должна предложить соответствующую подготовку кадров. Повышение квалификации преподавательского состава может обеспечить формирование основных компетенций и навыков для работы в разнообразных, многоязычных и кросскультурных контекстах. Для содействия мобильности академической и профессиональной миграции университеты стремятся устанавливать партнерские отношения и заключать соглашения, касающиеся двоянных и совместных программ с присвоением степени, зачета результатов обучения, создания стратегических партнерств.

Л. Чупкова (*PhD*, доцент, Университет Прешов, Словакия) представила результаты исследования восприятия пожилых людей людьми трудоспособного возраста в Словакии и России. По данным Программы развития ООН, в 2018 г. средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении составила в России 72.4 года (предпоследнее место в Европе, перед Украиной), а в Словакии – 77.4. У мужчин – 66.9 и 73.8, у женщин – 77.6 и 80.8. В исследовании приняло участие 296 испытуемых из Словакии и 201 испытуемый из России, использовался опросник по мифам и стереотипам старения (*AMSQ*). На самовосприятие пожилых россиян гораздо больше влияют мифы и стереотипы о старении, чем в случае словацких пожилых людей. Существенные различия были также выявлены и в Словакии. Так, лица трудоспособного возраста склонны верить в мифы и стереотипы о старении значительно больше, чем пожилые люди в этой стране. Результаты исследования показали, что у респондентов миф о плохом состоянии здоровья и плохой приспособляемости в наибольшей степени проникает в восприятие и самовосприятие процесса старения.

Анализ психологических проблем, связанных с интеллектуальной миграцией из Украины, представлен в докладе **И.Ю. Гришовой** (*PhD*, профессор, Университет Цзянсу, Китай) и **Т.Л. Шестаковой** (кандидат экономических наук, доцент, Чернигов-

ский национальный технологический университет, Украина). По их мнению, особую угрозу социально-экономическому развитию Украины и устойчивому развитию общества составляет именно интеллектуальная миграция. Данные социологического опроса, проводившегося в 2018 г., свидетельствуют о неудовлетворительных условиях для сохранения и развития интеллектуального капитала на Украине. Сложное экономическое состояние высшего образования, низкая заработная плата, неблагоприятные условия труда, трудности профессиональной самореализации являются факторами усиления миграционных намерений ученых. Авторы показали также, что несовершенство организационных форм затрудняет как поддержание образования на уровне, отвечающем требованиям современности, так и решение в полном объеме проблемы воспроизводства научных кадров.

В докладе **Т. Бугеловой** (*PhD*, доцент, Университет Прешов, Словакия) представлен анализ результатов эмпирического исследования феномена эйджизма, проведенного в Словакии и России ($n = 522$). Было установлено наличие дискриминации людей на основании их возрастных особенностей как в Словакии, так и в России. В качестве одной из важных причин эйджизма можно назвать процессы дегуманизации (сокращение социальных гарантий, социальной защищенности работающих). В массовом сознании наблюдается смещение акцентов с ценности результативности и продуктивности работы на возможность быть свободным и не заниматься тяжелым трудом. Люди много и интенсивно работающие (например, пожилые люди) молодежной культурой воспринимаются как недалекие, устаревшие, не умеющие зарабатывать, прожившие свою жизнь зря, то есть относятся к дискриминируемому слою. Современные молодые люди социализируются в условиях доминирования стереотипных, негативных представлений о людях старшего возраста, на бессознательном уровне формируя негативный образ собственного будущего. Результаты исследования свидетельствуют об отсутствии в обеих странах реальной защиты от дискриминации людей на основании их возраста. Такая ситуация представляется типичной для современных урбанистических обществ.

В сообщении **М.Н. Храмовой** (кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии ФНЦИСП ИСПИ РАН, Москва, Россия) и **Кюок Ху Ву** (кандидат экономических наук, главный исследователь, Институт экономики Вьетнамской академии общественных наук, Ханой, Вьетнам) были представлены результаты анализа особенностей вьетнамской миграции в регионы Дальнего Востока России: приоритетные территории расселения, социально-демографические характеристи-

ки вьетнамских мигрантов, возможности и трудности интеграции в принимающее общество. Вьетнам сегодня – страна с молодым населением, обладающая значительным демографическим потенциалом. Наличие существенных диспропорций социально-экономического развития провинций приводит к активизации как внутренней, так и международной миграции населения. Для вьетнамских мигрантов, численность которых по всему миру превышает 3.5 млн человек, Россия и, в частности, регионы Дальнего Востока всегда были весьма привлекательными. Однако кризисные явления в российской экономике, ужесточение миграционного законодательства России в отношении мигрантов из стран дальнего зарубежья привели к переориентации миграционных потоков из Вьетнама в другие страны. Потенциал вьетнамской миграции для России остается недооцененным. Вьетнамский бизнес готов к вложениям в российскую экономику, велик интерес вьетнамских студентов к образовательным программам российских вузов. В этом контексте для России важно снижение ряда бюрократических барьеров для активизации российско-вьетнамских отношений. Региональное социально-экономическое неравенство в России, безусловно, стимулирует внутренние миграционные потоки в наиболее социально-экономически развитые субъекты Федерации, и в этих же направлениях – международную миграцию. И в этом отношении для России привлечение мигрантов на Дальний Восток становится проблемой. Для ее

решения, в частности в отношении мигрантов из Вьетнама, необходимо упрощение визового режима между нашими странами и обеспечение “прозрачных” и понятных условий по вхождению вьетнамского бизнеса, как крупного, так и среднего, в Россию.

Необходимо подчеркнуть безусловную практическую значимость и ценность всех представленных докладов и сообщений. На наш взгляд все они, несмотря на определяющую значимость экономических и политических составляющих миграции населения, доказывают важность ее культурной, языковой и гуманитарной составляющих в процессе интеграции мигрантов в принимающих сообществах. И эти факторы, безусловно, должны быть учтены при разработке и реализации государственной миграционной политики принимающих стран для снижения рисков и угроз, которые несут в себе глобальные переселенческие процессы, в целях снижения конфликтности этих процессов и повышения национальной безопасности принимающих стран.

Разностороннее рассмотрение миграционного поведения населения также существенно дополняет, на наш взгляд, характеристики процессов, протекающих в мировой экономике и политике.

Материал к печати подготовили

О. ВОРОБЬЕВА (89166130069@mail.ru),

В. КОНСТАНТИНОВ (konstantinov_vse@mail.ru)

SOCIO-CULTURAL RESEARCHES OF INTERNATIONAL MIGRATION AND DEMOGRAPHY

(World Economy and International Relations, 2020, vol. 64, no. 5, pp. 124-129)

Received 10.12.2019.

On October 2–6, 2019, Kyoto Sangyo University (Japan) hosted the 2nd World Congress “East-West: Intersection of Cultures”. The congress was attended by more than 200 scientists from 36 countries, including: Russia, Japan, USA, Canada, Georgia, Armenia, Belgium, Vietnam, Italy, Poland, Slovakia, Finland, China, Kazakhstan, Uzbekistan, Ukraine, South Korea. They discussed issues related to international migration and demography, education and cross-cultural communication and the problems of adaptation of migrants. The editors publish material on section “Socio-cultural studies of international migration and demography, which discussed new trends and characteristics of demographic processes, including migration processes in countries around the world. Economic growth leads up to an increase in life expectancy, which is the reason for the demographic aging of the population of developed countries. Does this trend threaten further socio-economic development? Migration growth in developed countries aggravates the integration of new citizens, including cross-cultural interaction. What is the positive experience of these problems?”

Keywords: demographic policy, population ageing, integration of migrants, international labor migration, cross-cultural interaction.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-124-129

ВОКРУГ КНИГ

**“ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ”
И ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ
В ВЕК ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

© 2020 г. Т. Ровинская

ЧЕРКАСОВА В.П. Медиа-манипулирование общественным политическим сознанием. Телевидение и Интернет. Москва, “Весь мир”, 2019. 150 с.

*РОВИНСКАЯ Татьяна Леонидовна, кандидат политических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (mirtania@gmail.com).*

Рецензия поступила в редакцию 01.11.2019.

Ключевые слова: массовая коммуникация, постмодернизм, четвертая власть, СМИ, медиа, телевидение, Интернет, манипулирование, общественное политическое сознание, “гиперреальность”, политический спектакль.

Представленная книга является первой монографией, изданной молодым специалистом, бакалавром политологии и магистром международной журналистики МГИМО МИД РФ Варварой Петровной Черкасовой. В этом труде собраны многолетние исследования, проведенные автором в области массовой информации и коммуникации в части методов воздействия современных СМИ (преимущественно телевидения и Интернета) на общественно-политическое сознание и потенциала их влияния на политические процессы. Книга представляет собой одно из первых и немногих комплексных исследований в России на тему медиа-манипулирования. Выигрышной особенностью данной работы можно считать фундаментальный, многоплановый подход автора к поставленным вопросам: от политической философии – к анализу практических примеров и существующих тенденций в рассматриваемой сфере.

Первая глава книги посвящена эпохе постмодернизма, которая характеризуется с политико-философской точки зрения, а затем в контексте места и роли феномена массовой коммуникации в обществе и государстве.

Так, в первую очередь предлагается условное (обобщенное) определение постмодернизма как “особого мировоззрения, восторжествовавшего в развитом мире ближе к концу XX в., к своеобразным характеристикам которого можно отнести недоверие к существующим институтам власти и экспертным оценкам, веру в новые методы познания реальности, а также политический и культурный плюрализм” (с. 11). Сравнивая модернизм и постмодернизм, автор указывает на отсутствие одной общей концепции постмодернизма, однако подчеркивает особую роль информации и ком-

муникации как отличительных черт новой эпохи, что делает необходимым глубокий анализ проблем и опасностей, связанных с усилением роли СМИ в современном мире, таких как: последствия возрастания роли СМИ; современный мир как “гиперреальность” и “спектакль”; проблема развития новых способов подачи информации; проблема “деполитизации” политики; проблема не критичного характера восприятия информации; новые возможности контроля; борьба за обладание СМИ и достижение господства при помощи СМИ.

В работе подробно анализируются точки зрения различных исследователей (российских и зарубежных) на поставленные вопросы (с. 12-27), что позволяет автору сделать несколько выводов: мы живем в эпоху, когда роль информации чрезвычайно возросла, а СМИ стали реальной “четвертой властью”; именно теоретики постмодернизма наиболее пристально изучили тенденции в развитии современных СМИ и связанные с этим проблемы; критический анализ роли и характера современных СМИ в контексте постмодернизма, несмотря на несостоятельность некоторых доводов представителей этой школы, важен для изучения особенностей манипулирования политическим сознанием граждан (с. 28).

Далее рассматриваются понятия коммуникации в целом и массовой коммуникации в частности (как одного из ее видов). В этом контексте автор апеллирует к социологическому, психологическому и манипулятивному подходам, последний из которых представляет особенный интерес, так как информация, рассчитанная на массовую аудиторию, становится одним из главных источников формирования политических установок (с. 28-34). В.П. Черкасова останавливается также на опре-

делениях сознания и массового сознания как объектов манипуляции, поведения и массового поведения — как следствия информационных манипуляций (с. 34–37). В более практическом контексте, в рамках (нео)институционального подхода, рассматриваются институты и практики, через которые медиаманипулирование стало возможным. Важнейшим из них признается институт СМИ, который определяется как социальный институт, то есть возникший для удовлетворения потребностей общества. Автор выделяет наиболее значимые особенности СМИ как социального института: наличие или отсутствие консенсуса между государством, бизнесом и обществом относительно модели его функционирования; СМИ как трибуна для высказывания различающихся мнений; наличие жесткой системы правил, норм и общественных ожиданий, которым нужно соответствовать. Из этого анализа проистекает заключение, что СМИ как один из важнейших социальных институтов, как “четвертая власть” обладают большими возможностями воздействия на политическое сознание, которое зачастую остается незамеченным (с. 37–45).

В заключительной части первой главы рассматриваются непосредственно феномен медиаманипулирования массовым политическим сознанием, его отличительные характеристики и структура. Автор останавливается на определении “масс”, “массового общества”, психологии толпы, “человека толпы”, где противопоставляются личность и масса. Речь идет о выходе на авансцену в XX в. массы, легко поддающейся внушению (то есть манипуляции сознанием). С этим связано возникновение информационной пропаганды как метода воздействия на человеческие инстинкты. Манипуляция определяется как вид скрытого психологического воздействия в интересах манипулятора, которое направлено на изменение активности другого человека и выполнено настолько искусно, что остается незамеченным им (с. 45–49). Автор останавливается на отличительных характеристиках манипулирования, его инструментах и этапах, в результате чего приходит к выводу, что каналами массовой манипуляции в современном мире могут служить только СМИ. Причем появление медиаманипулирования имело колоссальные последствия в первую очередь для политической публичной сферы: во-первых, публичная сфера демократических государств стала более открытой, интерактивной, возросло количество источников информации, и, таким образом, власть теперь вынуждена считаться с мнением толпы; во-вторых, на смену политическим дебатам, дискуссиям и анализу пришла борьба образов и ярких высказываний, а мнения избирателей о политических событиях стали формироваться преимущественно на основе СМИ и работы пиар-менеджеров (с. 49–55).

Определив суть и значение медиаманипулирования, автор переходит к более детальному изучению обозначенных тенденций на примере основных каналов современной массовой коммуникации — телевидения и Интернета, выявлению и характеристике конкретных технологий медиаманипулирования политическим сознанием граждан.

Во второй главе книги рассматриваются непосредственные возможности телевидения и Интернета в плане формирования общественного мнения и политического поведения, проводится их сравнительный анализ. С возникновением каждого из этих информационных каналов (телевидения — в 1930-х, Интернета — в 1970-х годах) произошли революционные изменения в области массовой информации и коммуникации, полагает автор.

Телевидение, ставшее массовым с середины 1950-х годов, было “смесью кинотеатра, музея, новостей, ежедневного цветного журнала, политического форума и дискуссионной площадки, местом пропаганды и контрпропаганды, художественной галереей, мильной оперой и многим другим” (с. 57). Вскоре оно стало основным медийным полем политической борьбы, изменившим сам характер этой борьбы: политика постепенно превратилась из столкновения идей в конкуренцию образов, имиджей политиков, создаваемых по коммерческим законам — законам рекламного бизнеса. По той же причине в странах с либерально-демократическим режимом борьба между различными телеканалами за максимальный охват аудитории привела к уменьшению доли культурного контента в эфире. В государствах с авторитарным режимом телевидение изначально рассматривалось властью как наиболее эффективный инструмент политической пропаганды.

Говоря о последствиях распространения телевидения в мире, автор выделяет несколько ключевых моментов. Это беспрецедентный по сравнению с другими видами СМИ охват аудитории в силу преимущественной бесплатности этого канала информации; уникальное сочетание видео- и звукоряда, обуславливающее одновременное воздействие на зрение и слух телезрителя, что способствует созданию “эффекта присутствия”, благодаря которому информация воспринимается как истина; телевидение целиком захватывает внимание зрителя; отсутствие целостности, фрагментарная подача информации, формирующая у современного человека “разорванное”, “мозаичное” сознание и поверхностность восприятия; наибольшее из всех видов СМИ влияние на публичную сферу, изменение политической среды (характера политических дебатов); создание “новой реальности” вместо отображения существующей; превращение телевидения в коллективный продукт, что

снижает индивидуальную ответственность журналиста; техническая ограниченность в силу привязки к диапазону частот (с.с. 60-67). В подтверждение справедливости этих тезисов автор приводит разнообразные статистические данные (с.с. 60-70), касающиеся развития и функционирования телевидения в России и странах Запада (в первую очередь США). Именно телевидение, по мнению ряда исследователей, в свое время ускорило крах СССР. Оно же сделало теледебаты важнейшей частью предвыборной гонки в США. В целом телевидение привело к возникновению принципиально нового пространства и новых принципов потребления информации. Оно остается важнейшим инструментом по информированию и формированию политического сознания граждан.

Далее автор подробно рассматривает наиболее часто используемые и наиболее действенные приемы информационного манипулирования. Условно они делятся на относящиеся к “раскрутке” новости (привлечению внимания к ней), “перекрутке” (приданию ей необходимого смысла) и “удушению” (изъятию новости из повестки дня). В первую очередь говорится об общих механизмах формирования повестки дня как таковой: фрагментарности, сенсационности в подаче новостей, иерархии сюжетов в новостной ленте (приоритетность новостей), персонализации новостей, создании образов (положительных и отрицательных), создании необходимого контекста, детализации информации (в частности, с помощью чисел), апелляции к народу и др. Далее в книге приводятся методы “раскрутки” новости путем воздействия как на разум (убеждение), так и на чувства (внушение) аудитории. На этапе “перекрутки” на передний план выходят лингвистические приемы (метафоры, эвфемизмы, образные выражения, абстракции, а также динамика речи, ритуализация, особенности съемки и др.). И, наконец, описываются приемы “удушения” новости (“будничность”, переключение внимания, “разжижение”, создание информационных помех, “обрамление”, “утяжеление” и др.) (с.с. 69-81).

Автор приходит к выводу, что одним из наиболее действенных способов защиты от телевизионных манипуляций является знание (в том числе знание истории) (с.с. 81-82).

Что касается Интернета как более современного и технически более совершенного канала информации и коммуникации, его возможности потенциально значительно превосходят возможности телевидения. Предваряя их сравнительный анализ, В.П. Черкасова рассматривает историю развития Интернета и его современное состояние с точки зрения распространенности в мире, технической доступности, свободы доступа (в зависимости

от страны). Приводятся факты и статистические данные, подтверждающие существование “цифрового разрыва” между более и менее развитыми странами мира (с.с. 83-89). Автор подробно останавливается на феномене “медийной конвергенции” (объединении различных видов СМИ). Технические характеристики в данном случае важны в свете тех революционных изменений в обществе, которые они приносят. Это возникновение нового типа равенства (информационного равенства участников); переход от традиционной системы общественных и политических институтов к децентрализованному глобальному пространству; уменьшение значения традиционных источников политической власти, размывание государственных границ и суверенитета и т. п. (с.с. 89-90).

В качестве принципиальных различий между телевидением и Интернетом указываются следующие. В отличие от телевидения, Интернет не предполагает односторонней коммуникации, потребитель информации относится к контенту избирательно, объем получаемой информации значительно больше. Интернет интерактивен, пользователь активно участвует в коммуникационном процессе, одновременно получает и создает информацию, имеет возможность распространить информацию на неограниченную аудиторию. По сравнению с телевидением, в Интернете отсутствует центральный источник производства стандартизированной информации, владелец, а также единый субъект управления – сеть – являются не субъектом права, а, скорее, средой раскрытия информации. В данном контексте автор дает характеристику интернет-эпохи, приводит особенности различных поколений потребителей информации (с 1960-х годов до наших дней) (с.с. 90-94).

Отдельное внимание в книге уделено феномену социальных сетей, их роли в общественной и политической жизни информационного общества. На примере США, арабских государств и внесоветских объединений (таких как ИГ¹) подчеркивается ведущая роль социальных сетей не только как дискуссионной платформы, но и как организационной структуры для серьезных политических событий (таких как выборы, государственные перевороты и революции, вербовка членов террористических организаций и организация терактов и др.) (с.с. 94-101).

Важный вопрос, поднятый в данной работе, – регулирование Интернета, в том числе государственное. Автор указывает на две противоположные точки зрения на эту проблему: невозможность государственного контроля и, наоборот, беспрецедентные технические возможности контроля за каждым индивидом (с. 101). Приводятся примеры

¹ Запрещенная в РФ террористическая организация.

контроля интернет-среды со стороны государства в различных странах и регионах мира, подробно характеризуются две незападные модели такого контроля – китайская и российская (с. 101-113). Автор приходит к выводу, что государства способны в рамках своих границ изменить само понятие и основу Интернета как децентрализованного источника информации (с. 113).

Подводя итоги главы, В.П. Черкасова утверждает, что телевидение и Интернет – это в некоторой степени антагонисты. И в то же время доступность Интернета в мире пока ограничена. Несмотря на колоссальные темпы его развития, на сегодняшний день Интернет распространен в мире значительно меньше, чем телевидение (однако значительно более популярен у молодого поколения). Таким образом, о нем можно говорить как о стремительно растущей силе, в том числе в плане контроля за настроениями и поведением граждан со стороны властей, с одной стороны, и новых возможностей сопротивления таким манипуляциям, с другой. Телевидение в обозримой перспективе по-прежнему останется важнейшим каналом формирования политического сознания граждан, хотя эта роль уже постепенно снижается (с. 113).

Заключительная третья глава книги посвящена проблеме защиты от информационного манипулирования. В первую очередь автор останавливается на индивидуальных средствах защиты, утверждая, что существуют определенные факторы и методы как личностного, так и институционального характера, позволяющие если не защититься от медиаманипулирования, то хотя бы смягчить его воздействие. Использование манипулятивных приемов имеет значительно меньший эффект в информированной аудитории с устойчивой системой взглядов, а также обладающей некоторыми знаниями в области различных техник манипулятивного воздействия. Согласно постмодернистской логике, свобода потребителя заключается в том, чтобы он мог сам решать, когда перестать потреблять неудобную ему информацию. Такое решение он принимает в соответствии с уровнем своего образования, количеством и качеством каналов информации, способностью к критическому восприятию информации и ее отбору, устойчивостью к эмоциональному воздействию и другим манипулятивным приемам и т. п. Одними из самых эффективных видов оружия сопротивления информационным манипуляциям являются смех и ирония, в том числе политическая. Так, присутствие на телевидении сатирических передач политического характера – своего рода маркер эффективности общественного сопротивления манипулированию со стороны массмедиа (с. 114-117).

Отдельно в работе говорится об общественном телевидении как форме общественного контроля

над деятельностью государственных органов власти и должностных лиц (с. 117-120). Автор проводит сравнительный анализ британского и российского опыта в этой сфере и приходит к выводу, что в этих двух странах судьба общественного вещания существенно различается. Так, британская система телерадиовещания в большой степени независима как от власти, так и от влияния рынка: первая в мире общественная вещательная корпорация *BBC* регулируется строгими правовыми нормами, которые неукоснительно соблюдаются; *BBC* материально независима от государства и от рынка (финансируется в основном за счет абонентской платы); ключевым принципом информационной деятельности этой компании является беспристрастность – обязательное представление не менее двух сторон любого вопроса; британская общественность бдительно следит за объективностью освещения политических событий; в условиях двухпартийной системы в стране каждая из партий внимательно следит за соблюдением баланса и освещением собственной позиции. При этом *BBC* является одним из наиболее популярных информационных каналов в Великобритании и мире (с. 120-128). В России, напротив, попытки создания механизма общественного телевидения предпринимались лишь “сверху” и оканчивались неудачно. Основной причиной этого является проблема финансирования: невысокий уровень жизни граждан делает проблематичным введение абонентской платы как основного источника финансирования. Не менее важной причиной служит нежелание государственного аппарата выпустить из своих рук такой серьезный инструмент влияния, как телевидение. Созданное в 2012 г. президентским Указом “Об общественном телевидении Российской Федерации” (подписан Д. Медведевым) ОРТ финансируется по смешанному типу (с участием государства) и, соответственно, не является независимым в содержательном смысле. Кроме того, популярность ОРТ не столь высока даже в России (с. 129-133). Таким образом, если британский институт общественного телерадиовещания, сложившийся около века назад, является своего рода ролевой моделью с богатым багажом накопленного и проверенного временем опыта, то в России преждевременно говорить о фактическом становлении модели общественного вещания, что объясняется главным образом низкой степенью запроса на его развитие со стороны как государства, так и общества. Это означает невозможность переноса модели из одной страны в другую, поскольку основное условие становления системы общественного вещания – это политическая зрелость общества (с. 133-134).

Подводя итоги исследования, автор резюмирует, что в демократическом государстве СМИ как реальная “четвертая власть” призваны реа-

лизовывать волю и власть народа и таким образом выполнять функции социального контролера деятельности государственных институтов, а не быть оружием в достижении тех или иных целей. Между тем в реальной жизни эта идеальная схема не всегда работает, и СМИ часто становятся инструментом в руках государственной власти (либо рынка): сегодня они во многом служат средством формирования, а не отражения реальности. Главным образом телевидение и Интернет способны влиять на ход политических событий, формируя отношение к происходящему при помощи ряда специальных приемов подачи информации, которые существенно воздействуют на сознание и под-сознание масс. Вместе с тем существуют способы сопротивления манипуляциям СМИ, одним из ко-

торых служит система общественного телерадио-вещания (с. 135-140).

Представленные в рецензируемой книге исследования и фактические данные позволяют составить целостное представление о такой актуальной проблеме, как манипулирование общественно-политическим сознанием со стороны массмедиа. Автору удалось детально проработать эту тему, выделить ее наиболее значимые аспекты. Вместе с тем исторические экскурсы и сравнительные исследования по странам способствуют расширению общего кругозора читателя. Работа может служить ценным материалом для студентов, преподавателей, научных работников и экспертов, специализирующихся на данной тематике, а также будет интересна широкой аудитории.

“FORTH ESTATE” AND PUBLIC POLITICAL CONSCIENCE IN THE AGE OF HIGH TECHNOLOGIES

[Review of the book: Cherkasova V.P. Media-manipulation of the public political conscience.

Television and Internet. Moscow, “Ves’ mir”, 2019. 150 p. (In Russ.)]

(World Economy and International Relations, 2020, vol. 64, no. 5, pp. 130-134)

Received 01.11.2019.

Tatiana L. ROVINSKAYA (mirtania@gmail.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Keywords: mass communication, Postmodernism, Forth Estate, media, television, Internet, manipulation, public political conscience, “hyperreality”, political performance.

About author:

Tatiana L. ROVINSKAYA, Cand. of Political Sci., Senior Researcher.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ВАЛютНО-ФИНАНСОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

© 2020 г. Л. Худякова

БУТОРИНА О.В. Экономическая история евро. (ИЕ РАН)
Москва, “Весь Мир”, 2020. 576 с.

*ХУДЯКОВА Людмила Семеновна, кандидат экономических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (l.khudyakova@imeto.ru).*

Рецензия поступила в редакцию 19.02.2020.

Ключевые слова: евро, европейский валютный и экономический союз, европейский центральный банк.

В 2020 году вышла в свет монография доктора экономических наук, профессора, члена-корреспондента РАН О.В. Буториной “Экономическая история евро”, в которой представлены итоги многолетних исследований автора по данной тематике. О.В. Буторина – признанный специалист по вопросам европейской экономической интеграции, прежде всего в валютно-финансовой сфере, и особенно по проблемам единой европейской валюты – евро. В ряду многочисленных публикаций, посвященных 20-летию юбилею евро, рецензируемая монография занимает особое место. Книга представляет собой фундаментальный труд и охватывает длительный период – от начала Второй мировой войны до сегодняшнего дня. Несомненной заслугой автора является системно-исторический подход к анализу рассматриваемого явления. Это позволяет исследовать валютно-финансовую интеграцию в ЕС, во-первых, в глобальном контексте международных валютно-финансовых отношений, а во-вторых, с учетом исторической ретроспективы.

В первой главе автор подробно рассматривает подготовку и проведение в 1944 г. Бреттон-Вудской конференции, определившей судьбу международной валютно-финансовой системы на долгие годы вперед. Приводится много новых и интересных деталей, касающихся дипломатических маневров со стороны США, которые подспудно могут вызвать у читателя впечатление, что при другом раскладе политических сил альтернативой введению золотодолларового стандарта мог бы стать план Дж. Кейнса о скоординированном переходе на бумажно-денежное обращение. Хотелось бы здесь подчеркнуть, что США на тот момент объективно обладали столь сильными экономическими и военными преимуществами перед европейскими странами, что исход Бреттон-Вудса, по нашему мнению, был предрешен. Во второй главе анализируются события, предшествовавшие созданию

первых европейских интеграционных объединений – ЕОУС (1951) и ЕЭС (1957), с тем чтобы читатель смог лучше понять расстановку сил в мире и в Европе тех лет. Автор показывает роль США в рассматриваемом процессе. Так, идея о насущной необходимости экономической интеграции в Европе впервые была высказана не европейцами, а американцем П. Хоффманом, управляющим Администрации финансового сотрудничества (финансового органа плана Маршалла) в 1949 г. (с. 67-69). Также не в последнюю очередь благодаря поддержке США удалось в 1950 г. запустить Европейский платежный союз (ЕПС), поскольку именно США профинансировали создание его специального фонда (с. 71). О. Буторина указывает и на такой важный фактор, который существенно облегчил дальнейшее европейское финансово-экономическое сотрудничество: значительное снижение к концу 1950-х годов амбиций Великобритании и Франции, чьи валюты еще недавно претендовали на ведущие роли в мире (с. 94-95).

Однако на тот момент создание единой валюты не стало важной стратегической задачей созданного в 1957 г. Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Детально анализируя последующие события до начала 1970-х годов, автор убедительно показывает, что для этого существовало немало препятствий. Во-первых, в то время международные валютные отношения регулировались Бреттон-Вудскими соглашениями. Ключевые решения принимал МВФ, который работал с кризисными странами на двусторонней основе, то есть напрямую. Бреттон-Вудские соглашения уже обеспечивали систему фиксированных валютных курсов, которая была необходима и для поддержания стабильности в торговле между странами создающегося “Общего рынка”, особенно при проведении политики единых аграрных цен. Во-вторых, послевоенные валютные проблемы Западной Европы

были к концу 1950-х годов решены в рамках ЕПС и благодаря введению в 1958 г. конвертируемости европейских валют. В-третьих, валютная политика напрямую затрагивала национальный суверенитет, в отношении которого европейские страны были очень чувствительны (с. 110).

Ситуация стала коренным образом меняться с 1969 г., когда во Франции и ФРГ пришли к власти лидеры нового поколения. Другим важным фактором сближения позиций Франции и Германии было мощное воздействие внешнего кризиса — сначала явная угроза, а потом и крах Бреттон-Вудской системы. Обе страны оказались заложницами спекулятивных переливов капитала, которые снижали управляемость экономикой, а в случае Франции расшатывали социальную ситуацию и ограничивали ресурсы для модернизации (с. 183).

Реагируя на отмену фиксированной цены золота, а потом и переход доллара к свободному плаванию, страны — члены ЕЭС выбрали не создание единой валюты, а гибридную модель: негибкие курсы внутри объединения и подвижные за его пределами, в отношении третьих стран. Первая попытка была реализована в 1972 г. в виде широко известной “валютной змеи” (или “змеи в туннеле”), которая официально именовалась как Механизм обменных курсов. 3 апреля 1973 г. вступил в действие Европейский фонд валютного сотрудничества (ЕФВС). Операции фонда велись в специально учрежденной европейской валютной счетной единице *EMUA* (*European Monetary Unit of Account*), привязанной к золоту по стоимости паритета доллара до его девальвации по Смитсоновскому соглашению. Наверно, эту единицу можно рассматривать как прообраз будущего евро. Хотя за время существования “змеи” с июня 1973 г. по октябрь 1978 г. в ее число входили даже некоторые страны за пределами ЕЭС (Норвегия, Швеция), все же некоторые покидали этот механизм, а Франция, например, даже сделала это дважды. В результате, как отмечает автор, попытка создать в ЕЭС механизм коллективного плавания, который предохранял бы стержень интеграции (Общую аграрную политику и Таможенный союз) от внутреннего центробежного давления, не удалась (с. 190).

В 1979 г. “змею” сменила Европейская валютная система (ЕВС). Анализируя причины, побудившие предпринять новую попытку создать в ЕЭС зону валютной стабильности, автор приходит к выводу, что разнонаправленное движение курсов нарушало действие Общей сельскохозяйственной политики, что могло вылиться в глубокие политические разногласия и привести к распаду Сообщества. Память о валютном хаосе межвоенного времени заставляла рассматривать курсовую стабильность как необходимое условие модерниза-

ции, что было особенно важно для правящих кругов Франции. Перепады обменных курсов внутри ЕЭС повышали риск переключения расчетов на доллары и вытеснения американской валютой денежных единиц государств-членов из их исконных сфер обращения. Наконец, движение к валютному союзу рассматривалось в качестве идеи, которая могла бы вывести интеграцию из застоя и дать мощный толчок экономическому развитию. Также предполагалось, что тесное валютное сотрудничество может стимулировать движение к политическому союзу (с. 225). Символично, что идея ЕВС была выдвинута новыми лидерами — президентом Франции В. Жискаром д’Эстеном и канцлером ФРГ Г. Шмидтом. Важным новшеством ЕВС стала европейская валютная единица ЭКЮ (*European currency unit, ECU*), составленная как расчетная единица по принципу корзины.

Оценивая эффективность функционирования ЕВС, О. Буторина приходит к выводу, что валютная система являлась несомненным шагом вперед в развитии интеграции. Государства ЕЭС институционализировали свою “валютную идентичность”, заключает автор, что отвечало их возросшей роли в мировой экономике. Кроме того, они передали в ведение наднациональных органов значительную часть национального суверенитета в области валютной политики (с. 240).

О. Буторина отмечает, что спрос на интеграцию предъявляли не только экономические агенты, прежде всего в лице крупного бизнеса, но и правительства. Создание емкого внутреннего рынка ЕЭС представлялось им тем инструментом, при помощи которого они могли бы решать давно назревшие социально-экономические проблемы, а именно: вывести экономику из долговременного застоя и повысить темпы роста, снизить уровень безработицы и справиться с высокой инфляцией (с. 244).

Автор указывает, что возникший широкий запрос на углубление интеграции совпал с назначением в 1985 г. председателем Еврокомиссии Ж. Делора, выступавшего за углубление интеграции в ЕЭС, который вскоре предложил программу завершения строительства единого рынка. Она содержала предложения об устранении физических, технических и налоговых барьеров на пути движения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы на внутреннем рынке Сообщества. Валютная стабильность называлась “неотъемлемым условием” нормального функционирования внутреннего рынка. При этом отмечалось, что запланированная либерализация движения капиталов может потребовать усовершенствования механизмов Европейской валютной системы (с. 246). На основе программы Ж. Делора был принят Единый европейский акт,

вступивший в силу 1 июля 1987 г. Он содержал программу построения единого внутреннего рынка без границ с четырьмя свободами — свободным движением товаров, услуг, капиталов и физических лиц.

Анализируя процессы, происходившие в 1980-х годах, автор приходит к выводу, что превращению валютной интеграции в стратегическое направление деятельности Сообщества способствовал ряд причин. Во-первых, долгий экономический застой в ЕЭС требовал устранения существовавших между странами-членами барьеров на пути движения факторов производства, а фрагментарность финансового рынка грозила тем, что капиталы начнут перемещаться в другие регионы. Бизнес требовал создать единое экономическое пространство, и органы ЕЭС были готовы предложить программу Единого внутреннего рынка. Во-вторых, принципиальная невозможность сочетания свободного движения капиталов с фиксированными курсами. Если страны ЕЭС желали сохранить валютную стабильность между своими валютами, им предстояло пожертвовать автономной денежно-кредитной политикой. Так на горизонте обозначились контуры единого центрального банка. Наконец, быстрый рост размеров мировых финансовых рынков благодаря либерализации и новым информационным технологиям крайне усложнял поддержание устойчивости валютной системы отдельной страны силами национального центрбанка (с. 276-277).

Программа создания Единого внутреннего рынка, рассчитанная до конца 1992 г., в основном была выполнена к этому сроку. Процесс интеграции в Европе пошел дальше, и в феврале 1992 г. в Маастрихте был подписан договор о Европейском союзе. Договор предусматривал создание Экономического и валютного союза с единой валютой. Автор справедливо отмечает, что это стало возможным благодаря тому, что объединенная Германия заявила о готовности добровольно связать себя узами валютного союза и отойти от прежней установки на то, что сначала страны ЕЭС должны достичь высокой степени экономической конвергенции, а потом уже заводить речь о единой валюте (с. 280).

Анализируя Маастрихтский договор, О. Буторина пишет, что он был построен на хрупком компромиссе и создал почву для новых разногласий в рамках старой идейной борьбы. Через десять с лишним лет после введения единой валюты еврозона столкнулась с проблемой, которую не удалось решить во время саммита в Маастрихте. Общая экономическая политика ЕС строилась на основе межправительственного сотрудничества, и поэтому уровень коммунитарной дисциплины в ней оставался минимальным. При этом единая денежно-кредитная политика в Евросоюзе цели-

ком находилась в руках ЕЦБ. Долговой кризис, разразившийся весной 2010 г. в Греции, а затем перекинувшийся на другие страны еврозоны, со всей очевидностью показал, что примирить эти два подхода невозможно (с. 320-321).

Прогнозы, сделанные в 2012 г., которые предсказывали выход Греции из еврозоны с вероятностью от 33 до 75%, не реализовались. Совместными усилиями удалось купировать кризис и не допустить распада еврозоны. В результате перипетий кризиса, как отмечает автор, стало ясно, что экономический и валютный союз нуждается в срочном укреплении и масштабном достраивании (с. 499).

О. Буторина полагает, что заключенный по настоянию Германии Пакт стабильности и роста создал положительный прецедент в виде набора процедур, призванных поддерживать бюджетную дисциплину. Однако эффективность механизма оказалась невысокой и выявила многочисленные разногласия в подходах. Попытка увязать экономический и валютный союз с модернизационными и социальными целями Евросоюза если и удалась, то лишь в незначительной степени. Зато разработанные в подготовительный период механизмы единой денежно-кредитной политики зарекомендовали себя как функциональные и весьма надежные (с. 360).

Несомненный интерес представляет анализ политики ЕЦБ. Автор положительно оценивает эффективность мер, предпринятых ЕЦБ, отмечая, что в условиях, когда потребительская инфляция так и не стабилизировалась на уровне около 2% годовых, выкуп активов сошел на нет, а возможности понижения ключевой ставки исчерпаны, ЕЦБ стремится воздействовать на инвестиционный спрос путем создания обстановки доверия и предсказуемости на финансовых рынках, приняв решение разработать новый, усиленный механизм заблаговременного оповещения рынков о предстоящей процентной политике (с. 512).

По мнению автора, дальнейшая эволюция ЕЦБ под руководством К. Лагард будет происходить в сторону расширения его мандата и диверсификации используемых инструментов. Следует ожидать постепенный отход в той или иной форме от нынешней главной цели, поскольку 2%-я инфляция больше не является залогом устойчивого роста экономики еврозоны. ЕЦБ предстоит изобрести набор инструментов, которые могли бы поддерживать рост в весьма нетривиальных условиях новой нормальности (с. 515).

Подводя итоги 20-летнего существования евро, О. Буторина приходит к выводу, что хотя полного слияния национальных и локальных рынков не произошло и между ними сохраняются немалые барьеры административного, правового и даже

культурного свойства, без единой валюты нынешний уровень интеграции рынков был бы в принципе невозможен (с. 516). В период до введения единой валюты в Европейском экономическом сообществе, по мнению автора, реалистичной была угроза долларизации внутреннего пространства Сообщества. Возможность такого развития ситуации возрастала по мере вступления в него относительно небогатых стран (Испании и Португалии в 1986 г.) и всеобщей либерализации движения капиталов. Имелся реальный риск того, что страны с мягкими валютами переведут международные расчеты на доллары и де-факто окажутся внутри долларовой зоны. Переход на евро раз и навсегда снял данную проблему (с. 517).

Отвечая на вопрос, смогла ли единая валюта дать стимулы для роста экономики и занятости, автор пишет, что фактическая динамика ВВП еврозоны пока не позволяет утверждать, что единая валюта благотворно влияет на рост. Существовавшие на момент начала кризиса недостатки в конструкции ЭВС усилили действие проциклических факторов, от чего особенно пострадали наиболее слабые участники валютного союза (с. 520).

Одновременно автор делает вывод, что стратегическая цель упрочения международных позиций ЕС на сегодня выполнена в значительной степени, но не до конца. Так, евро сразу стал второй по значению мировой валютой и занял такую долю на мировых товарных и финансовых рынках, которую не могли занять все вместе взятые национальные денежные единицы стран ЕС. Однако, если до кризиса процесс расширения использования евро в мире развивался умеренными темпами, то после кризиса он остановился, а на нескольких участках обернулся вспять. За последнее десятилетие единая

валюта сдала часть завоеванных ранее международных позиций. Автор считает, что это послужило толчком к тому, что в конце 2018 г. Евросоюз отказался от прежней нейтральной позиции в отношении глобальных функций евро и разработал рекомендации о более активном продвижении евро в мире. Причем данное направление стало частью общей программы завершения строительства экономического и валютного союза (с. 521).

Как справедливо замечает автор, Европейскому союзу предстоит найти выход на дорогу устойчивого социально-экономического развития и завершить строительство экономической части европейского валютного союза. Сейчас главный вызов – сформулировать новую объединительную идею для Союза (с. 479). Особенно это актуально в свете произошедшего 31 января 2020 г. выхода Великобритании из числа его членов.

В целом работа О. Буториной заслуживает высокой оценки. Она сочетает в себе фундаментальный научный подход и доступный, яркий стиль изложения материала. Книга легко читается, изобилует множеством примеров, вводящих читателя в атмосферу соответствующей эпохи, позволяет понять движущие силы и препятствия для европейской интеграции. Последнее особенно важно с точки зрения использования опыта ЕС для других региональных объединений. Причем речь не идет о его слепом копировании. Более полное понимание того, как это происходило в ЕС, помогает успешнее строить интеграционную политику в иных условиях и иных региональных группировках. Безусловно, данная работа может быть интересна и полезна всем, кто занимается изучением сложных процессов интеграции, происходящих на пространстве Европы, а также в других регионах мира.

ENCYCLOPEDIA OF MONETARY INTEGRATION IN THE EUROPEAN UNION

[Review of the book: Butorina O. V. An Economic History of the Euro. Moscow, "Ves' Mir", 2020. 576 p. (In Russ)]

(World Economy and International Relations, 2020, vol. 64, no. 5, pp. 135-138)

Received 19.02.2020.

Ludmila S. KHUDYAKOVA (l.khudyakova@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Keywords: euro, European Monetary and Economic Union, European Central Bank.

About author:

Ludmila S. KHUDYAKOVA, Cand. Sci. (Econ.), Chief of Department.